

ISSN 2313-612X (print)
ISSN 2712-813X (online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Crimean
Historical
Review

2024

Том 11, № 2
Vol. 11, no. 2

DOI: 10.22378/kio.2024.2

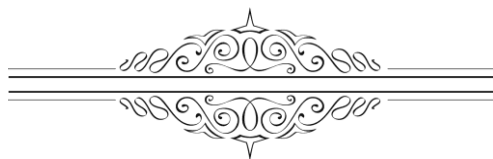
ISSN 2313-612X (print)

ISSN 2712-813X (online)

Научный журнал

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2024. Том 11, № 2

Scientific journal

CRIMEAN HISTORICAL REVIEW

2024, vol. 11, no. 2

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2024

© «Крымское историческое обозрение», 2024

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2024

© "Crimean Historical Review", 2024

*Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»*

Крымское историческое обозрение

Научный журнал

Научный журнал «Крымское историческое обозрение» («Crimean Historical Review») – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого публикуются исследования, посвященные изучению истории полуострова с древнейших времен по настоящий день, историко-культурному наследию крымских татар и других народов Крыма. Основной задачей издания является объединение усилий мировой и отечественной науки вокруг решения актуальных исследовательских задач, связанных с археологией, источниковедением, историей и культурой Крыма.

Журнал размещен и индексируется в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор),
Журнал основан:	ПИ № ФС 77-87866 от 22 июля 2024 г.
ISSN	2014 г.
Периодичность:	ISSN 2313-612X (Print), ISSN 2712-813X (Online)
Учредитель и издатель:	2 раза в год
Адрес редакции:	Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан» (420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация).
Типография:	420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Издательство Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация).
Сайт:	Издательство Академии наук Республики Татарстан
E-mail:	(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация).
Тел./факс:	https://crimeanreview.ru
Подписка:	mail@crimeanreview.ru
	(843) 292 84 82 (приемная).
	Подписной индекс ПС707 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

*The preparation and publication of the journal were carried out within
the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People”*

Crimean Historical Review

Scientific journal

The scientific journal “Crimean Historical Review” is a peer-reviewed journal that publishes research devoted to the study of the history of the peninsula from ancient times to the present, historical and cultural heritage of the Crimean Tatars and other peoples of the Crimea. The main objective of the publication is to unite the efforts of world and domestic science around solving current research problems related to archeology, source studies, history and culture of Crimea.

The journal is posted and indexed in international abstract and full-text databases: Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Russian Science Citation Index (РИЦ), Scientific Electronic Library of Open Access (CyberLeninka).

Name of the authority that registered the periodical: The journal was founded: ISSN Publication frequency: Founder and publisher:	The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor), PI No. FS 77-87866 from July 22, 2024 2014 г. ISSN 2313-612X (Print), ISSN 2712-813X (Online) 2 times a year State Institution “Tatarstan Academy of Sciences” (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation).
Editorial address:	7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences.
Press:	Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation).
Web-site:	https://crimeanreview.ru
E-mail:	mail@crimeanreview.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office).
Subscription:	Subscription index ПЧ707 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Хакимов Рафаиль Сибгатович, д. и. н., научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, вице-президент Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

Сейдаметов Эльдар Халилович, к. и. н., руководитель Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов

Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна, лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редакторы крымскотатарских текстов

Сейдаметова Нарие Сеидмаметовна, к. филол. н., старший преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Абибуллаева Эльмира Эбазеровна, младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); заведующий Мемориальным комплексом Исмаила Гаспринского, Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник (Бахчисарай, Российская Федерация)

Редактор татарских текстов

Муртазина Ляля Раисовна, к. пед. н., ведущий научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редактор турецких текстов

Сейт-Маметов Шукри Энверович, младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор

Гиниятуллина Люция Сулеймановна, младший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Крамаровский Марк Григорьевич, д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к. и. н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Зайцев Илья Владимирович, д. и. н., профессор РАН, ведущий научный сотрудник Центра исламских рукописей им. Шейха Зайеда Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдульвапов Нариман Ремзиевич, к. филол. н., ведущий научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Айбабин Александр Ильич, д. и. н., профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Акчурина-Муфтиева Нурия Мунировна, доктор искусствоведения, профессор кафедры декоративного искусства, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Аликберов Аликбер Калабекович, д. и. н., директор Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Апселямова Алиме Исмоиловна, к. полит. н., декан филологического факультета, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Брайан Глин Вильямс, Ph.D., профессор кафедры истории Университета Массачусетса в Дартмуте (Дартмут, США)

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, д. соц. н., доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Ганиева Эминне Сулеймановна, к. филол. н., доцент, декан факультета истории, искусств и крымскотатарского языка и литературы; ведущий научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Гаркавец Александр Николаевич, д. филол. н., главный научный сотрудник Казахского научно-исследовательского института культуры, Министерство культуры и спорта Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Гибатдинов Марат Мингалиевич, к. пед. н., руководитель Центра истории и теории национального образования им. Х. Фаезханова, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Грета Лин Улинг, Ph.D. (антропология), профессор кафедры антропологии Мичиганского университета (Мичиган, США)

Грозьян Нина Федоровна, д. филол. н., доцент, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Гуменюк Виктор Иванович, д. филол. н., профессор, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Заатов Исмет Аблятифович, доктор философии в арткритицизме, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Ильяс Кемалоглу (Камалов), Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана, член научного совета Турецкого Исторического Общества (Стамбул, Турция)

Ионуц Кожокару, Ph.D. (история), доцент кафедры подготовки педагогических кадров, социальных и гуманитарных наук, Университет ПОЛИТЕХНИКА Бухареста (Бухарест, Румыния)

Керимов Исмаил Асанович, д. филол. н., профессор, директор Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Кондратюк Григорий Николаевич, д. и. н., профессор кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Куртсеитов Рефик Джаферович, к. соц. н., доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, старший научный сотрудник отдела истории НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Майко Вадим Владиславович, д. и. н., директор, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Российская Федерация)

Минниханов Рифкат Нургалиевич, д. тех. н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Мусаева Улькер Кязимовна, д. и. н., профессор кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация);

старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Наматов Мирлан Аманович, профессор, Ph.D (история), тюрколог и иранист, иностранный член-корреспондент Академии наук, надписей и изящной словесности Тулузы (Франция), член-корреспондент Академии наук, словесности и искусств Туниса, ассоциированный член Португальской Академии Мореплавания (отделение истории), приглашенный исследователь научного проекта с профессором Маратом Алымкуловым в Международном университете Кыргызстана (Бишкек, Киргизская Республика)

Непомнящий Андрей Анатольевич, д. и. н., профессор кафедры археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Петров Павел Николаевич, к. и. н., ведущий научный сотрудник Центрального государственного музея Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Питер Голден, Ph.D., профессор Центра исследований Ближнего Востока Рутгерского государственного университета (Нью-Джерси, США)

Поляков Владимир Евгеньевич, д. и. н., доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д. и. н., директор Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Сейдалиев Эмиль Исаевич, к. и. н., доцент, заведующий кафедрой истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Сень Дмитрий Владимирович, д. и. н., профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Усеинов Тимур Бекирович, д. филол. н., профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Хамидова Марфуа Азизовна, доктор искусствоведения, профессор кафедры сольно-академического пения и оперной подготовки Ташкентской Государственной консерватории (Ташкент, Узбекистан)

Элизабет Титмаер, Ph.D., директор Музея европейской культуры (Берлин, Германия)

Эмирова Адиле Мемедовна, д. филол. н., профессор кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-chief

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Scientific Director of Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Vice-president of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

E.Kh. Seidametov, Cand. Sci. (History), Head of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English texts editor

L.S. Seitkhalilova, Laboratory assistant of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Crimean Tatar texts editor

N.S. Seidametova, Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer of the Department of Crimean Tatar and Turkish Linguistics, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

E.E. Abibullaeva, Junior Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Head of Ismail Gasprinsky Memorial complex, State Budgetary Establishment of the Republic of the Crimea "Bakhchisaray Historical-Cultural and Archeological Museum-Reserve" (Bakhchisarai, Russian Federation)

Tatar texts editor

L.R. Murtazina, Cand. Sci. (Pedagogy), Leading Researcher at the Center of History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Turkish texts editor

Sh.E. Seit-Mametov, Junior Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor

L.S. Giniyatullina, Junior Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

M.G. Kramarovsky, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Centre of Islamic Manuscripts, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

N.R. Abdulvapov, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

A.I. Aibabin, Dr. Sci. (History), Professor, Director of the History and Archeology, Crimea Research Center, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

N.M. Akchurina-Muftieva, Dr. Sci. (Arts), Professor of the Department of Decorative Arts, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

A.K. Alikberov, Dr. Sci. (History), Director, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

A.I. Apselyamova, Cand. Sci. (Political), Dean of the Philological Department, Associate Professor of the Department of social and humanitarian disciplines, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Brian Glyn Williams, Ph.D., Professor of the Department of History, University of Massachusetts at Dartmouth (Dartmouth, USA)

G.F. Gabdrakhmanova, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

E.S. Ganieva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Arts and Crimean Tatar Language and Literature; Leading Researcher at the Scientific Research Institute of the Crimean Tatar Philology, history and culture, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

A.N. Garkavets, Dr. Sci. (Philology), Chief Assistant, Kazakh Research Institute of Culture under the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

M.M. Gibatdinov, Cand. Sci. (Pedagogy), Head of the H. Faez Khanov Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Greta Lynn Uehling, Ph.D. (Anthropology), Professor in the Anthropology Department, University of Michigan (Michigan, USA)

N.F. Grozyan, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

V.I. Gumenjuk, Dr. Sci. (Philology), Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

I.A. Zaatov, Dr. Philosophy (Art Criticism), Cand. Sci. (Arts), Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Research Institute of the Crimean Tatar Philology and Culture of Crimean Ethnic Groups, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Ilay Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor of the History Department, Department of History of Marmara University, Member of the Scientific Council of the Turkish Historical Society (Istanbul, Turkey)

Ionuț Cojocaru, Ph.D. (History), Associate Professor of the Department of Training for Teaching Careers and Social and Human Sciences, University POLITEHNICA of Bucharest (Bucharest, Romania)

I.A. Kerimov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Director of the Scientific Research Institute of the Crimean philology, history and culture of the Crimean ethnos, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

G.N. Kondratjuk, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

R.D. Kurtseitov, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of social and humanitarian disciplines, Senior Researcher of the Research Institute of Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Ethnic Groups of the Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

V.V. Maiko, Dr. Sci. (History), Director, Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russian Federation)

R.N. Minnikhanov, Dr. Sci. (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

U.K. Musaeva, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation); Senior Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

M.A. Namatov, Professor, Ph.D. (History), Turkologist, Iranist, Foreign Corresponding Member of the Academy of Sciences, Inscriptions and Literature of Toulouse (France), Corresponding Member of the Academy of Sciences, Literature and Arts of Tunisia, Associate

Member of the Portuguese Academia de Marinha (Department of History), Visiting Researcher of a scientific project by professor Marat Alymkulov at the International University of Kyrgyzstan (Bishkek, Kyrgyzstan)

A.A. Nepomnyashchy, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Archeology and General History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

P.N. Petrov, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Peter Golden, Ph.D., Professor of the Center for Middle East Studies, Rutgers State University (New Jersey, USA)

V.E. Polyakov, Dr. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

R.R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

E.I. Seydaliyev, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation); Senior Researcher, Institute of Archeology of the Crimea of Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russian Federation); Senior Researcher of Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

D.V. Sen, Dr. Sci. (History), Professor of Special Historical Disciplines and Documentation Studies, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

T.V. Useinov, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

M.A. Khamidova, Ph.D. (Arts), Professor of the Department of solo-academic and opera training, Tashkent State Conservatory (Tashkent, Uzbekistan)

Elisabeth Tietmeyer, Ph.D., Director of the Museum of European Culture (Berlin, Germany)

A.M. Emirova, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Crimean Tatar and Turkish Linguistics, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Самоназвание крымских татар: история и современность

Рефат Абдужемилев. Аргументация автоэтнонима «крымские татары» индигенными и иностранными историческими источниками	16
Нариман Абдульвапов. XIX а. сонъу – XX а. башы кырымтатар эдебиятында «татар» этнонимининъ къулланылмасы	29
Алиме Апселямова. Ценностное измерение дискуссии об этнониме «крымские татары / крымлы» в современном этническом контексте	49
Надир Бекиров. Этноним «крымские татары» в документах международных организаций	58
Дзявер Османов. Булгарско-татарские дискуссии в контексте проблемы этнонима «крымские татары»	69
Эльдар Сеитбекиров. Академик В. В. Бартольд о «населении Крыма, отвергающем название “татар”»	80
Сельвина Сеитметова, Эльмира Абибуллаева. За ответом к великому учителю: Исмаил Гаспринский к вопросу о самоназвании «кырымлы» или «крымские татары»?	92
Эльдар Сейдаметов. Проблема этнонима крымских татар в произведениях Дж. Сейдамета	104
Сейран Сулейман, Айдер Эмиров. Бекир Чобан-заденинъ иджадында «Татарлыкъ» мевзусы	111
Мемедула Усеинов. Нисба «аль-Кырыми» на мусульманских эпиграфических памятниках Крыма XIII–XV вв.	117

Шевкет Юнусов. Проблемы этнической идентификации и авторской концепции в историческом романе Гюнер Акмоллы «Татары»	126
Эмир Аблязов. Формирование современных тюркских наций и проблема самоназвания	132

Наследие

Рефат Абдужемилев. Дервиш Мехмед бин Мубарек Герай Дженгизи. Хроника «Тарих-и Мехмед Герай» («История Мехмед Герая») (часть 5)	149
Дариуш Колодзейчик. Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие (перевод с английского Сейтхалиловой Л., Алиевой А.)	168

Хроника

События июля – декабря 2024 г.	214
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Self-designation of the Crimean Tatars: History and Modernity

Refat Abduzhemilev. Argumentation of the autoethnonym “Crimean Tatars” by indigenous and foreign historical sources	16
Nariman Abdulvapov. The ethnonym “Tatars” in Crimean Tatar Literature of the late 19th – early 20th centuries	29
Alime Apselyamova. The value dimension of the discussion about the ethnonym “Crimean Tatars / Kyrymly” in a modern ethnic context	49
Nadir Bekirov. Ethnonym “Crimean Tatars” in documents of international organizations	58
Dlyaver Osmanov. Bulgar-Tatar discussions in the context of the problem of the ethnonym “Crimean Tatars”	69
Eldar Seitbekirov. Academician V.V. Bartold about “the population of Crimea, rejecting the name “Tatars”	80
Selvina Seitmemetova, Elmira Abibullaeva. For an answer to the great teacher: Ismail Gasprinsky on the question of self-name “Kyrymly” or “Crimean Tatars”?	92
Eldar Seidametov. The problem of ethnonym of the Crimean Tatars in the works of J. Seidamet	104
Seyran Suleyman, Ayder Emirov. The theme of belonging to the Tatar people in the works of Bekir Choban-zade	111
Memedula Useinov. Nisba “Al-Kyrymi” on Muslim epigraphic monuments of Crimea of the 13th–15th centuries	117

Shevket Yunusov. The problem of ethnic identification and author's concept in the historical novel "Tatars" by Güner Akmolla	126
Emir Ablyazov. Formation of modern Turkic nations and the problem of self-designation	132

Heritage

Refat Abduzhemilev. Dervish Mehmed bin Mubarek Geray Genghisi. The Chronicle "Tarikh-i Mehmed Geray" ("Mehmed Geray's History") (part 5)	149
Dariusz Kołodziejczyk. "The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage" (Trans. from English Seitkhalilova L., Alieva A.)	168

Chronicle

Events of July – December 2024	214
--------------------------------------	-----

САМОНАЗВАНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 930.2

DOI: 10.22378/kio.2024.2.16-28

Аргументация автоэтнонима «крымские татары» индигенными* и иностранными историческими источниками

Рефат Абдужемилев

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;

Крымский инженерно-педагогический университет

имени Февзи Якубова

Аннотация. Статья нацелена на доказательство эндоэтнонимной природы и опровержение экзоэтнонимной гипотезы самоназвания «крымские татары». Фундамент доказательной базы заложен в письменных источниках эпохи Крымского ханства. Рассмотрены иностранные исторические источники и определены главные формы самоназвания. Проанализирован филологический аспект автоэтнонима (изафетная конструкция). Указано отражение наименования «татар» в топонимике Крымского полуострова. Проведен краткий исторический экскурс эволюции самоназвания.

Ключевые слова: автоэтноним, источник, крымские татары, Крымское ханство, крымцы, татары, тюрко-татары, эндоэтноним, экзоэтноним.

Для цитирования: Абдужемилев Р.Р. Аргументация автоэтнонима «крымские татары» индигенными и иностранными историческими источниками // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 16–28. DOI: 10.22378/kio.2024.2.16-28

* Индигенный – местный, коренной, аборигенный, изначально присутствующий.

Актуальность исследования. В последние десятилетия современной истории крымских татар активно выдвигалась несостоятельная в своей основе теория о ложности самоназвания «крымские татары». Главные тезисы, выстраивающие эту теорию: 1) под общим названием «татары» назывались (подразумевались) все тюркоязычные мусульманские народы Российской империи (на примере азербайджанцев); 2) термин «татары» означал чужеземцев (или варваров); 3) татары являлись монгольским племенем (миф о «монголо-татарском нашествии»); 4) трактовка самоназвания с филологической точки зрения, крымские татары (прилагательное + существительное) – то есть татары, проживающие в Крыму; 5) недостаточные знания в понимании вопроса самими крымскими татарами предыдущих поколений, исходя из обстоятельств времени, несмотря на использование слова «татары» в произведениях классиков крымскотатарской литературы.

Цель исследования: аргументированно опровергнуть вышеуказанную теорию, рассмотрев вышеперечисленные тезисы.

Задачи исследования:

- * подтвердить эндоэтнонимную природу наименования «крымские татары» (эндоэтноним – самоназвание, имя, которое народ присваивает себе), опираясь на крымскотатарские источники ханского времени, эпохи государственности крымских татар;

- * дать опровержение теории экзоэтнонимной природы имени «крымские татары» (экзоэтноним – название, данное другими народами), опираясь на иностранные и русскоязычные исторические источники;

- * установить приблизительное время, причины и предпосылки появления самоназвания «крымские татары»;

- * проследить преобразование этнонима «татары» в «крымские татары» в историческом контексте.

Этимология¹ слова «татары» достоверно не ясна и остается загадкой для ученых, несмотря на наличие в литературе различных версий («лучник», «наездник», «гонец» и др). Под собирательным именем «татары» подразумевались тюркские по происхождению народы Евразии, говорившие на тюркском языке, обширная консолидация многих племен и родов («*sansız köp Tatar*» / «бесчисленное множество татар») [1, с. 15; 15, с. 671]. Наиболее ранние письменные упоминания о татарах встречаются в тюркских орхонских надписях (VIII в.): объединения татарских племен «*Otuz Tatar*» («Тридцать татар») и «*Toquz Tatar*» («Девять татар») [3, с. 559]. Гипотеза о происхождении татар от монголов не имеет подтверждения. Средневековые историографы разграничивали татар и монголов [3, с. 559].

¹ Происхождение.

Наиболее ранние ярлыки золотоордынских ханов написаны не на монгольском, а на старотюркском языке (уйгурским шрифтом) [4].

На более поздних этапах истории в результате колониальной политики царизма название «татары» распространилось на многие тюрко-мусульманские народы. В XIX в. появился унифицированный термин «тюрко-татары» («Turkish-Tartar»). Единый язык назывался «турецко-татарским», он делился на наречия (крымское наречие, азербайджанское и пр.). В дальнейшем в среде самих народов зародилась идеология пантюркизма (И. Гаспринский, газета «Терджиман»). Термин «Türk-Tatar» («тюрко-татарский») в значении «крымскотатарский» использовался и самими крымскими татарами: учебное пособие для школ «Тюрк-татар тили» (А. Одабаш, У. Аджы-Асан, Симферополь, 1928 г.) [13].

Очевидность эндотонимной природы наименования «крымские татары» верифицирована (проверена) в результате анализа автохтонных (местных) письменных источников эпохи государственности (Крымского ханства, официально именовавшегося Великой Ордой и Великим Юртом²). В категорию этих источников входят: ярлыки [7], хатты (письма) [7], исторические хроники, поэзия, решения шариатского суда (*şeriyye sicilleri*). В содержании подобных материалов имеется большое количество использования термина «татар»: *qavm-ı Tatar* (татарское племя), *Tatar tayfası* (татарский род), *asker-i Tatar / asakir-i Tatar / leşker-i Tatar / Tatar çerisi* (татарское войско), *Tatar-ı bad-reftar* [5, с. 329] / *Tatar-ı saba-reftar* – ветроногие татары, быстрые, будто ветер, татары, *Tatar Hanı / Han-ı Tatar* (татарский хан) [1, с. 16–17].

Наиболее известная крымскотатарская хроника ханского периода, написанная Сейид-Мухаммедом Ризой и отражающая историю Крымского ханства, непосредственно в своем заглавии содержит слово «татар»: «*Эс-себу'с-сейяр фи ахбар-и мулюк-и татар*» («Семь планет в известиях о царях татарских») [14].

Причины появления самоназвания «крымские татары»: крымские татары оформились как политическая нация, закрепив за собой субъектность; преобразование Золотой Орды (Улуса Джучи) в Крымское ханство, с централизацией власти в Крыму («*taht-ı Qırım*» / «Крымский престол»). Предпосылки: крымские татары ранее именовались совокупным названием «*Tatarlar*» («татары»). В выше обозначенных источниках прослеживается повсеместное употребление слова «*Tatar*». Зафиксированы дипломатические документы (в количестве 6 единиц) за период с 1631 г. по 1670 г. (яр-

² Название государства в титулатуре ярлыков: *Uluğ Orda ve Uluğ Yurt, ve Taht-ı Qırım, ve Deşt-i Qıpçaq...*

лыки и хатты), где представлена форма написания «*Qırım Tatarları*» («крымские татары») [7].

1) «...taqı Qırımdan otuz-qırq çaqlı Tatar Azav kişileri bile cavlay kildiler Qolay nam Tatarı bizgâ tutıb kiltürgân irdiler ol Qolay digân Tatardan su'al itkânde Qırım Tatarımız dip cevab virdiler dipsiz...» // «...и молвили Вы, что из Крыма пришли с набегом тридцать-сорок татар с азаками, да поймали и привели к Вам татарина по имени Колай, да, расспросив того татарина Колая, узнали, что он крымский татарин...» (ярлык Джанибек Герай-хана Михаилу Федоровичу, 1631 г., № 18) [10, с. 68].

2) «...ve dahi iyemiz uluğ Mehmed Geray Han hazretleriniñ şartı anıñ üstündedir kim siziñ vilâyetiñüzgâ ve çet yerleriñüzgâ biylerni ve mırzalarını ve asker cümle Qırım Tatarlarını ve Uluğ Noğaynı ve Küçük Noğaynı da bolsa cavlay cibermeske...» // «...да шерт (клятвенный договор) нашего господина, его превосходительства, великого Мехмед Герай-хана держится на том, дабы на Ваши земли и приграничные места не посылать набегом беев и мурз, да войск всех крымских татар, да от Великого Ногай и Малого Ногай...» (Хатт Джантимур-бея Михаилу Федоровичу, 1642 г.) [10, с. 588].

3) «...inş'Allah Ta'alâ vilâyetiñüze ve çet yerleriñüze her kez yâmanlıq olmastur şimdiye degin ahd-peymanımızda qarar itüb Qırım Tatarın ve Ulu Noğay ve Küçük Noğay ve Azaq halqnı zapt ve rabtda qusur itdigimiz yoqdur...» // «...коль на то воля Всевышнего Аллаха, да не быть злу ни от кого на Вашу страну и границы, доселе, приняв решения в нашем клятвенном договоре, не допустили оплошностей в деле порядка среди крымских татар, да Великого Ногай и Малого Ногай, и азаков...» (мухаббетнаме Ислам Герай-хана Алексею Михайловичу, 1653 г.) [10, с. 211].

4) «...ve vilâyetiñizgâ ve serhadlarıñızga hiç bir türlük zarar ve ziyan bolmastur Qırım Tatarındın ve zabtımızda bolğan barça Tatar ve Noğay askerindin qaysılar bizdin qaçüb ketkân Noğaylulardan başqa cümle asker kişilerimizni muhkem zabt ve ziyâde tenbih idüb kimse Biş-Baş barmasdır...» // «...да не быть всякому вреду и урону Вашей стране и Вашим границам, от крымских татар и от всего татарского и ногайского войска в нашей власти, да кроме сбежавших от нас ногайцев, напрочь удерживая и сильно предупредив все наше войско, никто не пойдет самовольно (беш-баш)...» (ярлык-мухаббетнаме Мехмед Герай-хана Михаилу Федоровичу, 1643 г., № 71) [10, с. 135].

5) «...taqı vilâyetiñüzgâ Qırım Tatarımızdan haşa barğaylâr Azav kişileri cavlay barsalar bizim alarğa buyuruğımız keçmâsdir anıñçün kim anlar Hunkâr qullarıdır...» // «...да пусть только в Вашу страну идут из наших крымских татар, а ежели азаки пойдут набегом, то не подлежат они нашим приказам, ибо слуги хункяровы (султанские)...» (ярлык Джанибек Герай-хана Михаилу Федоровичу, 1631 г., № 18) [10, с. 68].

6) «...siz Han hazretleriniñ ilçisi Mustafa ağa yoldaşları birle Han-ı a'zam hazretlerimizniñ tusnaq adamları seksân üç nefer Qırımdan Maskvaga kildiler qayuları siz Han hazretleriniñ ilçileriñiz Sefer ağa ve Temirşah Atalıqnıñ söyleşüb bekleşkânlerinçe almaşuvğa Qırım Tatarları üzerine yibârdiler...» // «...Вашего превосходительства, хана, посол Мустафа-ага, со спутниками, пленники нашего великого хана, восемьдесят три человека, прибыли из Крыма в Москву, которых Вашего превосходительства послы Сефер-ага и Темиршах-аталык по договоренности отправил на разменную к крымским татарам....» (хатт Алексея Михайловича Адиль Герай-хану, 1670 г., № 227) [10, с. 670].

На средневековых османских картах земли в границах Крымского ханства (в том числе и полуостров Крым) обозначены названием «*Tatarstan*». У крымскотатарского хрониста Абдулгаффара Кырыми (XVIII в.) названием Татарстан определена Золотая Орда, позже трансформировавшаяся в Крымское ханство [12]. Слово «*Tatarstan*» применимо к Крымскому ханству проходит и в «*Seyahatname*» («Книге путешествий») османского путешественника Эвлии Челеби, побывавшего в Крыму в 1666–1667 гг.: «...*Amma bu Aqmescid Qırım diyarının şekl-i müselleşi ortası olup Tataristan'ın güzide yerleri budur kim sırf Tatarlardır...*» // «...Однако сей Акмесджит является треугольной формы центром страны Крым, это и есть отборные места Татарстана, исключительно населенные татарами...» [16, с. 641]. А используемый в Крыму язык Эвлии Челеби называл татарским: «...*Naqqa ki lisan-ı qadim ve luğat-i azim Tatar lisanıdır. Yine bu Qırım lisanı anlanır...*» [16, с. 642–643] // «...Действительно, их древний язык и великий словарь называется татарским. Все же под ним следует понимать крымский язык...».

Язык татарского племени Бадрак в заметках Эвлии Челеби: «...*Nefs-i Qırım ceziresi içinde hasıl olmuş qavm-ı Badraq derler bir turfe qabileidir. Gerçi Tatar'dır, amma şehirlerde hasıl olduqlarından bir güne lisan-ı ıstılâhları var. Anların kelâmların taşra Noğay qammi anlayamazlar, zira lisan-ı Noğay Tatarı altı güne lisandır...*» // «...Так называемое племя Бадрак, образованное внутри Крымского острова, – странное (ранее невиданное) племя. Хотя и татары, однако же, в отличие от городских (городского люда), имеют своеобразный (непонятный) язык. Их слова непонятны ногайскому племени далеко за пределами, ибо язык ногайских татар состоит из шести разных языков» [16, с. 617–618].

Эвлии Челеби особо выделял «татарскую» этимологию топонимических названий Крыма: «*Lâkin qayalarında inleri, ya'ni mağaraları çoq olmaq ile qavm-ı Tatar bu qal'aya İnkirman derler...*» («Однако из-за множества пещер, татарское племя называет сию крепость Инкерман <...>») [16, с. 573]; «*Qavm-i Tatar Balıqlağı kirman derler...Balığı vefret olmaq ile qavm-i Tatar*

Balıqlağı dediler....» («Татарское племя называет Балыклагы-керман <...> Из-за обилия рыб татарское племя назвали Балыклагы...») [16, с. 579]; «amma qavm-i Tatar-ı saba-reftar Sudaq kirman derler...» («Но быстрое, словно ветерок, татарское племя называют Судак-керман») [16, с. 651]; «Evsaf-ı qal'a-i şirin Kerç: Qavm-ı Tatar Kiriş derler...» («Описание приятной крепости Керч: татарское племя называет Кириш (вход)») [16, с. 684].

Результаты анализа иностранных (иноязычных) исторических источников (с XVII в. до середины XIX в.)³. Никаких иных этнонимов, помимо

³ Moll H. A System of Geography: or, a New & Accurate Description of the Earth in all its Empires, Kingdoms and States. Part 1. Illustrated with History and Topography, and Maps of Every Country, Fairly Engraven on Copper, according to the latest Discoveries and Corrections (etc.) / by Herman Moll. London, Timothy Childe, 1701. 444 p.

Wells E. A Treatise of Ancient and Present Geography. Together with a Sett of Maps, both of Ancient and Present Geography, design'd for the Use of Young Students in the Universities. The Second Edition with large Additions / by Edward Wells, M. A. and Student of Christ-Church, Oxon. London: A. and J. Churchill, 1706. 204 p.

Atlas Geographus: Or, A Compleat System of Geography, Ancient and Modern. Containing What is of most Use in Bleau, Varenus, Cellarius, Cluverius, Baudrand, Brietius, Sanson, etc. With the Discoveries and Improvements of the best Modern Authors to this Time. Illustrated with about 100 New MAPS, done from the latest Observations, by Herman Moll, Geographer; and many other CUTS, by the best Artists. Europe is Two Volumes, with Sixty eight Maps, Sanson's Tables, etc. Vol. II. Printed by John Nutt, 1711. 979–1774 pp.

PASCHOUD (Schoolmaster). Historico-Political Geography: Or, A Description of the Names, Limits, Capitals, Divisions, Descriptions of particular Provinces, Situation, Extent, Air, Soil, Commodities, Rarities, Rivers, Chief Towns, Inhabitants, Manners, Language, Populousness, Dominions, Pretensions, Government; Kings or Princes Genealogy, Titles, Revenues, Residence; States or Courts of Justice, Laws, Nobility, Order of Knighthood, Clergy, Arch-bishopricks, Bishopricks, Universities, Religion, Advantages, Defects, and Interests of the several Countries in the World. Collected from the best Authors / by the Reverend Mr. Paschoud, Chaplain to the Right Hon-ble William-Anne Earl of Albemarle. Vol. II. London: J. Read; sold at Peter du Noyer's and Abel Rocayrol's, 1724. 400 p.

Gordon P., Senex J. Geography Anatomiz'd: Or, the Geographical Grammar. Being a short and Exact Analysis of the whole Body of Modern Geography, After a New and Curious Method. Comprehending I. A general View of the Terraqueous Globe, II. A particular View of the Terraqueous Globe. Collected from the best Authors, and illustrated with divers Maps. The Nineteenth Edition, Corrected, and somewhat Enlarged; with a Set of New Maps, by Mr. Senex / by Pat. Gordon, M.A.F.R.S. London: J. and P. Knapton, J. Brotherton, J. Clarke, S. Birt, T. Longman [and 7 others on London], 1749. 432 p.

Salmon T. The Universal Traveller: Or, a Compleat Description of the Several Foreign Nations of the World. Brought down to the present Time and illustrated with great

«татары» / «крымские татары» не обнаружено: англ. *Crimean Tatars / Crim Tartars*, нем. *Krimtataren, krimtatarisch*, франц. *Tatars de Crimée*, итал. *Tartari di Crimea*, испан. *Tártaros de Crimea*, польск. *Tatarzy krymscy*, араб. القرم. В европейских источниках Крымское ханство упоминалось под названиями: Крымская Татария (*Crim-Tartary*), Перекопская Татария (англ. *Precopean-Tartary*, лат. *Tartaria Precopensis*), Перекопская Орда (*Horda Precopensium*), Малая Татария (англ. *Little Tartary / Lesser Tartary*, нем. *Kleine Tartary*, франц. *La Petite Tartarie*, итал. *Tartaria Minor*, испан. *Tartaria Menor*) или Европейская Татария (англ. *European Tartary*)⁴.

Как свидетельствуют переводные копии дипломатической документации, крымские ханы назывались великими татарскими государями (императорами): «*magnus imperator Tartharorum*» в шертнаме хана Нурдевлета к польскому королю Казимиру IV (1467 г.) [17, с. 534], «*imperator Tartarorum*» и «*Magno Imperatori Terre Thartharorum*» в обращении короля Казимира к хану Менгли Гераю (1472 г.) [17, с. 536].

На Крымском ханстве свой взор фокусировали средневековые европейские художники, запечатлевшие портреты крымскотатарской военно-политической элиты своего времени. Практически во всех иллюстрациях, подписанных на латинском языке, содержатся этнотерриториальные обозначения «Татария» и «татарский»: Adil Ghiray Gran Camo de Tartari Precopensi, Crimensi, Nogayensi (Адил Герай, великий хан татар перекопских, крымских, ногайских), Achmet Ghiray General de Tartari figlio del Gran Cham (Ахмед Гирай, генерал Татарии, сын великого хана), Seferkazi Aga

Variety of Maps and Cuts. Vol. I. / by Mr. Salmon London: Richard Baldwin, at the Rose in Pater-Noster-Row, 1759. 692 p.

Gadesby R. A new and easy Introduction to Geography, by way of question and answer, divided into lessons. Principally designed for the Use of Schools. Containing a Description of all the known Countries in the World; Of their respective Situations, Divisions, Mountains, Rivers, Principal Cities and Towns, Forms of Government, Religion, etc. Likewise several useful problems on the Terrestrial Globe, with An Explanation of the Vicissitudes of the Seasons / by Richard Gadesby, Teacher of Writing, Accounts, Geography, etc. London: Printed for the Author, and sold by S. Bladon, No. 16, Pater-Noster Row; and J. Walter, Charing-Cross, 1776. 182 p.

Spencer E. Travels in Circassia, Krim Tartary, etc. Including a steam voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople and round the Black Sea, in 1836. In two volumes. Vol. I. / by Edmund Spencer, Esq. Author of "Sketches of Germany and the Germans", etc. London: Henry Colburn, Great Marlborough Street, 1837. 355 p.

Holderness M. Notes relating to the manners and customs of the Crim Tatars; Written during a four years' residence among that people. With plates / by Mary Holderness. London: John Warren, Old Bond Street, 1821. 168 p.

⁴ Противоположность Малой (Европейской) Татарии – Великая (Азиатская) Татария [Great (Asiatic) Tartary], страна на севере от Китая.

Gran Visir de Tartari (Сефергази-ага, великий визирь Татарии), Sultan Calga Generale de Tartari, fratello del Cran Cam (Калга-султан, генерал Татарии, брат великого хана), Magni Tartarorum Chani Legatorum (Послы великого татарского хана), Legationis Tartarica Ad Svecos (Посольство Татарии к шведам)⁵.

Наименование «крымцы» встречается главным образом в средневековой русскоязычной литературе (Посольские книги и др.)⁶. В конце XIX в. оно стало изредка употребляться крымскими татарами. Термин «крымцы» не может считаться самоназванием из-за неимения письменно закреплённого, оригинального (крымскотатарского) эквивалента-этнонима в источниках эпохи государственности. Равнозначное определение «*ehl-i Qırım*» / «*ehali-i Qırım*» («жители Крыма») использовалось в исторических хрониках. Суффиксами «-ец» в ед. числе и «-цы» во множ. числе обозначаются лица по принадлежности к стране (гражданство), территории, городу, месту жительства или рождения, а не этническая принадлежность: американец⁷ – гражданин Америки (США), немец – гражданин Германии, украинец – гражданин Украины, африканец – житель Африки, европеец – житель Европы, уралец – житель Урала, кавказец – житель Кавказа.

Изначально татары называли Кырымом золотоордынский город в восточной части Крымского полуострова и древнюю столицу своей страны. Позже наименование перешло и на весь полуостров. По сути, слово «Кы-

⁵ Galeazzo Gualdo Priorato «Historia di Leopoldo Cesare...». Vienna, 1670, P. 2; М Мериан, Изд.: «Theatrum europaeum». Т. 6. Франкфурт-на-Майне, 1663.

⁶ Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. / Отв. ред. И. В. Зайцев; подгот. текста: А. В. Малов, О. С. Смирнова, Г. А. Тарасова; статьи, коммент.: А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, О. С. Смирнова, В. Н. Сокуров; приложения: А. М. Галенко, И. А. Мустакимов. М.: ИД Марджани, 2016. 400 с.

Карамзин Н. История государства Российского. Том IV. Издание второе, исправленное. / Изданием братьев Слёниных. СПб.: В типографии И. Греча, 1819. 255 с.

Соловьев С. История России с древнейших времен. История России в царствование Алексея Михайловича. Том второй / Сочинение Сергея Соловьева. СПб.: У издателя И. И. Глазунова, в д. публичной библиотеки, под № 21 и 22, 1861. 480 с.

Полевой Н. История русского народа. Том 4 / Сочинения Николая Полевого. Москва: В типографии Августа Семена, при Императорской Мед.-Хирург. Академии, 1833. 366 с.

Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Том 2. Потешные и Азовские походы. СПб.: в типографии II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858. 589 с.

⁷ Американцы (собирательное определение) – население Америки в широком смысле, в узком – жители и уроженцы США.

рым» внедрено в употребление исключительно татарами и является «изобретением» татар, или достоянием татар. Этимология слова «Кырым», также как и татары, представлена различными толкованиями.

Филологический аспект автоэтнонима «крымские татары». Оригинальная форма «Qırım Tatarları» (в османском языке «Tatar-ı Qırım») представляет собой второе изафетное⁸ словосочетание (ekinci izafet birikmesi [6, с. 133], izafet-i beyaniye [2, с. 25], т. е. указание на разновидность, род), где оба слова – имена существительные (isim). Главное слово (baş söz) образовано добавлением аффикса принадлежности (mülkiyet yalğaması) «-ı» (-ы). Компонент muzafun ileyh – Qırım, компонент muzaf – Tatar. В переводе на русский и иные языки первое слово из словосочетания становится прилагательным (крымский, Crimean и др.). Перевод «татары Крыма» был бы возможен в случае третьей изафетной конструкции (üçüncü izafet birikmesi) – «Qırımñ Tatarları» [6, с. 134].

Совокупное этническое наименование «татары» по своей смысловой нагрузке аналогично совокупному этническому наименованию «арабы». Исходя из этой аналогии, автоэтноним «крымские татары» (обособленное самоназвание) вполне допустим и обоснован. Египетские арабы – коренной этнос Египта (Misr), египтяне – граждане, жители или уроженцы Египта. Марокканские арабы – коренной этнос Марокко (Mağrib), марокканцы – граждане, жители или уроженцы Марокко. Крымские татары – коренной этнос Крыма, а крымцы – граждане, жители или уроженцы Крыма.

Этнонаименование «татар» закреплено и во многих топонимических объектах Крымского полуострова, в названиях сел (комонимы), преимущественно, исчезнувших и расположенных в степной части, кроме сел Татар Осман и Татаркой (Бахчисарайский район). Джанкойский район: села Татар Барын, Татар Акъсюрю Къонърат, Татар Къалай, Татаркой. Раздольненский район: села Татар Манай, Татар Атай, Татар Мунус, Татар Озьбек, Татар Аманша. Красноперекопский район: Татар Кутюке, Татар Бой Къазакъ. Первомайский район: Татар Шигим. Красногвардейский район: Татар Ай Тувгъан. Советский район: Татар Аблеш. Сакский район: Татар Ташке, Татар Маргъальфе. Ленинский район: Татар Къой Асан, Татар Эски Къазан Тип, Татар Чюрюбаш, Татар Чукъул. Кировский район: Татар Асан Бай, Татар Ишюн. Симферопольский район: Татар Сарабуз (упраздненное).

Среди оронимов⁹ также встречается компонент «татар»: горный хребет Татар-Хабурга (на севере Коктебельской долины), гора Татар-Ялга (татар-

⁸ Изафет (лингв.) – грамматическая конструкция, характерная для семитских, некоторых западноиранских, тюркских языков, сочетание двух существительных (определяемого с определением).

⁹ Оронимы – названия поднятых форм рельефа (гор, хребтов, вершин, холмов).

ской овраг, Бахчисарайский район), перевал Татар Богаз и балка Татар Джилга (Симферопольский район).

Самоназвание «крымские татары» («Qırım Tatarları») фундаментально утвердилось и вошло в оборот на волне событий 1917–1918 гг., с ростом национального самосознания, с процессами самоопределения и институционализации у крымских татар (Крымская демократическая республика, крымскотатарский Курултай): «Голос татар. Орган крымскотатарского национального правительства», «Крымскотатарский Курултай и татарский парламент» [9, с. 1]. «Крымскотатарские основные законы» [9, с. 2]. «Крымскотатарский делегатский съезд» (Голос татар, № 11, 11 октября 1917 г.) [8, с. 2].

В ходе последующей истории (Крымская АССР) атрибутивные слова «Tatar» («татарский») и «Qırımtatar» («крымскотатарский») использовались параллельно, с преобладанием первого. Одним из государственных языков Крымской ССР по конституции 1924 г. обозначен татарский [11, с. 13]. В Крымской АССР функционировал Научно-исследовательский институт крымскотатарского языка и литературы имени А.С. Пушкина (А. С. Пушкин адына кырымтатар тили ве эдебияты ильмий-тешкерюв институты). Крымскотатарский народ идентифицировал себя самоназванием «крымские татары» и в период ссылки (1944–1990 гг.), несмотря на официальный запрет на использование слова «Крым». И в нынешнюю эпоху словосочетание «крымские татары» является общепринятым самоназванием, внесенным в справочную и энциклопедическую литературу, закреплённым и используемым в международном праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдужемилев Р. Этнотерриториальные наименования в контексте документации Крымского ханства // Крымское историческое обозрение. 2015. № 1. С. 8–21.
2. Абдулькьадир М. Къваид-уль-лисан-и тюрок / Нашири китабджы Али Ахмед Тарпи. Багъчасарай: «Терджиман» матбаасы. 1914. 69 с.
3. Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюрокских и монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 754 с.
4. Березин И. Тарханные ярлыки Тохтамышы, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея / С введением, переписью, переводом и примечаниями, изданные И. Березиным. Казань: В типографии Университета, 1851. С. 56.
5. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. 813 с.
6. Велиулаева А. В. Къырымтатар тили грамматикасы джедвеллери. Орта мектепнинъ 5–9-нджы сыныф талелебелери ичюн. Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 1999. 176 с.

7. Вельяминов-Зернов В. В. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии Наук, из Московского главного архива Министерства иностранных дел / Изд. В. В. Вельяминов-Зернов. Санкт-Петербург: [Тип. Императ. Акад. Наук], 1864. XI, [943] с.

8. Голос татар. Еженедельный орган временного Крымско-мусульманского исполнительного комитета. 1917, № 11, 11 октября.

9. Голос татар. Орган Крымскотатарского национального правительства. 1917, № 16, 20 декабря.

10. Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / Сост. и транслит. Р. Р. Абдужемилева; науч. ред. И. Миргалеев. Симферополь: ООО «Константа», 2017. 816 с.

11. Конституция Крымской Советской Социалистической Республики. Крым-издат, 1924. 13 с.

12. Кылыми А. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И. М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 420 с.

13. Одабаш А., Аджи-Асан У. Тюрк-татар тили. Китап 1. 1-нджи басмакъ тар мектеплерининъ экинджи йылы ичюн окъув китабы. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты, 1928. 200 с.

14. Сейид-Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 1: Транслитерация / Авт. предисл., транслитерация, подготовка к изданию Р. Р. Абдужемилева; под общ. и науч. ред. И. М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 364 с.

15. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXIIA (64). Тай – Термиты / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Типография Акц. Общ. «Издательское Дело», Брокгауз-Ефрон, 1901. 963 с.

16. Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Yedinci cilt / Türk tarih encümeni külliyatı. Aded: 11. Istanbul: Devlet matbaası, 1928. 912 s.

17. Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th – 18th Century): a study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden–Boston: Brill, 2011. XXXII, 1049, [48] p.

Сведения об авторе: Абдужемилев Рефат Рустем-огълы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культур этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); refatimus@gmail.com

Argumentation of the autoethnonym “Crimean Tatars” by indigenous and foreign historical sources

Refat Abduzhemilev

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University*

Abstract. The article aims to prove the endoethnonymous nature and refute the exoethnonymous hypothesis of the self-designation of the Crimean Tatars. The foundation of the evidence base is laid in the written sources of the Crimean Khanate era. Foreign historical sources are considered and the main forms of self-designation are determined. The philological aspect of the autoethnonym (izafet construction) is analyzed. The reflection of the name “Tatars” in the toponymy of the Crimean Peninsula is indicated. A brief historical excursion into the evolution of the self-designation is given.

Keywords: autoethnonym, source, Crimean Tatars, Crimean Khanate, Crimeans, Tatars, Turkic-Tatars, endoethnonym, exoethnonym.

For citation: Abduzhemilev R.R. Argumentation of the autoethnonym “Crimean Tatars” by indigenous and foreign historical sources. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 16–28. DOI: 10.22378/kio.2024.2.16-28 (In Russian)

REFERENCES

1. Abduzhemilev R. Ethnoterritorial names in the context of the documentation of the Crimean Khanate. *Krymskoye istoricheskoye obozreniye=Crimean Historical Review*. 2015., no. 1. pp. 8–21. (In Russian)
2. Abudlqadir M. The rules of the Turkic language. Publisher Ali Ahmed Tarpi. Bakhchysarai: “Terjiman” publishing house, 1914. 69 p. (In Crimean Tatar)
3. Bartold V. V. Works on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples. Moscow: Orient. Lit., 2002. 754 p. (In Russian)
4. Berezin I. Tarkhan yarlyks of Tokhtamysh, Timur-Kutluk and Saadet-Girey. With introduction, copying, translation and notes, published by I. Berezin. Kazan: In the University printing house, 1851. 56 p. (In Russian)
5. Budagov L. Comparative dictionary of Turkish-Tatar languages, with the inclusion of the most common Arabic and Persian words and with translation into Russian. Vol. 1. St. Petesburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1869. 813 p. (In Russian and Turkic-Tatar)
6. Veliulayeva A. V. The tables on the grammar of the Crimean Tatar language for the pupils of the 5–9th form of the middle school. Simferopol: Crimean state educational and pedagogical publishing house, 1999. 176 p. (In Crimean Tatar)

7. Velyaminov-Zernov V. V. Materials for the history of the Crimean Khanate, extracted by the order of the Imperial Academy of Sciences, from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs. Publ. by V. V. Velyaminov-Zernov. St. Petersburg: Publishing House of the Imperial Academy of Sciences, 1864. XI, [943] p. (In Crimean Tatar & Ottoman Turkish)

8. Voice of the Tatars. The weekly organ of the temporary Crimean Muslim executive committee. 1917, № 11. October 11. (In Russian)

9. Voice of the Tatars. The Organ of the Crimean Tatar National Government. 1917, № 16 (December 20). (In Russian)

10. Documents of the Crimean Khanate from the collection of Huseyn Feyzkanov. Compiled and translit. by R. R. Abduzhemilev; scientific editor I. Mirgaleyev. Simferopol: Konstanta, 2017. 816 p. (In Russian & Crimean Tatar)

11. Constitution of the Crimean Soviet Socialist Republic. Crimean Publishing House, 1924. 13 p. (In Russian)

12. Kyrymi A. Umdet al-akhbar. Book 1: Transcription, facsimile. Series “Textual Heritage”. Issue 1. Transcription by Derya Derin Pashaoglu; editor-in-chief I. M. Mirgaleyev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 420 p. (In Russian & Ottoman Turkish)

13. Odabash A., Aji-Asan U. Turkic-Tatar language. Book 1. Textbook for the second year of the 1st grade Tatar schools. Aqmesjit: Crimean State Publishing House, 1928. 200 p. (In Crimean Tatar)

14. Seyyid-Muhammed Riza. Seven planets in the news about Tatar kings. Book 1: Transliteration. Foreword, translation, preparation for publication R. R. Abduzhemilev; edited by I. M. Mirgaleyev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 364 p. (In Russian & Ottoman Turkish)

15. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Yephron: Volume XXXIIA (64). Tay – Termity. Compl. F. A. Brockhaus, I. A. Yephron. St. Petersburg: Printing House of the Joint Stock Comp. “Publisher’s Business”, 1901. 963 p. (In Russian)

16. The travel book by Evliya Chelebi. Seventh volume. Turkish Historical Society Collection. Number: 11. Istanbul: State Publishing House, 1928. 912 p. (In Ottoman Turkish)

17. Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th – 18th Century): a study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden–Boston: Brill, 2011. XXXII, 1049, [48] p. (In English & Ottoman Turkish)

About the author: Refat R. Abduzhemilev – Cand. Sci (Philology), Senior Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebnyy lane, Simferopol 295015, Russian Federation); refatimus@gmail.com

ХІХ а. сонъу – ХХ а. башы къырымтатар эдебиятында «татар» этнонимининъ къулланылмасы

Нариман Абдульванов

*Февзи Якубов адына Къырым муэндислик
ве педагогика университети*

Аннотация. Макъаледе ХІХ а. сонъу – ХХ а. башы къырымтатар эдебиятында «къырымтатар» манасында «татар» этноними ве онынънен багълы сёз ве сёз бирикмелерининъ къулланылмасы мевзусында кечирильген ильмий теткъыкъатнынъ нетиджелери такъдим олуна. Иш девамында мезкюр девирнинъ деерлик бутюн энъ муим муэллифлерининъ назм, несир ве драматургия эсерлери козьден кечирильди. Теткъыкъатнынъ нетиджелери косьтере ки, мезкюр эдебиятта «къырымтатар» манасында, кучюк истисналар иле, анджакъ «татар» этноними ве онынъ иле багълы сёз ве сёз бирикмелери къулланылды ве бу ал девирнинъ деерлик бутюн муэллифлерине аиттир.

Анаhtar сёзлер: кырымтатар эдебияты, татарлар, татар.

ХІХ а. сонъу – ХХ а. башы деври – къырымтатар эдебиятынынъ чокъ асырлыкъ тарихынынъ, ич шубесиз, энъ муим девирлеринден бири, бельки де энъ муимидир. Къырымтатар эдебияты тарихында бунъа бенъзер ич бир девир олмады ки, 20–25-йыллыкъ кыскъа бир дёнемде онларнен там манада классиклер, бир де там манада миллий эдебиятнынъ классиклери бир арада яшап фаалиетте булунсын.

Иште, бу девирнинъ бутюн энъ белли муэллифлерининъ чешитли жанрларда (назм, несир, драма) язылгъан эсерлернинъ талили косьтере ки, «татар(лар)» этноними, ондан япылгъан «Татарлыкъ» ве «татарджа» сёзлери, бир де «татар юрду», «татар халкъы», «татар кою», «татар адетлери» киби бир чокъ сёз бирикмелери аман-аман бутюн шу эдиплерининъ, ве ильк эвеля, оларнынъ энъ белли эсерлеринде кечмекте. И. Гаспринский ве С.-А. Озенбашлыдан башлап, У. Ипчи ве Дж. Гъафаргъа баргъандже – «татар» этноними деерлик эр кеснинъ эсерлеринде булуна, базы муэллифлер исе оны айрыджа сыкъ къуллана.

Эльбетте, мисаль, буюк кырымтатар маарифчиси, муаррир ве языджы И. Гаспринскийнинъ бу этнонимге нисбетен хусусий, даа догърусы – мен-фий бакъышы бар эди. Амма, о не къадар «татар» сёзюни къабул этмесе де, озь яратыджылыгында, – эм бедий, эм де публицистик эсерлерде, – оны, истер-истемез, дефаларджа къуланмагъа меджбур олгъан эди [4; 11; 22; 28; 29]. Даа бир меракълы хусус: И. Гаспринский озь фикринде не къадар исрар этсе де, онынъ бакъышы башкъа муэллифлерге, базы бир истисна иле, пек де тесир этмегендир. Эр алда, эсерлернинъ озюнде шу тесирни корьмек кучьтир. Истисналарны биле алсакъ, мисаль А. С. Айвазовнынъ эсерлерини, оларда да «татар» ве «Къырым татары» келимелерининъ сыкъ-сыкъ къуланылгъаныны кореджекмиз.

Эсас мевзугъа кечмезден эвель, шуны да къайд этмелимиз ки, бу месе-леге дикъкъат, артыкъ, чекильген эди ве бунынъ нетиджесинде озь вакътында базы бир кучюк антологиялар биле дюнья юзю корьген эди. Лякин бу киби неширлер ичюн ялынъыз айры муэллифлернинъ айры манзум эсерлери сечильген эди, мевзу там манада ильмий бир янашув иле, кениш ве этрафлы бир шекильде эльге ич алынмагъан эди. Бунъа къаршылыкъ, ашагъыда нетиджелери теклиф этильген теткъикъат ичюн анъылгъан девирнинъ деерлик бутюн энъ муим муэллифлерининъ (топлам оларакъ, йигирми исим) аман-аман бутюн билинген эсерлери козьден кечирильген ве шу эсерлерде расткельген «татар» этноними иле алякъалы бутюн мисал-лер, бир джедвельге алынып, талиль олунгъандыр.

Бу ерде шуны да къайд этер эдик ки, бу мевзу боюнджа ишни девам этмек мумкюн, чюнки чешитли себеплерден долайы, ич шубесиз, базы бир эсерлер бу теткъикъатнынъ тышында къалгъандыр (бир чокъ эсерлернинъ такъдири, затен, белли дегиль). Объективлик ичюн, бу киби эсерлер де тапылмалы ве теткъикъ этильмелидир.

Даа бир хусус: теткъикъат девамында ялынъыз «татар» этноними ве ондан мейдангъа кельген сёз ве сёз бирикмелери дегиль, «Къырымлы» ве «къырымтатар» келимелери де бакъылды. Амма бойле мисаллер сонъ дедже аз олды, олгъанлар да макъаледе косътерильди. Аслында, теткъикъатнынъ пек муим нетиджелеринден бири де шу олды: мевзу иле алякъалы 100-ден 99 мисальде анджакъ «татар» ве ондан япылгъан сёз ве сёз бирикмелери къуланылды, «къырымтатар» келимеси биле тек сайылы мисаллерде расткелинди.

XIX а. сонъу иле XX а. башы деп, 1880-джы сенелеринден 1920-джи сенелерине къадарки девирни козьде туттыкъ. Бу девир, белли олгъаны киби, ичинден даа бир къач девирге болуне (1883–1905 сс., 1905–1917 сс., 1917–1921 сс., 1921–1928 сс.), булардан эр биринде кырымтатар эдебий аятына янъы-янъы муэллифлер къошулгъан ве шу эдебиатны даа да юксек

севиенге чыккарган эдилер. Теткыкыят ичюн бу муэллифлернинъ энъ белли олгъанлары хронологик бир сыра иле эльге алынгандыр.

Иште, ильк девир: 1883–1905 сс. Бу девир акъкында сёз ачылыркен, эсасен, учъ исим анъылмакъта: И. Гаспринский, С.-А. Озенбашлы ве О. Акъчокракълы. Юкъарыда къайд этильгени киби, И. Гаспринскийнинъ «татар» этнонимине нисбетен хусусий бир бакъышы олгъан ве о, махсус бир теткыкыяткъа ляйыкъ олгъаны ичюн, бу араштырманынъ черчивесинде бакъылмагъандыр. Иште, И. Гаспринскийнинъ замандашларына кечейик.

С.-А. Озенбашлы (1867–1924). Теэссюф ки, бу олдукъча истидатлы кырымтатар шаир ве языджысы, янъы кырымтатар драматургиясынынъ ильк эсерини берген муэллифнинъ шимди элимизде пек аз эсери булуна, «татар» сёзюне де шимдилик онынъ ялынъыз 1897 с. язылып, 1901 с. саналаштырылгъан «Оладжагъа чаре олмаз» пьесасында [13, с. 105], 1903 с. «Терджиман» газетасында басылып, кырымтатар хиджретлерине багъышлангъан «Эй, гонъюль!» манзумесинде, бир де 1900 с. язылгъан «Татарын васиети» шиирининъ [12, с. 67–68] серлевасында расткельмек мумкюндир. «Эй, гонъюль!» шииринде «татар» келимеси эки дефа – 2 ве 4 бентлерде кече:

*Даха чокъмы уюр эвляд-ы татар?
Гонъюль, гозъ хиджабынъ, аджеб, ким ачар?
Акълы олан бойле гъафлетми ятар? < .. >*

*Эсеф, аранмыёр халяса чаре!
Не герек бу хиджрет къавм-ы татар?
Гонъюль, не къачарсынъ гъариб дияра?
Бу сенинъ эттигинъ мердлик дегильдир! [21].*

Бу муэллифнинъ яратыджылыгъы боюнджа араштырмаларны девам этмек мумкюндир.

Экинджи исим – белли несирджи, драматург, шаир ве терджиман О. Акъчокракълы (1879–1938). «Татар» этноними ве онынънен багълы сёз бирикмелери бу эдипнинъ эм манзум, эм де менсур эсерлеринде расткеле. Мисаль, «Исмаил бек Гаспринский» адлы шиирини алайыкъ:

*Долашмыштыр Русие ве Френкистаны,
Идюп дикъкъат маишет-и аleme, ол яр.
Корер ки, сагъй ве теракъкъиде джумле джихан, –
Ничюн къалсын джехалетте миллет-и татар? [2, с. 40].*

О. Акъчокракълынынъ 1899 с. басылгъан «Ненкеджан ханым тюрбеси» повестини де алсакъ, бу эсерде «татар аскери» [2, с. 20], «татар бичими

эльбисе» [2, с. 21], «татар лисаны» [2, с. 21], «ислям татарлар» [2, с. 21], «(кыркъ нефер) татар атлысы» [2, с. 27] киби бир сыра сёз бирикмелери расткелине.

1905 ве 1917 сс. Рус инкыляплары ве 1917 с. сонъунда кечирильген I Кырымтатар кзурултайы кырымтатар эдебиятынынъ инкишафына да буюк сильтем бергендир. Мейдангъа бир чокъ истидатлы эдиплер чыккъъан, оларнынъ арасында, айрыджа оларакъ, А. С. Айвазов, А. Чергеев, У. Ш. Токътаргъазы, А. Одабаш, Б. Чобан-заде, Н. Челебиджихан, Дж. Сейдамет, Дж. Керменчикли, М. Ниязи, Ш. Бекторе, А. Ильми, У. Ипчини анъмакъ мумкюндир. «Татар» сёзю ве онынъ иле алякъалы сёз бирикмелери булардан эр биринде, базыларда исе – дефаларджа ве сонъ джерде терең маневий мана ташыяракъ кзулланылгъандыр. Мисаллерде бакъайыкъ.

Белли шаир ве педагог Асан Чергеев (1879–1946). Бу эдипнинъ де шимди элимизде булунгъан эсерлери чокъ дегиль. «Татар» сёзюни алсакъ, оны, мисаль, 1905 с. язылгъан «Эшит, мевта не севлеюр» поэмасында – «татар кою» [33, с. 130] ве «татар мулькию» [33, с. 131] ибарелеринде расткельмек мумкюндир. Араштырмаларны девам этмек керек.

Невбеттеки исим – даа чокъ А. Чергеевнен берабер анъылгъан эдип, чокъ истидатлы шаир, языджи, драматург ве терджиман У.Ш. Токътаргъазы (1881–1913). «Татар» сёзю бу эдипнинъ эм шиирлеринде, эм драматургиясында пек сыкъ расткеле. Шиирлерини алсакъ, ильк эвеля, «Беклериз» [23, с. 8], «Раат кечинмек» [23, с. 21], «Фи медх-и Кырым», «Пара», «Бен сени эттим къабул», «О кимдир?» киби эсерлерни анъмакъ мумкюндир. Мисаль, «Фи медх-и Кырым» шиирининъ 10 ве 11 бентлеринде «татар» ве «Татарлыкъ» келимелери кече:

*«Хубб-уль-Ватан мин эль-иман» – хадистир,
Ватаныны севмеенлер – хабистир,
Бу Ватана Татар огълу варистир,
Дигерлер сахип оламаз Кырыма!*

*Кырым гиби Ватан вармы дюньяда?
«Татарлыкъ» гиби шан вармы дюньяда?
Шимди, бакъ, уюян вармы дюньяда?
Ачыкъ гозьер чапышырлар Кырыма! [26, с. 4–6].*

*Я да мешур «Пара» шиирини алайыкъ:
Татарынъдыр шимди сыра:
Окъусын бизим фукъара,
Огренин бир унер, зира
Керек пара, пара, пара! [23, с. 26].*

Эдипнинъ «Бен сени эттим къабул» шииринде «татар» сёзю учъ бентининъ сонъунда, ичинде «татар» сёзю булунгъан накъаратта (багъламада) кече:

Бильмединъ сен ич саадет къадрини, валлахи, татар.

Кимсенинъ индинде, бакъ, шимди сайылмаз шах татар [12, с. 131].

«О кимдир?» шииринде де «О – татарлардыр, Кырымынъ ерлиери; О – бизлериз, бу Ватанынъ огъулары» бейти манзуменинъ бутюн 12 бентининъ сонъунда, багълама оларакъ текрарлана. Бу эсернинъ ильк дёртлюги шудыр:

Дагъда яшар – якъмагъа бир одуны ёкъ.

Сув башында – сувдан янмагъан бир куни ёкъ.

Ашлыкъ сачар – ашамагъа ич уны ёкъ.

О – татарлардыр, Кырымынъ ерлиери,

О – бизлериз, бу Ватанынъ огъулары! [26, с. 8–10].

Юкъарыда да къайд этильгени киби, «татар» сёзюне У.Ш. Токътаргъазынынъ ялыныз шиирлеринде дегиль, «Моллалар проекти» пьесасында да расткельмек мумкюн. Мисаль, бойле ибарелерде: «къара татар» [23, с. 35], «татар проекти» [23, с. 35], «татарджа» [23, с. 35], «татар халкъы» [23, с. 36, 37] «поселян татар» [23, с. 37], «татар баласы» [23, с. 40], «татар газеталары» [23, с. 44], «татар матбалары» [23, с. 44], «мусульман татарлары» [23, с. 45], «татарлар» [23, с. 48] ве саире.

Шуны да къайд этмек керек ки, бу пьесанынъ ильк кысмында «бутюн Кырым татарлары адындан...» ибареси де кече [23, с. 34]. Бу ибаре арап арифлери иле там бойле шекильде – изафет оларакъ языла ве бунда Кырым сёзю, анылашыла, этник манада дегиль де, джогърафик бир ад оларакъ къулланыла.

А.С. Айвазов (1878–1938). Бу чокъ истидатлы языджы, драматург ве публицист, юкъарыда да къайд этильгени киби, И. Гаспринскийнинъ тюркчюлик гъаелерининъ тесири алтында булунгъандыр. Онынъ ичюн о, озъ бедий эсерлеринде «татар» ве онынъ иле алякъалы сёз ве ибарелерни къулланмамагъа терджих эткендир. Буны, мисаль, онынъ «Неден бу ала къалдыкъ» пьесасында, «Эсарет къурбанлары» икьесинде, я да даа бир мешур эсеринде – «Аннеджигим, нердесинъ? Гель!» икьесинде коръмек мумкюндир. Амма, бунъа бакъмадан, айны шу пьесада биле, бир къараманнынъ нуткъунда «татарский свадьба» [1, с. 10], «татар свадьбасы» [1, с. 10], «татар тили» [1, с. 50] киби ибарелер кече. Яни, муэллиф, истеристемез, халкънынъ алышкъан этноним ве онынъ иле алякъалы келиме иле сёз бирикмелерини къулланмагъа меджбур олгъандыр.

Аслында, бу теткыкыятнынъ мевзусы бакъымындан, хусусий бир дикъкъат А.С. Айвазовнынъ бедий-публицистик эсерлери чеке. Мисаль, онынъ 1917 с. «Миллет» газетасында бастыргъан бир беян-наменинъ метнини алайыкъ. Бу текстте дефаларджа, деерлик эр бир абзацта «татар» сёзю ве «Къырым татары» сёз бирикмеси текрарлана. Мисаль ичюн, сонъки абзацны кетирейик (парча бугуныкы къырымтатарджагъа якъынлаштырылгъан бир шекильде бериле):

«Артыкъ, Къырым татары эр ишини, эр дердини, эр хасталыгъыны кенди векиллери вастасы иле кенди Къурултайында сёйлейджек, [онынъ] эр тюрюлю илядж ве дерманы да Къурултайындан корюледжектир!.. Артыкъ, Татар кенди Къурултайынынъ тизеджек Ясасынен яшайджакъ, кенди къануний идарени бельгилейджек Эсас Къануны иле идаре олунаджакътыр. Яшасын Татар Къурултайы!..» [30, с. 85].

Номан Челебиджихан (1885–1918). Къырымтатар эдебиятынынъ энъ парлакъ исимлеринден бири олгъан бу эдип «татар» келимесини озюнинъ эм несир, эм де назм эсерлеринде сыкъ-сыкъ къуullanгъандыр. Онынъ шиирлерини, ве ильк эвеля, къырымтатар миллий йырына (гимн) чевирилген «Ант эткенмен!» шиирини алсакъ, «татарлар» келимеси бу манзуменинъ ильк мисрасында ер алмакътадыр:

Ант эткенмен татарларнынъ ярасыны сармагъа!.. [16, с. 166].

Я да «Савлыкъман къал, Татарлыкъ!» шиирини алайыкъ. «Татар» сёзюнден япылгъан «Татарлыкъ» келимеси бу шиирнинъ серлевасында ве ильк дёртлюгинде ер ала, даа бир «Татар» сёзю сонъки, учюнджи дёртлюкте кече:

*Артыма бакъсам – акъ омюр, алдымда – олюм,
Коп узамаз, беллеймен, къарангъы ёлум,
Къарсамбадан хавф этмей, кольгеден урькмей,
Сонъ нефесте: «Татар!» – деп, узаныр къолум.* [16, с. 168].

«Айгиди, татар яшлары!» шииринде исе серлевагъа алынгъан хитап эр учъ дёртлюкнинъ башында текрарлана [16, с. 166–167].

Н. Челебиджиханнынъ «Къарылгъачлар дуасы» икяесини де алсакъ, бу икяеде, шу джумледен, «кой татарлары» [16, с. 158], «татар тили» [16, с. 158], «эски татар» [16, с. 158], «буюк татар» [16, с. 159] киби ибарелерни окъуй билемиз.

Бунъа бенъзер вазиетни Н. Челебиджиханнынъ миллий дава аркъадашы, чокъ истидатлы яызджы ве публицист Джафер Сейдаметнинъ (1889–1960) эсерлеринде де коръмек мумкюндир. Мисаль, 1916 ве 1917 сс. Истанбул ве Акъмесджитте басылгъан «Миллий дуйгъу» икяесини алайыкъ. Бу икяеде «татар» сёзю ве онынъ иле алякъалы ибарелер дефаларджа кеч-

мекте. Мисаль, «татар оджагы» [24, с. 43], «татарын кыошу, куреш эгленджелери» [24, с. 44], «секиз-он татар» [24, с. 44], «кыарт татарлар» [24, с. 45], «татарлар» [24, с. 46], «татар яшы» [24, с. 46], «татарын омрю» [24, с. 46], «татарын Мизаны» [24, с. 46], «татар куреши» [24, с. 47], «татар аде-ти» [24, с. 48].

Я да «Унутылмаз козыашлар» икяесини алайыкы. Бу икяеде де «татар» этноними сыкы-сыкы кыулланыла, эсерде, мисаль, «татар кыадынлары» [24, с. 24], «татар» [24, с. 24], «бугуннинъ татарлары» [24, с. 25] «татарлар» [24, с. 25] кибиде сёз ве сёз бирикмелери кече.

Шуны да кыайд этмек керек ки, Джафер Сейдаметнинъ «татар» сёзюни кыуланмасында, анылашыла, белли бир эволюция юзь берген эди. Мисаль, 1922 с. язылып, ильк дефа таа 1938 с. «Эмель» меджмуасында басылган «Ислям ака» икяесинде «татар» сёзю аман-аман кечмей – онынъ ерини «кырымтатар» сёзю ала: «кырымтатарлар» [24, с. 55], «кырымтатар укюмети» [24, с. 75], «кырымтатар аскери» [24, с. 77], «кырымтатар шахиди» [24, с. 77] кибиде ибарелерде. Бундан гыайры, айны шу эсерде «кырымтатарлар» манасында «гыарип кырымлылар» [24, с. 58] ве «кырым яшлары» ибарелери де кече [24, с. 63]. Бунынънен берабер, муэллиф, кене де «татарлар» сёзюни де «унутмай» [24, с. 77]. Фикримиздже, мезкюр эволюциянынъ себеplerини 1917 с. сонъунда кечирильген I Кырымтатар кыурултайынынъ халкынынъ миллий анына япкыан тесиринде кыдырмакы керектир.

Шусы да диккыят чекмектедир ки, айны шу «Ислям ака» икяесининъ илеридеки неширлеринде (1964 с. айны шу «Эмельде» ве 2009 с. Анкарада, Дж. Сейдаметнинъ эсерлеринден ибарет бир джыйынтыкыта) «татар» ве «кырымтатар» сёзлери ич кечмей, олар эпсиде «кырым» я да «кырымлы» сёзлерине денъиштирильгендир [31; 32]. Дж. Сейдамет о заман артыкы мерхум эди ве бу «редакциялардан» хабери бар эдими, ёкы, олса да мунасебети не олган, белли дегильдир.

Невбеттеки исим – буюк шаир, несирджи ве алим Б. Чобан-заде (1893–1937). Бу эдип, ич шубесиз, «татар» келимесини энъ чокы кыуланган ве атта оны чокы муим бир миллий тимсальге чевирген бир муэллиф олгандыр. Онынъ яратыджылыгында, эм несир, эм де назм эсерлеринде «татар» сёзюне сыкы-сыкы расткельмек мумкюндир. Мисаль, ««Татар тугульмен!...» дегенлерге», «Согъушкыа достларым, хакы татар тили ичюн!», «Тынч татар чёлюнде!...» шиирлеринде «татар» сёзю серлевагыа алынган [27]. Бундан гыайры, «татар» сёзю ве онынъ иле алякыалы бир чокы ибарелер шаирнинъ «Кыавгыасыз той корюльмеген» [27, с. 32–33], «Печель Азиз» [27, с. 34], «Студент» [27, с. 44], «Озь-озюме» [27, с. 57], «Ой, сувукы шу гыурбет» [27, с. 61], «Тувган тиль» [27, с. 64–65], «Бинъ докыуз юз он докыуз» [27, с. 72], «Кыарт Дунай, Кыарт Дунай» [27, с. 73], «Алим айдамакы» [27, с. 74,

75], «Заваллы тюрюк» [27, с. 78], «Бир изин берингиз!..» [27, с. 79], «Къай-тарма» [27, с. 81], «Къоллар демир, баш эмен...» [27, с. 83], «Сув анасы» [27, с. 87], «Мезад» [27, с. 91], «Бабама» [27, с. 100], «Кечмиштеки сучларымыз» [27, с. 103], «Токъай шарабы» [27, с. 111–112], «Къарт чингене» [27, с. 114–115], «Къалкъ, Эсма къардашым!» [27, с. 118], «Кимсе бильмий» [27, с. 118–119], «Чора батыргъа» [27, с. 130], «Къалпакъ махраджы» [27, с. 137], «Ичкен!..» [27, с. 140], «Юз алтмыш йыл!..» [27, с. 146] шиирлеринде, бир де «Ананъ къайда?» [27, с. 149–156] ве «Танду» [27, с. 163] дестанларында да къулланылгъандыр.

Мисаль оларакъ, ««Татар тугульмен!..» дегенлерге» шииринден бир къач бейит кетирейик:

*«Биз татар туюгюльмиз!», – дий бугунъ дёнме.
Эльбетте, туюгюльсинъ, ай байгъуш коле...*

*Сен бугунъ ойталыкъ, ыргъатсынъ, чобан,
«Татарман!» – десенъ де, табылмаз инангъан...*

*Сенинъ бу инкярынъ къоркъудан келе...
«Мен татар туюгюльмен!» – Явропа куле... [27, с. 94–95].*

Юкъарыда къайд этильгени киби, «татар» сёзю Б. Чобан-заденинъ тек шиирлеринде дегиль, бол-бол несир эсерлеринде де къулланылгъандыр. Буны, мисаль, «Индемез Джелиль», «Он дёрт джашымда», «Огъурлы джоллар», «Арманда бир шайр» [27, с. 204, 207], «Бир къач сучум» [27, с. 209], «Эртеджи Мурат» [27, с. 215] икяелеринде ве «Нурай» повестинде [27, с. 178] корьмек мумкюндир. Мисаль оларакъ, «Он дёрт джашымда» икяесининъ башындан пек маналы бир парчаны алайыкъ:

*«Биз, татарлар, бек чалт тува, осе, ойнай, куле, сонъ туюшип олемиз...
Ат устюнде, айгъырларнынъ аркъасында джувуруп джюрген бир бахтымыз бар...
Тоз чанъгъытып, козь къамаштырып чыгъамыз, сонъ бир айланмада,
бир къыйыр, ыйыкъ джерде атымыздан туюшип, сессиз, ынъыртысыз,
мугъаймай, окюнмий, джыламай оле, унтуламыз...
Барсын, эр халкъ тилегенидай омюр сюрсин; биз джашавнынъ бу союны, олюмнинъ бу
джолуны сюемиз... <...>*

*Татарлыкъ къолай болса, татарларнынъ джашавы тек татарларнынъ
котере биледжегиндай болмаса, бу къадар аз къалырма эдик?..» [27, с. 181].*

«Татар» сёзю ве онынъ иле алякъалы сёз бирикмелери пек чокъ Б. Чобан-заденинъ «Огъурлы джоллар» икяесинде де къулланылгъан. Мисаль ичюн: «джигит татар» [27, с. 192], «татарлар» [27, с. 192], «татар» [27, с. 192, 198], «татарджа» [27, с. 192, 198, 201], «койлю татар» [27, с. 192,

195], «татар балалары» [27, с. 193], «татар джашы» [27, с. 193, 201], «татар байрамы» [27, с. 194], «татарлыкъ» [27, с. 195], «татар тарихы» [27, с. 195], «татар акъайы» [27, с. 195], «татар эркеклери» [27, с. 196], «татар кечеси» [27, с. 199], «татар койи» [27, с. 201], «татар шеэри» [27, с. 201].

«Индемез Джелиль» икяесинде (1920 с.) де бу сёз «орта татар бойлю» [27, с. 211], «татарлар» [27, с. 212, 214], «татар балалары» [27, с. 212], «татар» [27, с. 212, 213], «дели татар» [27, с. 213], «Маладес, татарин!» [27, с. 213], «татар искадронлары» [27, с. 213] киби ибарелерде расткеле.

Текрарламалымыз ки, Б. Чобан-заде, ич шубесиз, «татар» сёзюни энъ чокъ къуullanгъан кырымтатар эдиплеринден бири, бельки де биринджиси олгъандыр. Амма, мисаль, айны шу «Индемез Джелиль» икяесинде, баш къараманнынъ табият чизгилерине даир бильги бергенде, муэллиф «кырымлы» сёзюни де къууллана:

«О, о бирлеринден даа зияде кырымлы, эски кырымлы эди. Кырымлынынъ къайгъусы, джан сыкъылмасы, кунълерининъ файдасыз корюнемеси оны даа зияде тутта, даа зияде сыкъа эди» [27, с. 211].

Икяенинъ бу ери айрыджа дикъкъат чеке ве махсус бир талильге лыйкътыр.

«Татар» этнонимини чокъ севген даа бир шаир ве языджи – Абибулла Одабаштыр (1881–1938[?]). Буны, ильк эвеля, онынъ «Алтын ярыкъ» поэмасындан анъламакъ мумкюндир. Бу эсерде «татар» сёзю ве онынъ иле алякъалы ибарелер, – «татар яшлары», «Татарлыкъ», «яш татарлар», «Татар юрту», «Татар ханлыгъы», «Татарстан», «татар ханы», «татарлар», «татар къувети», «буюк татар миллети», «къарт татарлар», «татар джаны», «татар юреги», «яш татарлар ордусы», «татар тёлю», «татар сою» ве саире, – дефаларджа къуулланылгъан, затен эсернинъ эсас мевзусы – «Татарлыкъ», онынъ кечмиши, земанеси ве келеджегидир, «Татарлыкъ» да бу эсерде, табий ки, пек муим бир тимсаль оларакъ, сонъ дередже терен бир мана ташымакътадыр. Дестаннынъ сонъки кысмындан, «Татарлыкъ» ве алем-шумуль («всеобъемлющая») севги мотивлерини булундыргъан бир къач дёртлюкни мисаль оларакъ кетирейик:

*Татарлыкъны джанынгдай сев! Чюнки сен – бир Татарсынъ!
Яхишы, яман – эр бир алынъ Татарлыкъкъа багълыдыр;
О олерсе – сен де олер, о яшарса – яшарсынъ,
Яшавынъны севмез исенъ – инсанлыкътан чыкъарсынъ!*

*Татарлыкънынъ севгисини юрегинънинъ энъ азиз
Бир якъында сакълагъан сонъ, дюньядаки ай, йылдыз,
Инсан, айван – эр бир шейни бир сырада севмелисинъ,
Севмелисинъ Татарлыкъны, инсанлыкъкъа сермелисинъ!
Севмек – будыр инсанлыкъны инсан эткен, юксельткен,*

*Яшавымызны айдынлаткъан, юрегимизге нур серпкен;
Сев эр шейни, сев ве аджы! Татарлыкъны да: «Итесенъ –
Эр бир шейге алтын ярыкъ серпеджектур!» – деп сев сен.*
[34, с. 25–26].

А. Одабашнынъ башкъа шиирлеринден, мевзу бакъымындан, И. Гаспринскийге багъышланып, 1918 с. язылгъан «Улу бабай» шиири де дикъкъат чеке: бу манзумеде «татар», «къарт татар», «татарлар», «татарлыкъ» сёз ве сёз бирикмелери алты дефа – еди дёртлюктен алтысында, бирер кере кече [20, с. 68].

Эдипнинъ несир эсерлерини исе алсакъ, араштырылгъан унсурларны, мисаль, «Унутмайджакъ» («татар мектеби») [20, с. 25] ве «Эв къушлары» икяелеринде («татарджа») [20, с. 36] расткельмек мумкюндир.

«Татар» этнонимини пек севген даа бир шаир – «Къурултай шаири» намыны къазангъан Джемиль Керменчиклидир (1891–1942). «Татар» сёзю ве онынъ иле алякъалы чешитли сёз бирикмелери бу эдипнинъ «Татарым!» («Татарлыкъ», «Татар огълу Татарым», «Татар») [14, с. 84–86], «Сонъ сёз!» («Татар», «татар къаны», «буюк Татарлыкъ», «татар дюньясы») [14, с. 80–82], «Озь тилимиз» («татар сарфлары») [14, с. 70], «Сен ольме, догъ!» («генч татар») [14, с. 78], «Буюк байрам шеревине» («Татар огълу») [14, с. 58–60], «Учурумын башындайыз» («татар къадын-къызлары») [14, с. 88–90] ве башкъа шиирлеринде расткеле. Мисаль, мешур «Татарым!» шиирининъ ильк дёртлюгини алайыкъ:

*Баш устюмде долашыёр бир булут,
Банъа диёр: «Татарлыгъы сен унут!».
Хайыр, достум, сен бу дерттен фаригъ ол,
Шу сёзлери хатырынъда эйи тут:
Сен не дерсенъ – Татар огълу Татарым,
Татарлыкътыр – ма-бих-иль-ифтихарым!..* [14, с. 84–86].

Я да «Сонъ сёз» шииринден ильк дёртлюк:
*Бен – Татарым!.. Энъ кучюк бир шее бен козь юммам!
Кучюк биле олса, ярдымы душмандан уммам.
Догърулыгъа, яхшылыгъа эр вакъыт боюн эгерим,
Лякин акъсызлыгъа асла, асла, асла бойсунмам!* [14, с. 80].

Мевзумыз бакъымындан дикъкъат чеккен даа бир эдип – атешин шаир Амди Герайбайдыр (1901–1930). Бу шаирнинъ тек серлевасында «татар» сёзю булунгъан шиирлерини алсакъ, – «Татар ичюн!», «Татар оджасына», «Эски татар мектеби», «Яш татарларгъа», «Заваллы татар къызы», «Татар къызынынъ къара бахты, ве я анайымнынъ козь яшлары», – кучюк бир ан-

тология олур [5]. Бундан гъайры, бу киби сёз ве ибарелерни онынъ бир чокъ башкъа шиирлеринде де, мисаль, «Хиджрет» поэмасында [5, с. 86, 87, 88], «Багъчасарай» [5, с. 95], «Не сакъландынъ о къадар?» [5, с. 25], «Хош кельдинъыз!» [5, с. 38], ««Ант эткенмен» айтаман» [5, с. 40], «Тинтюв (Облава)» [5, с. 42], «Джашлыкъкъа» [5, с. 45], «Къарасув» [5, с. 48], «Айгиди, шу вакъытлар» [5, с. 65], «Талакъ» [5, с. 67], «Ачлыкъ» [5, с. 68], «Кечти энди» [5, с. 79], «Джигитнинъ джыры» [5, с. 80], «Дар-уль-муаллиматны битирген кызыларымызгъа» [5, с. 82] манзумелеринде де расткельмек мумкюндир.

«Багъчасарай» шииринден бир дёртлюк:

*«Кябе»сидир Татарын – Багъчасарай,
Бугунъ халкънынъ козюнде къор болса да;
Татар кене, «Къыбла» деп, онъа къарай,
Багъчасарай багъында гуль солса да [5, с. 95].*

Невбеттеки исим – чокъ истидатлы шаир ве несирджи Мемет Нузеттир (1888–1934). «Татар» сёзю бу эдипнинъ бир сыра назм ве несир эсерлеринде расткеле. Мисаль, шиирлерини алсакъ, ильк эвеля, «Етер артыкъ!», «Бир татарнынъ фиъаны» [19, с. 25–26], «Тек окъу! (Татар койлюсине)» [19, с. 28], «Оламам» [19, с. 84], «Чобан акъай» («Бир кичкене татар эдим...») [19, с. 96], «Тюркюли намаз» [19, с. 127], «Зоречикнинъ анты» («Мен бир татар кызыман») [19, с. 133] киби эсерлерни анъмалымыз. Мисаль оларакъ, «Етер артыкъ!» шииринден бир дёртлюк алайыкъ:

*Нидже юз йылдан бери намусынъ тахкъыр эдилиркен,
Даа догърусы, варлыгъынъ эр ерде инкяр эдилиркен,
Акълы, ерли талапларынъа эп къаршы гидилиркен, –
Силькин, артыкъ! Бильсинлер: Татар къуртулмуш эсареттен!*
[19, с. 24–25].

Айны шу эдипнинъ несир эсерлерини исе алсакъ, онынъ «Бахытсыз хоранта» икяесинде «татар сёзю» [19, с. 157] ве «Селим сохта» повестинде «татар кызылары» [19, с. 154] ибарелери расткеле.

Бу девирнинъ ады мутлакъа анъыладжакъ даа бир кырымтатар классик шаири – Абдураман Къадри-задедир (1876–1938). Бу эдипнинъ «татар» келимесине мунасебетини пек къандырыджы оларакъ 1917 с. декабрь 3 (16)-да язылгъан «Къурултайынъ ачылмасы ичюн тарих» адлы шиири косьтере биле. Сонъки мисрада тарих (хронограмма) булунгъан бу 10 бейитли гъазельде «татар» келимеси чешитли вариантларда еди кере кече:

*Иште, парлады Татарынъ неджм-и икъбали бугунъ!
Иште, догъды уфкъ-ы хурриетте шемс-и шевкети!*

*Мюжделер! Ачылды химметле Къурултай меджлиси!
Тазеленди шимди Татарын да эски саввети.*

*Къахраманлар диктилер ахир зафер байрагъыны,
Далгъаланды Хан-Сарайы узьре Татар райети.*

*Фарт-ы мемнюниетимден н'ола дѣксем гозь яшы –
Чокъ замандыр горьмеиштик чюнки бойле ниъмети.*

*Чатласын душманларын кин ве хасеттен юреги,
Горьсюн эрбаб-ы хасет бизлерде олан гъайрети!*

*Шимди Татар кенди къанунларыны кенди дюзер,
Яр-у-агъяра олур Ясасы варлыкъ худжджети!*

*Ильм-у-ирфан иле умран-ы биляда саъй идюп,
Бу Ешиль адада артыкъ биз къуруарыз Дженнети!*

*Джумле миллетлерле къардашлыкъ эсасы узьредир,
Хурь Татарынъ итикъадынджа сиясет хикмети.*

*Яшасын Къырым Къурултайы! Яшасын хурь Татар!
Яшасын бунлары юксельтен о генчлик химмети!*

*Рахмия, дюшти не раъна джевхерий тарихымыз:
Дюзди Къырымда Къурултайыны Татар миллети! [15].*

1910–1920-нджи сенелерининъ энъ муим къырымтатар шаирлери ара-сында, мутлакъа, хиджретте догъгъан эки къыйметли шаирнинъ де адлары анъылмалыдыр. Олардан биринджиси – белли шаир ве педагог, четэль къырымтатар эдебиятынынъ энъ муим векиллеринден бири – Мехмет Ниязидир (1878–1931). «Татар» ве онынъ иле алякъалы чешитли сѣз бирикмелерине бу эдипнинъ «Татар бармы?» деп сорагъанларгъа», «Къырымгъа: Добруджадан сизге селям кетирдим» [17, с. 30], «Ешиль джурткъа» [17, с. 32], «Джурт суюгиси» [17, с. 33–34], «Эшитмен. (Тюшюрийлген йылдызларгъа)» [17, с. 35], «Марш» [17, с. 38], «Меньли Герай медресесине марш. (Талебе лисанындан)» [17, с. 40–41] ве башкъа шиирлеринде расткеллине. Мисаль оларакъ, ««Татар бармы?» деп сорагъанларгъа» шииринден бир къач бейит алайыкъ:

*«Татар бармы?» – деп ким сорай? – Мен барман!
Адын, шанын бек таныгъан джаиш татарман! <...>*

*Миллет адым «тюрк» болса да, тарихта
Шанлы адым – Татар! Шай деп язарман.*

*Озь терегин бегенмеген сойсызларгъа
Гурь давушман: «Керекмейсиз!» – деп айтарман. [17, с. 30].*

Романьяда догъгъан даа бир кырымтатар шаири – Шевкъи Бекторе (1888–1961). Мевзумыз олгъан унсурларгъа онынъ, мисаль, «Татарлыгъым» ве «Миллетимнинъ Кябеси» [17, с. 19, 20] киби шиирлеринде расткельмек мумкюндир. Эдипнинъ «Татарлыгъым» шиири айрыджа бир шурет къазангъандыр:

*Татарлыгъым, тувгъан ерим,
Балалыкътан сюемен;
Онлар ичюн коп вакъытлар
Джылай-джана куемен.*

*Къайда барсам, мен коремен:
Гъарип татар сачылгъан,
Озь багъында къокъламагъа
Ёкъ бир гулю ачылгъан. <...>*

*Къатты джельмен атылгъанлар
Тавгъа, ташкъа я джаргъа,
Джарты дюнья мезар болгъан
Татарлыккъа, татаргъа... [17, с. 26].*

Невбеттеки дёрт исим – эсасен 1920-джы сенелерде ве даа чокъ несир саасында танылгъан эдиплердир. Булардан ильки – белли яызджы ве публицист Абляким Ильмидир (1887–1962[?]). Бунынъ, мисаль, мешур «Ачлыкъ хатирелери. Сюндюсин хатире дефтеринден» повести алынса, бунда «татар акъайы» [8, с. 87], «татар приюты» [8, с. 88], «татар авалары» [8, с. 90], «татарджа» [8, с. 89] киби сёз ве сёз бирикмелери расткеле. «Татарджа» келимесини айны эдипнинъ «Къуртчу Бекирчик» повестинде де окъумакъ мумкюндир [8, с. 161].

Экинджи исим – несирджи, шаир ве драматург Умер Ипчидир (1897–1955). Мевзумыз олгъан сёз ве сёз бирикмелерине бу эдипнинъ бутюн бу учъ далда язгъан эсерлеринде расткелине. Несир эсерлерини алсакъ, бунъа «Асан» повести («татар яшы») [9, с. 169], «Расткелиш» («татар фамилиялары») [9, с. 55] ве ««АМО» автобусында» («татар яшлары») [9, с. 94] икяелери, пьесаларыны алсакъ – «Мотор» пьесасы («татарлар», «татарджа», «татар») [9, с. 255; с. 261; с. 262], манзум эсерлерини де алсакъ –

«Кимден ярдым?» («татар кызы») [9, с. 415, 416], «Янъы элифба» [9, с. 440], «Истерим!» киби шиирлери мисаль ола билир. Эдипнинъ 1918 с. «Миллет» газетасында басылгъан, эеджан толу «Истер эдим...» шиири айрыджа бир дикъкъат чеке, бу шиирде «татар» сёзю бутюн манзуме боюнджа текрарлангъан багъламада учер кере кечмектедир:

*Истер эдим: эмен, чамлы орманларда,
Къая, учурым, къар, аязлы заманларда,
Ешиль чёллер, энъ далгъалы дерьяларда –
Татар йыры, татар чынъы йырлансын!
Татар тугъу – Кок байракъ далгъалансын!*

*Истер эдим: Джынгъыз куню арткъа къайтсын!
Ясасыны, тёресини джангъа салсын!
Юреклерде, ер, коклерде нам берген –
Татар йыры, татар чынъы йырлансын!
Татар тугъу – Кок байракъ далгъалансын!*

*Истер эдим: татар кызы азад олсун,
Йылдыз киби парылдасын, агъартылсын,
Баскъан ери, тувгъан или – Къырымында –
Татар йыры, татар чынъы йырлансын!
Татар тугъу – Кок байракъ далгъалансын!*

*Истер эдим: Махшер куню энъ огде
Кок кефенли татар халкъы ер алсын!
Дженнет ёлу, Сырат копрюн кечкенде –
Татар йыры, татар чынъы йырлансын!
Татар тугъу – Кок байракъ далгъалансын!*

*Истер эдим: Сырат копрюн кечкен сонъ,
Хавз-ы Кевсерден шербетлер ичилъген сонъ,
Энъ тёрюнде – Дженнет-и аъля, Фирдевсте –
Татар йыры, татар чынъы йырлансын!
Татар тугъу – Кок байракъ далгъалансын! [10].*

1920–1930-нджы сс. къырымтатар эдебиятында озь несир ве назым эсерлери иле танылгъан даа бир исим – Джафер Гъафардыр (1898–1938). Бу эдип де озь яратыджылыгында «татар» келимесини ве онынънен багълы сёз бирикмелерини эпейдже къуullanгъандыр. Мисаль, онынъ мешур «Ёлджулыкъта» икяесинде – «татар акъайлары» [13, с. 249], «татарджа» [13, с. 251], «татар яшлары» [13, с. 254], «татарлар» [13, с. 254], «та-

тар миллети» [13, с. 254], «Азманлар» повестинде – «татар халкы» [6, с. 17], «татарджа» [6, с. 31], «татарлар» [6, с. 34], «Партизан Муратчык» икяесинде – «татарджа» ве «татарчонок» [7, с. 96] киби сёз ве сёз бирикмелерини окъумакъ мумкюндир.

Бу девирнинъ кырымтатар несирджилигининъ даа бир, сонъ дередже истидатлы векили – Джемиль Сейдаметтир (1903–1977). Бу муэллифнинъ мевзумыз олгъан девирге аит эсерлеринде «татар» келимеси сийрек расткелине, амма, кене де, бардыр. Мисаль оларакъ, 1930 с. басылгъан «Уфукъкъа догъру» романыны кетирмек мумкюндир: бу эсерде, «татарджа» ве «татар оджасы» [25, с. 18], бир де «татарлар» [25, с. 43] киби сёз ве сёз бирикмелерине расткельмек мумкюндир.

Бу макъаленинъ сонъунда, адлары кечкен муэллифлернен берабер, мутлакъа, даа бир эдипнинъ ады анъылмалыдыр, амма онынъ бугунъде билинген (басылгъан) эсерлеринде «татар» этноними ич расткелинмемектедир. Бу муэллиф – шаир Абдулла Ляtif-задедир (1890–1938). Бу эдипнинъ яратыджылыгъы боюнджа ишни девам этмек керек, чюнки онынъ, мисаль, «Кырымтатар эдебиятынынъ сонъ деври акъкъында» теткъикъатында «татар» ве «кырымтатар» сёзлери иле бу сёзлерни булундыргъан ибарелерге («кырымтатар эдебияты», «татар миллети», «татар халкы», «татар ханлары», «татар задекян ве мемурлары», ««бир авуч» Кырым татары», «татар кою», «татар къадыны», «татар къадынлыгъы», «татарджа») сыкъ-сыкъ расткелине [18, с. 37, 38, 44, 45, 47, 49, 51]. Яни А. Ляtif-заде озъ ильмий чалышмаларында «татар» этнонимини раат-раат къуллангъан, шу себептен, оны шаирнинъ бедий эсерлеринде де коръмек пек табий оладжакътыр.

Юкъарыда кетирилген бутюн мисаллер ич бир шубе къалдырмай ки, чокъ асылыкъ кырымтатар эдебиятынынъ энъ муим деври сайылгъан XIX а. сонъу – XX а. башы дёнеминде «татар» этноними деерлик бутюн кырымтатар муэллифлерининъ эсерлеринде ишлетилген, шу эдиплернинъ анъынынъ ве къуллангъан эдебий тиллерининъ пек муим бир унсуры олгъан ве онсыз бу эдебиятны тасавур этмек биле кучътир. «Татар» сёзю о девир кырымтатар эдебиятынынъ энъ муим эсерлеринде, айрыджа, о йылларнынъ шириетининъ энъ белли мисраларында ер алгъан, шу мисрлардаки маневий джошкъунлыкъ ве эеджан исе юз йылдан зияде, хусусан, энъ агъыр вакъытларда кырымтатарларны, не ерде булунса-булунсынлар, – Ватан-Кырымдамы, сюрдюнюк ерлериндеми, хиджрет топракъларындамы, – аякъта туткъан, оларгъа кучъ берген, уют багъышлагъандыр.

Кырымтатар миллетининъ ады денъишмелерге огъратылса, сонъ дередже буюк ихтимал иле, бутюн анъылгъан метинлер де зарар корер: я оларнынъ белли сёзлери денъиштирилир, я да эсерлернинъ озълерини «унуттырмагъа» аракет этилир. Бунынъ акъибетлерини де козь огъуне кетирмек зор олмамалыдыр.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Айвазов А.С. Неден бу ала кълдыкъ: пьеса / азырлагъан Ш. Юнусов. Симферополь, 1997. 80 с.
2. Акъчокъракълы О. Эсерлер топламы / азырлагъан И. Асаногълу Керим. Акъмесджит, 2006. 320 с.
3. Бекторе Ш. Волга кызыл акъаркен: хатырлавлар / тертип эткен У. Эдемова. Симферополь: КъДЖИ «Къырымдевокъувпеднешир» нешрияты, 2011. 258 с.
4. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. III. Публицистика: 1887–1890 гг. / гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмететова. Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 560 с., 16 ил.
5. Гирайбай А. Джигитке / тертип этиджи, умумий муаррир ве кириш сёзюниъ муэллифи: И. Керимов; метинлерни азырлав ве изаатлар: М. Алимова. Симферополь, 2009. 112 с.
6. Гъафар Дж. Омюр орьнеклери: Икяелер. Ташкент: Гъафур Гъулям адына эдебият ве санаат нешрияты, 1971. 120 с.
7. Гъафар Дж. Партизан Муратчыкъ / азырлагъан Г. Меджмединава // Йылдыз. 1995. № 4. С. 89–99.
8. Ильмий А. Эсерлер топламы / тертип эткен, транслитерация япкъан, изаатлар берген, библиография ве ильмий-теджикъат ишлери кечирген И.А. Керим. Акъмесджит: «Таврия» нешрияты, къырымтатар эдебияты болуги, 2004. 176 с.
9. Ипчи У. Сайлама эсерлер / тертип эткен Я. Ипчи. Симферополь: КъДЖД ММ «И. Гаспринский адына Медиамеркез», 2018. 464 с.
10. Ипчи У. Ф. Истер эдим... (Шиир) // Миллет. 1918, № 157, ноябрь 25.
11. Исмаил Гаспринский. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмететова. Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 384 с.
12. Керим И.А. Къырымтатар эдебиятынынъ инкишаф ёллары (1850–1917 сс.). Монография. Белгород: Константа, 2018. 312 с.
13. Керим И.А. Къырымтатар эдебияты: Юкъары сыныф талебелери ве филология факультетлери студентлери ичюн къуланма дерслик. Акъмесджит, 1995. 352 с.
14. Керменчикли Дж. Ма-бих-иль ифтихарым: Къырымлыкътыр – меним гъурурым / тертип эткен Т.Н. Керимов. Симферополь, 2005. 135 с.
15. Къадри-заде А. Къурултайын ачылмасы ичюн тарих. (Шиир) // Миллет. 1917, № 119, декабрь 3.
16. Къандым Ю. Куреш майданыны от басмаз... (Монография). Симферополь, 2002. 256 с.
17. Къырымтатар иджрет эдебияты / тертип эткенлер: Э. Къуртумеров, Т. Усеинов, А. Харахады. Симферополь, 2002. 256 с.
18. Ляtif-заде А. Хаял-омюр: Шиирлер, поэмалар, макъалелер. Акъмесджит, 2005. 120 с.
19. Нузэт М. Къырымнынъ чёль аятындан: Сайлама эсерлер джыйынтыгы / тертип этиджи, изаатларнынъ муэллифи: Н.С. Сейтягъев. Симферополь: ДОЛЯ, 2003. 240 с.

20. Одабаш А. Чатыртавлинынъ огютлери. (*Несир ве назм эсерлер топламы*) / тертип этиджи: Э.Б. Сеитбуллаев. Симферополь, 2005. 110 с.
21. Озенбашлы С.-А. Эй гоньюль! (Шиир) // Терджиман. 1902, № 20, Май 31.
22. Полное собрание сочинений Исмаила Гаспринского. Т. I. Симферополь, 2016. 384 с.
23. Саадет ичюн: Шиирлер, поэмалар, пьеса. Ташкент: Гъафур Гъулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1976. 140 б.
24. Сейдамет Дж. Икяелер / тертип этиджи ве муаррир: И.А. Керим. Акъмесджит, 2009. 88 с.
25. Сейдаметов Дж. Уфукъкъа догъру. Роман. Ташкент, 1973. 164 б.
26. Токътаргъазы У. Нале-и Кырым. Кырасувбазар, 1910. 18 с.
27. Чобан-заде Б. Меним языларым... Шиирлер ве икяелер / тертип этиджи, муаррир ве текстологик изаатларнынъ муэллифи Н. Сеитягъев. Акъмесджит: Тарпан, 2009. 256 с.
28. Gaspıralı İ. Seçilmiş Eserleri: I. Roman ve Hikayeleri / Neşre Hazırlayanlar: Y. Akpınar, B. Orak, N. Muradov. İst., 2007. 476 s.
29. Gaspıralı İ. Seçilmiş Eserleri: III. Dil-Edebiyat-Seyahat Yazıları / Neşre Hazırlayan: Y. Akpınar. İst., 2008. 512 s.
30. Hatif O. K. Gökbayrak altında millî faaliyet / Yeniden yayına hazırlayan: Hakan Kırımlı. Ankara, 1998. 128 s.
31. Kırımer C.S. İslam Ağa // Emel. 1964. Sayı: 23. S. 46–64.
32. Kırımer C.S. Milli Duygu. (Cin Mambet, İslam Ağa, Milli Duygu): Hikayeler / Haz.: Sabri Arıkan. Ankara, 2009. 48 s.
33. Kırımov T.N. Qırımtatar edebiyatı ve matbuatının ananeleri (I Qurultay devri): Monografik çalışma. Aqmescit, 2017. 180 s.
34. Timurcan [Habibullah Odabaş]. Altın yarıq / haz.: M. Yunus // Günsel. 2000. № 5. S. 18–26.

Муэллиф акъкъында малюмат: Абдульвапов Нариман Ремзиевич – филология илимлери намзети, кырымтатар эдебияты кафедрасы доценти; Кырымтатар филологиясы, тарихы ве кырым этносларынынъ медениети ильмий-теткыкыат институтынынъ етекчи ильмий хадими, Февзи Якубов адына Кырым муэндислик ве педагогика университети (295015, Учебный аралыгъы, 8, Акъмесджит, Русие Федерациясы); lale64@mail.ru

Этноним «татары» в крымскотатарской литературе конца XIX – начала XX века

Нариман Абдульвапов

*Крымский инженерно-педагогический
университет имени Февзи Якубова*

Аннотация. В статье представлены результаты научного исследования произведений крымскотатарской литературы конца XIX – начала XX в. на предмет использования этнонима «татары» и производных от него слов и словосочетаний в значении «крымские татары» / «крымскотатарский». В работе были использованы поэтические и прозаические произведения, а также образцы драматургии практически всех наиболее известных крымскотатарских авторов указанного периода. Результаты исследования свидетельствуют о том, что термин «татары» и его производные использовались в указанном значении практически всеми авторами и в абсолютно доминирующем количестве случаев.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, татары, татарский.

Для цитирования: Абдульвапов Н.Р. XIX а. сонъу – XX а. башы кырымтатар эдебиятында «татар» этнонимининъ кьулланылмасы [Этноним «татары» в крымскотатарской литературе конца XIX – начала XX века] // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 29–48. DOI: 10.22378/kio.2024.2.29-48

Сведения об авторе: Абдульвапов Нариман Ремзиевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы; ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); lale64@mail.ru

The ethnonym “Tatars” in Crimean Tatar Literature of the late 19th – early 20th centuries

Nariman Abdulvapov

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

Abstract. The article presents the results of a scientific study of works of Crimean Tatar literature of the late 19th – early 20th centuries on the subject of the use of the ethnonym “Tatars” and words and phrases derived from it in the meaning of “Crimean Tatars” / “Crimean Tatar”. We used poetry and prose as well as examples of drama by almost all the best known Crimean Tatar authors of the specified period. The results of the

study clearly show that the term “Tatars” and its derivatives were used in this meaning in an absolutely dominant number of cases and by almost all authors.

Keywords: Crimean Tatar literature, Tatars, Tatar.

For citation: Abdulpapov N.R. The ethnonym “Tatars” in Crimean Tatar Literature of the late 19th – early 20th centuries. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 29–48. DOI: 10.22378/kio.2024.2.29-48 (In Crimean Tatar)

REFERENCES

1. Ayvazov A. S. Why did we find ourselves in this situation: a play. Compiler Sh. Yunusov. Simferopol, 1997. 80 p. (In Crimean Tatar)
2. Akchokrakly O. Collection of works. Compiler I. Asanoglu Kerim. Simferopol, 2006. 320 p. (In Crimean Tatar)
3. Bektore Sh. The Volga flows red: memories. Compiler U. Edemova. Simferopol: «Kryymdevokuppedneshir» publishing house, 2011. 258 p. (In Crimean Tatar)
4. Gasprinskiy I. The Complete Works. Journalism: 1887–1890. Vol. III. Editor-in-chief R.S. Khakimov; compiler S.A. Seitmemetova. Kazan–Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 560 p.(In Russian)
5. Giraybay A. To the young man. Compiler, Editor-in-Chief and author of the Introduction: I. Kerimov; preparation and interpretation of the text: M.Alimova. Simferopol, 2009. 112 p. (In Crimean Tatar)
6. Gafar Dj. Patterns of life: Stories. Tashkent: Gafur Gulyam Literature and Arts Publishing House. 1971. 120 p. (In Crimean Tatar)
7. Gafar Dj. Partizan Muratchyk. Prepared by G. Medjmetdinova. Yildiz (Star). 1995. № 4. Pp. 89–99. (In Crimean Tatar)
8. Ilmiy A. Collected works. Compiler, transliteration, interpretation, bibliography and scientific-research by I.A. Kerim. Simferopol: “Tavriya” Publishing House, Department of Crimean Tatar Literature, 2004. p. 176. (In Crimean Tatar)
9. Ipchi U. Selected works. Compiler Ya. Ipchi. Simferopol: «I. Gasprinskiy Mediacenter», 2018. 464 p. (In Crimean Tatar)
10. Ipchi U.F. I would like to... (Poem). People. 1918. November 25 (№157). (In Crimean Tatar)
11. Ismail Gasprinskiy. Vol. 2. Complete collection of works. Early journalism. 1876–1886. Chief editor R.S. Khakimov; compiler S.A. Seitmemetova. Kazan–Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 384 p. (In Russian)
12. Kerim I. Ways of development of the Crimean Tatar literature (1850–1917). Monograph. Belgorod: Constanta, 2018. 312 p. (In Crimean Tatar)
13. Kerim I. Crimean Tatar literature. A textbook for senior pupils and students of the Faculty of Philology. Simferopol, 1995. 352 p. (In Crimean Tatar)
14. Kermenchikli Dj. I am proud that I am a Crimean Tatar. Compiler: T.N. Kiri-mov. Simferopol, 2005. 135 p. (In Crimean Tatar)

15. Kadri-zade A. Kurultayin achylmasy ichyun tarih. (Shiir) [Opening date of the Kurultai. (Poem). People. 1917. December 3 (№ 119). (In Crimean Tatar)
16. Kandym Yu. The battlefield will not be overgrown with grass... (Monograph). Simferopol, 2002. 256 p. (In Crimean Tatar)
17. Crimean Tatar literature of the emigration period. Compiler: E. Kurtumerov, T. Useinov, A. Harahady. Simferopol, 2002. 256 p. (In Crimean Tatar)
18. Lyatif-zade A. Dream-Life. Poems, Articles. Simferopol, 2005. 120 p. (In Crimean Tatar)
19. Nuzet M. From the steppe life of the Crimea: Collection of selected stories. Compiler, author of interpretation: N.S. Seytyagyayev. Simferopol: DOLYA, 2003. 240 p. (In Crimean Tatar)
20. Odabash A. Chatyrtavly's instructions. (Collection of prose and poetry). Compiler: E.B. Seitbullae. Simferopol, 2005. 110 p. (In Crimean Tatar)
21. Ozenbashly S.-A. Oh, Soul! (Poem). Terdjiman, 1902. May 31 (№ 20).
22. Complete collection of works by Ismail Gasprinsky. Vol. I. Simferopol, 2016. 384 p. (In Russian)
23. For happiness: Verses, poems, play. Tashkent: Gafur Gulyam Publishing house for Literature and Art, 1976. 140 p. (In Crimean Tatar)
24. Seydamet Dj. Stories. Compiler and editot: I.A. Kerim. Simferopol, 2009. 88 p. (In Crimean Tatar)
25. Seydametov Dj. Towards the horozon. Novel. Tashkent, 1973. 164 p. (In Crimean Tatar)
26. Toktargazy U. Moans of Crimea Karasuvbazar, 1910. 18 p. (In Crimean Tatar)
27. Choban-zade B. Menim yazylarym... My compositions... Verses and stories. Compiler, editor and author of textual interpretation N. Seityagyayev. Simferopol: Tarp-an, 2009. 256 p. (In Crimean Tatar)
28. Gaspıralı İ. Selected works: I. Novel and Stories. Preparation for publication: Y. Akpınar, B. Orak, N. Muradov. İstanbul, 2007. 476 p. (In Turkish)
29. Gaspıralı İ. Selected stories: III. Articles on language, literature and travel. Preparation for publication: Y. Akpınar. İstanbul, 2008. 512 p. (In Crimean Tatar)
30. Hatif O.K. National activities under the blue flag. Prepared for publication again: Hakan Kırımlı. Ankara, 1998. 128 p. (In Turkish)
31. Kırimer C.S. İslam Ağa. Emel. 1964. no. 23. Pp. 46–64. (In Turkish)
32. Kırimer C.S. National Feeling. (Cin Mambet, İslam Ağa, Milli Duygu): Stories. Prepared by Sabri Arıkan. Ankara, 2009. 48 p. (In Turkish)
33. Kirimov T.N. Significant dates of the Crimean Tatar literature and press (the period of the I Kurultai): Monographic study. Simferopol, 2017. 180 p. (In Crimean Tatar)
34. Timurcan [Habibullah Odabaş]. Golden light. Prepared by M. Yunus. Günsel. 2000. no.5. Pp. 18–26. (In Crimean Tatar)

About the author: Nariman R. Abdulvapov – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Crimean Tatar Literature; Leading researcher at the Research Institute of Crimean Tatar Philology, History and Culture of Ethnic Groups of Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchednyy lane, Simferopol 295015, Russian Federation); lale64@mail.ru

Ценностное измерение дискуссии об этнониме «крымские татары / крымлы» в современном этническом контексте

Алиме Апселямова

*Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты анализа феномена этнонимов, их типология и функциональная значимость. Обосновывается консолидирующее значение эндоэтнонимов, их необходимость для формирования ценностной системы этноса, понимание их как части традиционной культуры. Отмечается, что экзоэтнонимы чаще становятся общепринятыми и распространёнными этнонимами, они, как правило, подвержены влиянию географических, социо-культурных, политических факторов. Острая для крымскотатарского дискурса проблема соотношения этнонимов «крымские татары» и «кырымлы» не позволяет функционировать этой дефиниции в полной мере: ограничиваются исторические, идеологические, социокультурные, нормативные основы этничности, связанные с этнонимом, создаются угрозы субъектности крымских татар.

Ключевые слова: эндоэтноним, экзоэтноним, этноним, крымские татары, субъектность.

Для цитирования: Апселямова А.И. Ценностное измерение дискуссии об этнониме «крымские татары / крымлы» в современном этническом контексте // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 49–57. DOI: 10.22378/kio.2024.2.49-57

Этноним, или наименование этноса, является одной из важных составляющих этнической идентичности. В самом широком смысле не существует этносов без этнонима, без их обозначения для «себя для себя» / «себя для других» / «других о нас». Очевидно, что «каждое языковое сообщество, проходя через определенный исторический опыт взаимодействия с другими народами, создает свой корпус этнонимических названий, в который входят как самоназвания (автоэтнонимы), названия, полученные от соседних народов (аллоэтнонимы), так и названия, присвоенные другим

народам» [5]. Этот тезис важен для понимания значения этнонима, его функционирования, определения пространства его функционирования.

Эндономим (автоэтноним) – это самоназвание – «важнейший компонент этнического самосознания, т. е. то, как себя называет, идентифицирует сам народ. Именно здесь в процессе этногенеза общности и возникает оппозиция «мы и они», связанная с необходимостью для осознания своего единства отделиться от других подобных общностей, даже противопоставиться им» [3]. Т. е. в этом понимании эндоэтноним – это механизм понимания этносом самого себя, создания системы идентичности, т. е., условно говоря, «для внутреннего пользования».

Эндоэтноним направлен на внутриэтническую консолидацию, объединение вокруг каких-либо общих представлений о себе самих, своих качествах, подлинности. Исследователи отмечают: «Эндономимы у разных народов в значительной степени могут совпадать, так как часто обозначают «человек», «люди», «настоящие люди» – понятия, на разных языках звучащие по-разному. Таковы, например, самоназвания «ненцы», «нивхи», «нанайцы» (коренные малочисленные народы Севера и Дальнего Востока); «айны» (древний коренной народ Японских островов); «инуиты» (древний северный народ, живущий в Канаде, на Аляске, на крайнем Северо-Востоке России)» [3]. Т. е., этнические группы, называя себя «человек»/«люди», понимает свою подлинность, «правильность» и отличительность от других. Возможно, такое представление о своем этносе характерно для традиционных сообществ, исторически (в прошлом) ведущих достаточно замкнутый образ жизни, либо не имеющих обширных контактов с другими, например, в силу географической отдаленности.

Также эндоэтнонимы как часть традиционной культуры могут иметь тотемные корни. «Есть версия (впрочем, не единственная), что именно так образовалось название буряты – от слов ‘бури-ата’, ‘волк-отец’ (многие древние бурятские роды почитали волка как своего прародителя)» [6]

Иногда эндоэтнонимы указывают на языковую общность, понятность языка общения: «имя народа может означать «те, кто говорит на нашем языке», «те, кто нас понимает». Это относится, например, к самоназванию басков, живущих на территории Испании, – *euskaldunak*. Дословно это ‘знающие баскский язык’; сам язык называется *euskara*, что можно перевести как ‘способ говорить’. Другими словами, своих людей баски обозначали как «тех, кто умеет говорить на том же языке, что и мы» [6]. Подобное наблюдается и в «происхождении самоназвания албанцев – «шкиптар», которое происходит от слова «шчип», означающего «говорить понятно» [3].

Большое значение имеет представление об общем историческом опыте: «многие этнонимы отражают особенности истории того или иного

народа, в частности, связанные с его борьбой за независимость. Так, например, «фризы» («fry») – самоназвание известного народа в Нидерландах и Германии – означает «свободный» и возникло в период упорного сопротивления племени римскому завоеванию в первых веках нашей эры [3].

Еще один интересный фактор отмечает Э. Паин: «Исторически устойчивыми могли быть и специфические термины, обозначающие этнически «чужих» или людей своей национальности, но воспитанных в иной этнической культуре. Таковы, например, термины «гой» у евреев и «гаджо» у цыган» [4, с. 27]. Очевидно, что этнонимы четко формируют реальность, формируя контексты и социальное пространство, определяя коммуникацию со своими и с другими, наделяя комплектом качеств, формируя авто- и гетеростереотипы.

Таким образом, эндоэтнонимы выполняют функции, связанные с внутригрупповой консолидацией:

- формируют общие представления о себе, своей подлинности, своей отличительности от «других», о «таких, как мы», общности/понятности языка, общей истории, исторического опыта и коллективной памяти;

- конструируют внутриэтническую «картину мира», внутриэтнические ценности и идеалы;

- определяют «правила для нас» и «наши правила игры с другими»: представления о добре и зле, о «правильном» и «неправильном», «поощряемом» и «порицаемом», «дозволенном» и «запретном», создавая некие морально-этические и социальные кодексы.

Иные функции выполняют экзонанимы. «Экзонаним, в отличие от эндонома, – элемент этнического сознания, направленного на «другого», это имя, название, которое дается этносу другим этносом (или этносами). Экзонаним в значительно большей степени, чем самоназвание, зависит от ситуации, от особенностей межэтнической коммуникации, от особенностей восприятия другой культуры, психологической совместимости, географической среды и т. д. Экзонанимы, как мы уже отмечали, носят ситуативный характер и могут отражать какие-либо территориальные и географические особенности и признаки, особенности культуры, обычаев, неприемлемые, непонятные для другого народа, особенности истории народа и его контактов с другими народами, характер межэтнической коммуникации» [3].

Зачастую большее распространение получают именно экзонанимы, именно их чаще называют этнонимами и используют для обозначения этнической группы. Нередко экзонанимы носят либо некорректный, либо сегрегирующий характер, подчеркивая инаковость этноса: «пигмеи переводится с древнегреческого как '(человек) величиной с кулак', и это имя, как мы знаем, стало нарицательным. Слово цыгане происходит от греческого атцинганос 'неприкасаемый' – многие представители народа счита-

ют его оскорбительным, требуя называть их в соответствии с их само-названием – рома». Корректный этноним «инуиты» заменен на «эскимосы»: «в России более известны под именем «эскимосы» – именем, данным инуитам их соседями – северными индейцами племени кри и означающем: «те, кто ест гнилое мясо»» [3]. Общеизвестно, что слово «немец» обозначало для русских «немой», т. е. непонятный (для нас).

«В научной литературе такие экзонимы получили название «экспрессивных», или «нисходящих». История знает множество примеров распространения таких презрительных этнонимов-кличек. Так, например, в Испании евреев, принявших христианство (т.е. «выкрестов»), презрительно именовали «мараны» (от испанского «свиньи»» [3]. Таким образом, экзонимы являются результатом целого комплекса факторов, среди них исторические, социо-культурные, экономические, религиозные, географические, ситуативные. Они не всегда корректно отражают качества своего носителя, его историческую судьбу или опыт, иногда выступают как результат колониального наследия или исторических перипетий.

В целом, анализируя значение этнонимов, необходимо отметить, что посредством этнонима происходит «презентация», позиционирование индивида как представителя этнической группы, носителя определенного образа мышления, набора ценностей, своеобразной системы представлений о себе и мире, о «правильном» и «неправильном», о долге и обязанностях и многом другом, что определяет нас как личность и социальность. Важен также тот факт, что этноним выступает как один из этнических признаков, очерчивающих системы «мы» и «они» / «свои» и «чужие».

Существование устоявшегося и признанного этнонима говорит о целостности этнической группы, этнической идентичности, общем понимании исторического опыта. В контексте исторического опыта этноним выступает этноинтегрирующим объединяющим фактором, понимаемым как «те события, которые мы пережили вместе». Это дает ощущения коллективности, групповой идентичности, общности, протяженной во времени и истории. Зачастую это еще подтверждает некую «подлинность» / историчность данной этнической группы. В контексте исторического опыта конструируются этнические мифы (это очень важно для группы), формируются и преодолеваются коллективные травмы, проводятся исторические параллели, создаются модели и визии будущего. Все эти факторы формируют представления, установки и ценности группы, определяют формы и модели поведения и деятельности.

Более того, если обратиться к конструктивистскому подходу понимания этничности, то этничность выступает как «процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанный на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями, единым типом куль-

туры и идей или мифом об общности происхождения и общей истории» [7, с. 41].

Само происхождение этнонима имеет важное значение. Оно бережно сохраняется и позволяет транслировать целый ряд ценностных смыслов: «древности», «подлинности», «историчности», «права на землю» и, самое важное, обуславливает «субъектность» (политическую, социальную, экономическую, духовную, нормативно-правовую)

Исследователи отмечают, что «этнонимы содержат некую характеристику называемых; содержащиеся в них оценки не всегда справедливы, но всегда исторически обусловлены и тем самым представляют ценность как исторические свидетельства. Этноним несет и идеологические функции, служа лозунгом, знаменем» [8].

Именно эти показатели значимы при анализе дискуссии об этнонимах «крымские татары» и «кырымлы». Историческая обусловленность этнонима «крымские татары» в современном информационном и научном пространстве аргументирована такими исследователями как Н. Бекиров, Э. Сейдалиев, Р. Куртсеитов, Н. Абдульваапов, С. Сейметметова, Э. Абибуллаева и др. Этноним «крымские татары» имеет значимость как исторические свидетельства:

- выселили по национальному признаку – *крымских татар*;

- национальное движение за право вернуться на историческую родину Крым *крымских татар*;

- история создания и обозначения этнических институтов с указанием субъектности крымских татар.

Какую бы форму субъектности ни рассматривали, основным этнонимом, употребляемым в политико-правовом дискурсе, будет этноним «крымские татары».

Именно указание на такую этническую составляющую как основной признак обозначения и дифференциации вплетен в систему ценностей крымских татар, он и выполняет указанную выше идеологическую функцию. В период после депортации, проживания за пределами Крыма, появления и развития национального движения крымские татары называли себя только «крымские татары». Например, это ярко видно в лозунгах периода возвращения крымских татар в Крым: «Крым – родина крымских татар», «Верните родину крымским татарам» и др. В идеологии национального движения и в ходе процесса возвращения крымских татар в Крым, социально-экономического и политического опыта появился ряд нарративов, характеризующих крымских татар, их экзистенциальные страхи, риски и представления: «Родина или смерть», «Крым – историческая родина крымских татар», «Крым – наш дом», «Крым по венам» и др. Нарративы последнего десятилетия: «Дерт бизим кутураджакъ» («Четверо нас спасут»),

«Къырымда яша!» («Живи в Крыму!»), «Сен татарсин – чаресини тапарсин» («Ты татарин – справишься»). Этноним «крымские татары» стал своего рода символом или знаменем борьбы за право народа жить на своей исторической родине – в Крыму.

Еще одной характеристикой крымскотатарской идентичности является категория «крымскотатарскости». Впервые категория «крымскотатарскость» была предложена одним из респондентов второго этапа исследования «Крымские татары в условиях трансформации политического пространства» (2019 г.):

«Крымскотатарскость. Во всём. Если раньше у меня первым там было, наверное, я – мама, я – женщина где-то, то сейчас я – крымская татарка, вот оно стоит надо всем. И любой мой поступок, любое моё действие, я поняла, что вот с этой точки зрения, оно где-то доминирующее. То есть подчеркнуть, иногда даже назло кому-то, то, что я крымская татарка и что я другая» [2, с. 24].

В современном дискурсе понятие крымскотатарскости широко распространилось, используется в самом широком контексте для описания трансформационных внутриэтнических процессов и служит своего рода тестом на «подлинность», необходимость сохранения. Условная формула: «способствует сохранению/развитию/приумножению крымскотатарскости – это важно/нужно/сохраняем». Рефлексии по содержанию этого феномена, его описание выступают предметом дискуссий в информационно-коммуникационном и научном пространстве крымскотатарского сообщества [1, с. 143].

Термин «къырымлы» не имеет этой самой исторической наполненности, понимается в большей степени как принадлежность к территории, условное географическое прилагательное. Также этот термин не выполняет описанной выше этноконсолидирующей функции, не объединяет людей вокруг многовекового коллективного опыта государственности, религиозности, исторического прошлого, травм, потерь и той специфики идентичности и национального характера, который позволил сохраниться после трагических событий XX века и вернуться крымским татарам в Крым.

В целом дискуссия вокруг этнонимов «крымские татары» & «къырымлы» весьма спорно и неоднозначно влияет на внутриэтнический дискурс, противореча принципам конструирования, сохранения и трансляции этнической идентичности, нивелируя историческое прошлое и коллективный опыт, не способствует сохранению субъектности крымских татар. Очевидно, было бы корректным использование этих двух терминов не как взаимоисключающих, а как взаимодополняющих. При этом термин «крымские татары» имеет четкую правовую, международную и историческую составляющую и определяет правосубъектность, а «къырымлы» используется как

самозвание – эндононим для «внутреннего пользования», как географический термин (что особенно актуально в период активного перемещения групп людей для обозначения их причастности к родной земле – Крыму).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апселямова А. И. Крымскотатарская идентичность в контексте основных теорий этничности // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры: сборник научных трудов. Выпуск 16. Симферополь: ИП «Подгорнова А.А.», 2023. 184 с.
2. Муратова Э. С., Дюльберова Л. Я., Апселямова А. И. Крымские татары в условиях трансформации политического пространства. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2020. 190 с.
3. Набок И. Л. Этноним в межэтнической коммуникации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnonim-v-mezhetnicheskoy-kommunikatsii>
4. Паин Э. А. Этничность, нация и политика: критические очерки по этнополитологии. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 392 с.
5. Рассоха М. Н. Этнонимические наименования как маркеры идентичности в языке и культуре. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnonimicheskie-naimenovaniya-kak-markery-identichnosti-v-yazyke-i-kulture>
6. Солдатов А. Наш человек! Как появились и что значат названия народов – этнонимы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/nashi-lyudi-kak-poyavilis-i-chto-znachat-nazvaniya-narodov-etnonimy>
7. Тишков В. А., Шабает Ю. П. Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / В. А. Тишков, Ю. П. Шабает. М.: Издательство Московского университета, 2019. 416 с.
8. Этнонимы: Сборник статей / Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1970. 271 с.

Сведения об авторе: Апселямова Алимэ Исмоиловна – кандидат политических наук, декан филологического факультета, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); alime76@mail.ru

The value dimension of the discussion about the ethnonym “Crimean Tatars / Kryymly” in a modern ethnic context

Alime Apselyamova

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

Abstract. The article discusses the theoretical aspects of the analysis of the phenomenon of ethnonyms, their typology and functional significance. The author substantiates the consolidating importance of endoethnonyms, their necessity for the formation of the value system of an ethnic group, and their understanding as part of traditional culture. It is noted that exoethnonyms are more often becoming generally accepted and widespread ethnonyms, they are usually influenced by geographical, socio-cultural, and political factors. The problem of the correlation of the ethnonyms “Crimean Tatars” and “Kryymly”, which is acute for the Crimean Tatar discourse, does not allow this definition to function fully: the historical, ideological, socio-cultural, normative foundations of ethnicity associated with the ethnonym are limited, threats to the subjectivity of the Crimean Tatars are created.

Keywords: endoethnonym, exoethnonym, ethnonym, Crimean Tatars, subjectivity.

For citation: Apselyamova A.I. The value dimension of the discussion about the ethnonym “Crimean Tatars / Kryymly” in a modern ethnic context. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 49–57. DOI: 10.22378/kio.2024.2.49-57 (In Russian)

REFERENCES

1. Apselyamova A.I. Crimean Tatar identity in the twenty main theories of ethnicity. Questions of Crimean Tatar philology, history and culture: collection of scientific works. Issue 16. Simferopol: IP “Podgornova A.A.”, 2023. 184 p. (In Russian)
2. Muratova E.S., Dyulberova L.Ya., Apselyamova A.I. Crimean Tatars in the conditions of transformation of political space. Simferopol: “Areal” Printing House, 2020. 190 p. (In Russian)
3. Nabok I.L. Ethnonym in interethnic communication. Electronic resource. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnonim-v-mezhetnicheskoy-kommunikatsii> (In Russian)
4. Pain E.A. Ethnicity, nation and politics: critical essays on ethnopolitical science. Moscow: New Literary Review, 2023. 392 p. (In Russian)
5. Rassokha M.N. Ethnonymic names as markers of identity in language and culture. Electronic resource. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnonimicheskie-naimenovaniya-kak-markery-identichnosti-v-yazyke-i-kulture> (In Russian)

6. Soldatov A. Our man! How did the names of peoples – ethnonyms – appear and what do they mean. Electronic resource. Access mode: <https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/nashi-lyudi-kak-poyavilis-i-chto-znachat-nazvaniya-narodov-etnonimy> (In Russian)

7. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. Ethnopolitical science: Political functions of ethnicity. Textbook for universities. 3rd edition, revised and supplemented. Moscow: Moscow University Publishing House, 2019. 416 p. (In Russian)

8. Ethnonyms: Collection of articles. N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences; editor-in-chief V. A. Nikonov. Moscow: Science (Chief Editorial Office of Oriental Literature), 1970. 271 p. (In Russian)

About the author: Alime I. Apselyamova – Cand. Sci. (Political Sciences), Dean of Philological department, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchednyy lane, Simferopol 295015, Russian Federation); alime76@mail.ru

Этноним «крымские татары» в документах международных организаций

Надир Бекиров

*Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова*

Аннотация. В последние несколько десятилетий группа интеллигенции из числа крымских татар навязывает общественному мнению дискуссию о том, что, якобы, самоназвание народа «крымские татары» не отражает действительности, является «выдуманным» и не отвечает его культурным, общественным и национальным интересам. С их точки зрения, за рубежом существует непонимание самого словосочетания «крымские татары» общественностью, наукой и международными организациями, что создаёт путаницу и «отождествляет» коренной народ Крыма с другими народами. Адекватным, с точки зрения сторонников этой концепции, являются названия «крымцы», «кырымлы», «крымы». При этом они утверждают, что синонимичное «крымцам» слово «крымчане», якобы, является абсолютно неблизким ему по смыслу и не может смешиваться в любых формах речи и на разных языках [1]. Автором проанализирована публичная документация следующих международных институтов: Организация объединённых наций (ООН), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совет Европы (СЕ), Европейский Союз (ЕС), ЮНЕСКО на предмет наличия в них упомянутых слов, как в принятом переводе на языки этих организаций, так и в латинской транскрипции слов «кырымлы» (Kırymly) и «крымы» на этих языках (чтобы избежать упреков в том, что предлагаемые слова должны употребляться не в переводе, а в их буквальном звучании).

Знакомство и фиксация числа использований существующего веками самоназвания народа – крымские татары – в сопоставлении с предлагаемыми или предполагаемыми словами «крымцы», «крымы», «кырымлы» (в том числе в международной латинской транскрипции Kırymly) с полной очевидностью показывает, что самоназвание «крымские татары» в переводе на официальные языки самых важных и влиятельных организаций широко распространено, понятно и принято в них в официальных документах, в то время как выражения «кырымлы» и «крымы» либо полностью отсутствуют, либо относятся к абсолютно иным явлениям. Сама же попытка переименования является недружественной акцией в отношении крымскотатарского народа.

Ключевые слова: крымские татары, кырымлы, крымы, крымцы, крымчане, самоназвание, этноним, коренной народ Крыма.

Для цитирования: Бекиров Н.В. Этноним «крымские татары» в документах международных организаций // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 58–68. DOI: 10.22378/kio.2024.2.58-68

Цель исследования: провести контент-анализ документов упомянутых организаций и определить наличие, частоту и адекватность употребления всех существующих и предлагаемых названий крымских татар.

Задачи исследования:

1. Выявить корпус публичных документов вышеназванных организаций, содержащих соответствующие слова и словосочетания на официальных языках этих организаций;
2. Проанализировать их количественное соотношение;
3. Определить адекватность и уместность употребления данных слов и словосочетаний содержанию документов.

Методы исследования:

Исследование проводилось дистанционно, посредством использования поисковых систем официальных сайтов этих организаций. Возможность неполного соответствия документации, доступной через электронный поиск, всему объему документации, которой располагают эти организации, не представляется существенной для достижения цели исследования, поскольку:

1. В настоящее время выезд и работа в этих учреждениях представляется технически затруднительной;
2. Даже обработка документации, доступной в электронном виде, дает картину баланса между словоупотреблением названных терминов и в достаточной мере может служить показателем их реального соотношения во всех документах;
3. Эти организации уже десятилетиями работают над тем, чтобы обеспечить перевод своей документации в электронную форму с целью её общедоступности, и возможный зазор между этими объемами вряд ли играет существенную роль в настоящее время;
4. Работа с сайтами указанных организаций проводилась в апреле – июне 2024 г. К моменту проведения конференции сколь-нибудь существенные изменения полученных данных весьма маловероятны. Можно уверенно констатировать, что такова ситуация на первую половину 2024 года.

Результаты исследования

Документы ООН

Важнейшей общемировой организацией, занимающейся всем комплексом проблем в жизни человечества, всех стран и народов, является ООН. Ее рабочими языками являются арабский, английский, испанский, китайский, русский, французский. ООН имеет два основных офиса: в Нью-Йорке и Женеве. Кроме того, в Женеве размещено Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Именно в этих трех центрах содержится основной массив документов, затрагивающих темы, касающиеся крымских татар как народа.

1. Документы штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке [7]

- Арабский язык: крымские татары – 12, крымцы – 0, крымлы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.
- Английский: крымские татары – 186, крымцы – 0, крымцы – 0.
- Китайский: крымские татары – 42, крымцы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.
- Испанский: крымские татары – 6, крымцы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.
- Русский: крымские татары – 30, крымцы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.
- Французский: крымские татары – 162, крымцы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.

2. Документы офиса ООН в Женеве [9]

- Арабский язык: крымские татары – 0, крымцы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.
- Английский: крымские татары – 87, крымцы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.
- Испанский: крымские татары – 0, крымцы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.
- Китайский: крымские татары – 10, крымцы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.
- Русский: крымские татары – 4, крымцы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.
- Французский: крымские татары – 123, крымцы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.

3. Документы Управления Верховного комиссара ООН по правам человека [5]

- Арабский язык: крымские татары – 3, крымцы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.
- Английский: крымские татары – 186, крымцы – 0, крымцы – 0, крымцы – 0.

- Испанский: крымские татары – 6, крымцы – 0, крыммы – 0, крымлы – 0.
- Китайский: крымские татары – 42, крымцы – 0, крыммы – 0, крымлы – 0.
- Русский: крымские татары – 30, крымцы – 0, крыммы – 0, крымлы – 0.
- Французский: крымские татары – 162, крымцы – 0, крыммы – 0, крымлы – 0.

Документы ЮНЕСКО [8]

ЮНЕСКО является самостоятельной организацией системы ООН и известна всем под таким названием, независимо от языка. Занимается она культурой, языками, культурным наследием, заповедниками и другими аналогичными вопросами. Для крымских татар она является одной из важнейших. В частности, крымскотатарский язык входит в Атлас языков, находящихся в угрожаемом положении, издаваемый ЮНЕСКО. Он был включен туда в результате усилий известного крымскотатарского филолога Севиль Изидиновой.

Помимо официальных языков ООН документы ЮНЕСКО издаются на индонезийском, итальянском, португальском, узбекском, украинском, японском языках. Мы произвели анализ на языках, представляющих по тем или иным причинам наибольший интерес для крымских татар.

Что интересно, отдельно дважды встречается слово «Крым» негеографического смысла. Что же это такое? Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», расположенная в Алматы, Казахстан, открытая в 2000 году и получила название по имени ее руководителя, Крыма Алтынбекова, занимающегося раскопками в Казахстане и Кыргызстане.

Последнее упоминание крымских татар относится к выставке, прошедшей 29–31 мая 2024 года в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже «Нерушимое наследие крымских татар», посвященной 80-летию депортации нашего народа.

- Английский: крымские татары – 10, правда потекстовая проверка показала, что туда автоматически включились два документа, связанные с культурным наследием татар: Казанский кремль и Булгар. Однако это очень легко обнаруживается при просмотре упоминаний прямо в названиях документов. 8 – это именно крымские татары. Крым, как полуостров, – 17, крыммы, крымцы, крымчане – 0.

- Арабский: крымские татары – 7, Крым – 3, крымцы/крымчане – 12, причем, очевидно, вне этнического контекста. Крымлы и крыммы – 0.

- Испанский: крымские татары – 3369, татары – 6, крымцы, крымчане, крыммы, крыммы во всех возможных вариациях – 0, сам Крым – 11.

- Итальянский: крымские татары – 0, Крым – 0, крымчане, крымцы, крымлы, крыммы – 0.
- Китайский: крымские татары – 0, Крым – 0, крымцы, крымчане, крымлы на китайские не переводятся.
- Русский: крымские татары – 2. Знакомство с текстами показало, что поиск выдал слово «татары», одно из которых является упоминанием национального состава жителей г. Баку, другое – национального состава жителей заповедника «гора Большое Богдо». Очевидно, что это не крымские татары. Крым упоминается 5 раз, крымцы, крымчане, крымлы и крыммы – 0.
 - Узбекский: все – 0.
 - Украинский: крымские татары – 0, Крым – 0, крымцы, крымчане, крыммы, крымлы – 0.
 - Французский: крымские татары – 3220 документов, Крым – 2012, крымцы, крымчане, крыммы (помимо названия полуострова) – 0, татары отдельно – 7.

Документы Совета Европы [5]

С октября 2022 года Россия перестала входить в состав этой организации. Однако на протяжении нескольких десятилетий она была ее членом. Информация, содержащаяся в этих документах, имеет публичный доступ и является одним из источников для всех, кто интересуется крымскими татарами. Помимо языков ООН в СЕ широко используется и немецкий язык, являющийся одним из важных языков Европы, а также несколько других.

- Английский язык: крымские татары – 858, крымчане/крымцы – 16, крыммы – 0.
- Итальянский: крымские татары – 3. Слова «крымчане», «крымцы», «крыммы» на итальянском языке выявить не удастся, так как они в написании совпадают со словом «крымский» – della Crimea, или «Крым» – Crimea, что хорошо демонстрирует, что произойдет, если вдруг крымские татары возьмут такой псевдоэтноним, – они просто исчезнут в этом языке.
- Испанский: крымские татары – 2, слова «крымчане», «крымцы», «крыммы» на испанском языке выявить не удастся, так как они в написании совпадают со словом «крымский» – Crimea, или «Крым» – Crimea, что хорошо демонстрирует, что произойдет, если вдруг крымские татары возьмут такой псевдоэтноним, – они просто исчезнут в этом языке.
- Немецкий: крымские татары – 7. Слова «крымчане», «крымцы», «крыммы» на немецком языке выявить не удастся, так как они в написании совпадают со словом «Крым» – Krim. Если, вдруг, крымские татары возьмут такой псевдоэтноним, они просто исчезнут в этом языке.

- Русский: крымские татары – 11, крымчане – 1, крымцы – 0, крыммы – 0, крымлы – 0.

- Французский: крымские татары – 454. Слова «крымчане», «крымцы», «крыммы» на французском языке выявить не удастся, так как они в написании совпадают со словом «Крым» – Crimée. Если вдруг крымские татары возьмут такой псевдоэтноним, они просто исчезнут в этом языке.

- В документах СЕ удалось найти один документ с латинской транскрипцией слова «кырымлы» – Kyrymly. Им оказался неофициальный английский перевод «Четвертого периодического отчета», предоставленного Украиной о выполнении европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (предусмотренного в соответствии со статьей 15 Устава). В нем упоминается телепрограмма «program “Crimea. Kyrymly. Return”», то есть «Крым. Крымлы. Возвращение». Не думаю, что здесь нужны комментарии.

Документы ОБСЕ [3]

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе является одним из давних и активных международных институтов, в деятельности которого активно участвует и Россия.

- Английский язык: крымские татары – 965, крымчане/крымцы, в английском они неразличимы – 1580, крыммы (отдельно от Крыма как полуострова) – 0, крымлы – 0.

- Итальянский: крымские татары – 8. Слова «крымчане», «крымцы», «крыммы» на итальянском языке выявить не удастся, так как они в написании совпадают со словом «крымский» – della Crimea, или «Крым» – Crimea.

- Испанский: крымские татары – 22. Слова «крымчане», «крымцы», «крыммы» на испанском языке выявить не удастся, так как они в написании совпадают со словом «крымский» и «Крым» – Crimea.

- Немецкий: крымские татары – 38. Слова «крымчане», «крымцы», «крыммы» на немецком языке выявить не удастся, так как они в написании совпадают со словом «Крым» – Krim.

- Французский: крымские татары – 43. Слова «крымчане», «крымцы», «крыммы» на французском языке выявить не удастся, так как они в написании совпадают со словом «Крым» – Crimée.

- Русский: крымские татары – 380, крымцы – 0, крыммы – 0. Слово «крымчане» упоминается 14 раз. Слово «кырымлы» упоминается в 1 документе, как фамилия некоего Аслана Крымлы.

- Украинский: крымские татары – 63, крымцы – 0, крыммы – 0, крымчане – 6.

- Был предпринят поиск по латинской транскрипции слова «кырымлы» – Kyrymly. Результат – 1, снова фамилия вышеупомянутого Аслана Крымлы.

Документы ЕС [4]

Европейский Союз является самой влиятельной организацией Европы, документация которой также является важным источником информации о крымских татарах. Помимо упомянутых выше языков в ней используются языки многих стран: датский, сербский, словенский, чешский и т.д. Автор сделал выборку документов на уже отобранных языках, поскольку они являются более-менее универсальными для европейского региона.

- Английский: крымские татары – 83, крымцы/крымчане – 2 (они неразделимы по-английски), крым, кырымлы – 0.

- Испанский: крымские татары – 7004. Но здесь ситуация та же, что с французским языком. Поиск по слову «tártaros» дал результат – 6. Опять-таки речь шла только о крымских татарах. Слова «крымцы», «крымы» на испанском языке выявить не удастся, так как они в написании совпадают со словом «крымский» и «Крым» – Crimea. Нет на испанском и крымчан – Crimeanos.

- Немецкий: крымские татары – 7. Слова «крымчане», «крымцы», «крымы» на немецком языке выявить не удастся, так как они в написании совпадают со словом «Крым» – Krim.

- Французский: крымские татары – 9257. Правда, в связи особенностями французского языка представляется, что поиск сработал не на целостное словосочетание, а на его вторую половину – de Crimée. Поиск по первой половине – Tatars дал результат – 16. Но необходимо иметь в виду, что все они относились именно к крымским татарам. Слова «крымчане», «крымцы», «крымы» на французском языке выявить не удастся, так как они в написании совпадают со словом «Крым» – Crimée или «крымский» – de Crimée.

- Документы на русском и украинском языках в ЕС отсутствуют.

- Поиск международной латинской транскрипции Kyrymly дал результат – 0.

- Интересно отметить, что в электронной библиотеке Европейской комиссии – исполнительного органа ЕС есть публикации о крымских татарах, кроме названных, еще и на венгерском, датском, польском, русском, турецком, украинском языках.

Итоги исследования

1. Знакомство и фиксация числа использований существующего веками самоназвания народа – крымские татары – в сопоставлении с предлага-

емыми или предполагаемыми словами «крымцы», «крымы», «кырымлы» (в том числе в международной латинской транскрипции *Kyrymly*) с полной очевидностью показывает, что самоназвание «крымские татары» в переводе на официальные языки самых важных и влиятельных международных организаций широко распространено, понятно и принято в их официальных документах.

Так, в документах, опубликованных на официальных сайтах этих организаций, выражение «крымские татары» используется на языках:

арабском – 22, английском – 2291, итальянском – 11, испанском – 3405, китайском – 52, немецком – 52, русском – 425, украинском – 63, французском – 4018 раз.

Слова «крымчане», «крымцы», «крымы» с этническим смыслом отсутствуют полностью, а в латинской транскрипции слова «кырымлы» – *Kyrymly*: 2 упоминания и то в качестве фамилии отдельного человека.

Надо отметить, что при анализе документов ООН мы изъяли из подсчета итогов повторяющиеся цифры на сайтах штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке и Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, поскольку, очевидно, они содержатся в одних и тех же документах. Но любое заинтересованное лицо может провести собственное исследование, используя приведенные ниже ссылки.

2. Мы приходим к совершенно однозначному выводу: международные институты, имеющие в соответствии со своим мандатом соприкосновение с темой крымских татар, хорошо знакомы с этим названием народа, являющимся его самоназванием, и не испытывают никаких трудностей в определении носителя этого названия. Учитывая, что деятельность и документация этих организаций являются основным источником официальной информации в международной жизни, любые предположения о неосведомленности этих организаций или якобы проблемах, из-за самоназвания нашего народа «крымские татары», абсолютно не соответствуют действительности.

3. Вряд ли имеет смысл подсчитывать в процентах баланс между этим реальным самоназванием нашего народа, известным всему миру, и искусственными конструкциями «крымцы», «крымы», «кырымлы», поскольку наглядно видно, что все они равны нулю. Подсчет соотношения между 0 и 11 упоминаниями (итальянский язык, наименьшее число упоминаний) даст бесконечность, как и с любым другим натуральным числом.

4. Анализ частоты упоминания дает определенное представление о значимости крымскотатарской темы на разных языках.

5. В этих условиях попытка навязать крымскотатарскому народу некие досужие выдумки в качестве «нового» самоназвания может повлечь за собой катастрофические последствия в значительной мере, если не в первую

очередь, в этих и других международных организациях, чего, по-видимому, и добиваются авторы и сторонники этой идеи.

6. Знакомство и фиксация числа использований существующего веками самоназвания народа – крымские татары – в сопоставлении с предлагаемыми или предполагаемыми словами «крымцы», «крымы», «кырымлы» (в том числе в международной латинской транскрипции *Kyrymly*) с полной очевидностью показывает, что самоназвание «крымские татары» в переводе на официальные языки самых важных и влиятельных организаций широко распространено, понятно и принято в них в официальных документах в то время как выражения «крымлы» и «крымы» либо полностью отсутствуют, либо относятся к абсолютно иным явлениям. Сама же попытка переименования является недружественной акцией в отношении крымскотатарского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекиров Н. В. К вопросу о названии и самоназвании крымских татар // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nazvanii-i-samonazvanii-krymskih-tatar> (дата обращения: 17.03.2024).
2. Городецкая И. Л., Левашов Е. А. Русские названия жителей: Словарь-справочник: Более 14 000 назв. / Городецкая И. Л., Левашов Е. А.; под ред. Е. А. Левашова. М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО Издательство АСТ, 2003. 363 с.
3. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.osce.org/> (дата обращения: 30.06.2024).
4. An official website of the European Union [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://european-union.europa.eu/index_en (дата обращения: 30.06.2024).
5. Council of Europe [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/portal/home> (дата обращения: 30.06.2024).
6. The Office of the High Commissioner for Human Rights [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ohchr.org/en/ohchr_homepage (дата обращения: 30.06.2024).
7. United Nations [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/en> (дата обращения: 30.06.2024).
8. UNESCO [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unesco.org/en> (дата обращения: 30.06.2024).
9. The United Nations Office at Geneva [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ungeneva.org/en> (дата обращения: 30.06.2024).

Сведения об авторе: Бекиров Надир Валериянович – кандидат философских наук, старший преподаватель; старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культур этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); nadirbekirov@yandex.com

Ethnonym “Crimean Tatars” in documents of international organizations

Nadir Bekirov

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

Abstract. Over the past few decades a group of Crimean Tatar intellectuals have been imposing on public opinion the discussion that the self-name of the people “Crimean Tatars” allegedly does not reflect reality, it is “invented” and does not meet their cultural, public and national interests. From their point of view, there is a misunderstanding of the very word combination “Crimean Tatars” by the public, science and international organizations abroad, which creates confusion and “identifies” the indigenous people of Crimea with other peoples. From the point of view of the proponents of this concept, the adequate names are “Crimeans”, “Krymly”, “Crimeans”. At the same time, they claim that the word “Crimeans” synonymous with “Crimeans” is allegedly absolutely not close to it in meaning and cannot be mixed in any form of speech and in different languages. The author has analyzed the public documentation of the following international institutions: the United Nations (UN), the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE), the Council of Europe (CoE), the European Union (EU), UNESCO for the presence in them of the mentioned words, both in the accepted translation into the languages of these organizations and in the Latin transcription of the words “Crimeans” and “Crimeans” in these languages (in order to avoid reproaches that the proposed words should be used not in their translation, but in their literal form).

Acquaintance with and recording of the number of uses of the centuries-old self-designation of the people, Crimean Tatars, in comparison with the proposed or assumed words “Krymtsy”, “Krym”, “Krymly” (including in the international Latin transcription Kyrymly) shows with full clarity that the self-designation “Crimean Tatars” in the official languages of the most important and influential organizations is widespread, understandable and accepted in official documents, while the expressions “Krymly” and “Krymly” are either absolutely absent or refer to completely different phenomena. The very attempt of renaming is an unfriendly action against the Crimean Tatar people.

Keywords: Crimean Tatars, Crimeans, Krymly, Kyrymly, Kryms, Krymtsy, Krymchans, self-name, ethnonym, indigenous people of Crimea.

For citation: Bekirov N.V. Ethnonym “Crimean Tatars” in documents of international organizations. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 58–68. DOI: 10.22378/kio.2024.2.58-68 (In Russian)

REFERENCES

1. Bekirov N.V. On the issue of the names and self-names of the Crimean Tatars. Bulletin of the Mari State University. Series “Historical Sciences. Legal sciences”. 2015, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nazvanii-i-samo-nazvanii-krymskih-tatar> (access date: 03/17/2024). (In Russian)
2. Gorodetskaya I.L., Levashov E.A. Russian names of inhabitants. Dictionary-reference. More than 14,000 names. Gorodetskaya I.L., Levashov E.A.; Ed. E.A. Levashov. Moscow: “Russian Dictionaries”, “Astrel” Publishing House”, Publishing House AST, 2003. 363 p. (In Russian)
3. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). [Electronic resource]. Access mode: <https://www.osce.org/> (access date: 30.06.2024).
4. An official website of the European Union [Electronic resource]. Access mode: https://european-union.europa.eu/index_en (access date: 30.06.2024).
5. Council of Europe [Electronic resource]. Access mode: <https://www.coe.int/en/web/portal/home> (access date: 30.06.2024).
6. The Office of the High Commissioner for Human Rights [Electronic resource]. Access mode: https://www.ohchr.org/en/ohchr_homepage (access date: 30.06.2024).
7. United Nations [Electronic resource]. Access mode: <https://www.un.org/en> (access date: 30.06.2024).
8. UNESCO [Electronic resource]. Access mode: <https://www.unesco.org/en> (access date: 30.06.2024).
9. The United Nations Office at Geneva [Electronic resource]. Access mode: <https://www.ungeneva.org/en> (access date: 30.06.2024).

About the author: Nadir V. Bekirov – Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer; Senior Researcher of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebny lane, Simferopol 295015, Russian Federation); nadirbekirov@yandex.com

Булгарско-татарские дискуссии в контексте проблемы этнонима «крымские татары»

Дявер Османов

Литературно-художественный журнал «Йылдыз»

Аннотация. В процессе массового возвращения крымскотатарского народа из мест депортации на свою историческую родину в Крым (1987–2000 гг.) наряду с политическими, социальными, этнокультурными проблемами возрождения и становления народа в новых условиях возникали и, вполне вероятно, будут возникать и в будущем неожиданные и непрогнозируемые ситуации, связанные с самоидентификацией народа. Как известно, одним из признаков самоидентификации является самоназвание народа. В 90-е годы XX века в Крыму проявились первые попытки по изменению этнонима «крымские татары». Ситуация, возникшая в Крыму, аналогична процессам по переименованию этнонима «татары» в этноним «булгары», имевшим место в Татарстане в 80-е годы XX в. Анализ дискуссий по переименованию этнонима «татары» в Казани и этнонима «крымские татары» в Крыму продемонстрировал исторически сформировавшийся статус-кво этнонимов «татары» и «крымские татары» в массовом сознании двух народов и бесперспективность попыток их переименования.

Ключевые слова: крымские татары, кырымлы, крымцы, крымцы, Крым, татары, булгары, самоидентификация.

Для цитирования: Османов Д.И. Булгарско-татарские дискуссии в контексте проблемы этнонима «крымские татары» // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 69–79. DOI: 10.22378/kio.2024.2.69-79

Этноним *крымские татары* утвердился в начале XX века и получил дальнейшее развитие не только в крымскотатарском социуме, но и за его пределами.

Закрепившееся самоназвание *крымские татары* – *кырымтатарлар* является одним из признаков консолидации и итогом становления крымскотатарского народа как политической нации, в некоторой степени, превратившейся из объекта политики внешних сил в самодостаточный субъект, определяющий свое место и роль не только в Крыму.

Субъектность народа наделяет его определенными политическими, экономическими, социальными правами и, самое главное, правом на самоопределение, являющимся одним из принципов международного права. В этом контексте ключевую роль этнонима *крымские татары* – *къырымтатарлар* трудно переоценить.

Однако в середине 90-х годов прошлого столетия в Крыму появились инициаторы, подвергающие сомнению обоснованность этнонима *крымские татары*. Развившие на этой стезе бурную деятельность активисты предлагали варианты замены самоназвания *къырымтатарлар* – *крымские татары* на *къырымлы* – *крымский или крымчане*. Позднее, в ходе непрекращавшихся перманентных дискуссий, в частности, и из-за критики самоназвания в переводе на русский язык как-то *крымчане*, что, с большой долей вероятности, не могло быть принято как этноним крымскотатарского народа, инициаторы постепенно ввели в оборот подкорректированный вариант самоназвания крымскотатарского народа *къырымлар* или *крымцы, крымьы*. Очевидно, что предпринятая мимикрия не меняла главной цели, а именно внедрения в массовое сознание якобы неуместности, а может быть, по мнению инициаторов, и некой ущербности самоназвания *крымские татары*. Несмотря на то, что эта группа в продвижении своей идеи длительное время использовала и использует некоторые крымскотатарские СМИ, можно констатировать, что в среде крымскотатарского народа широкого отклика эта идея не получила и осталась уделом ограниченного круга инициаторов. Продвижение данной инициативы через интернет-ресурсы продемонстрировало, что научно-обоснованных и однозначных аргументов для смены этнонима *крымские татары* на иное за прошедший период озвучено не было. Итоги переписи населения в Крыму в 1989, 2001, 2014, 2020 гг. также не зафиксировали лиц под самоназванием *къырымлы* или *крымцы*. В то же время в Крыму в переписных документах зафиксированы самоназвания *крымские татары* и *татары*. Несмотря на это, инициаторы смены этнонима «крымские татары» предприняли две попытки решения вопроса явочным порядком, а именно через голосование делегатов Курултая.

Обе попытки с большим перевесом голосов делегатами были провалены. В 2014 году за это предложение проголосовало 53 делегата из более чем 250 [7].

Попытка привлечь на свою сторону, а точнее, использовать делегатов для достижения своей цели в таком судьбоносном для народа вопросе, доморощенными политическими методами навязывания того или иного самоназвания крымскотатарского народа решением «сверху», свидетельствовало как о слабости позиции, так и об отсутствии весомых аргументов в пользу этой инициативы, не говоря уже о политической целесообразности

«игр в самоназвание». Однако сторонники неперменного переименования крымскотатарского народа, невзирая ни на что, в течение 25 лет так озабочивались идеей переименования своего народа, что вряд ли в обозримом будущем они смогут себе позволить остановиться. Следует заметить, что аналогичные процессы происходили не только у крымских татар.

Среди тюркоязычных народов наиболее ярким примером озабоченности самоназванием народа в 80-е годы прошлого столетия стали процессы в республике Татарстан. Накануне развала СССР здесь развернулась дискуссия о замене этнонима *татары* на этноним *булгары*. Это движение имеет длительную предысторию, которая берет свое начало в середине XIX в. Она не увенчалась успехом, хотя оснований для замены этнонима *татары* на этноним *булгары* не в пример этнониму *крымские татары* было гораздо больше. Первым выразителем идей булгаризма среди казанских татар считается Багаутдин Ваисов (1810–1893). Булгаризм – это идеология булгарской идентичности и булгарской государственности, известной как Волжская Булгария, существовавшей в X–XIII в.в. на территории нынешнего Татарстана [2].

В 1236–1237 гг. Волжская Булгария была завоевана объединенным войском монгольских ханов во главе с Батыем и вошла в состав улуса Джучи. Столица Болгар стала первой ставкой хана Батыя. Дальнейшее развитие этой территории происходило в составе Золотой Орды, но память о булгарском компоненте в этногенезе татарского народа никуда не исчезла. Влияние на становление идей татарского булгаризма оказали труды авторов XIX – начала XX веков: Ш. Марджани, Г. Исхаки, Р. Ф. Фахретдинова [1].

Шигабутдин Марджани был первым татарским историком, который обратился к проблеме этногенеза татарского народа и написал труд «Муштафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» (Кладезь сведений о делах Казани и Булгара). В нём демонстрируется преемственность между культурами Волжской Булгарии и Казанского ханства и обосновывается происхождение татар от волжских булгар. Доказывая преемственность между культурами Волжской Булгарии и Казанского ханства, Марджани призывал татарский народ к усвоению своего культурного наследия. Однако Марджани не призывал отказываться от этнонима «татары», а, наоборот, подчёркивал, что татары являются прежде всего татарами.

Таким образом, существование Волжской Булгарии и булгарского компонента на нынешней территории Татарстана является альфой и омегой дискуссий на эту тему в Татарстане. В 80-е годы прошлого столетия эта дискуссия заново разворачивается в Татарстане на фоне национального подъема и грядущего развала СССР.

Одним из сторонников переименования татар в болгары в 80-е годы был доктор наук, академик, известный книговед-библиограф, работавший в Казанском филиале академии наук, Абрар Каримуллин. Им даже была издана брошюра «Татары: этнос и этноним», в которой была сделана попытка научного обоснования переименования самоназвания *татары* в *болгары* [4].

Однако дальше научных изысканий дело не пошло, и, как свидетельствуют ученые, знавшие А. Каримуллина, впоследствии он признал ошибочность своей точки зрения.

В этом же контексте в 1988 году в Казани было создано общество «Булгар аль-Джадид». На одном из своих митингов в Казани общество приняло обращение к руководству республики о переименовании татар в болгар и развило общественную деятельность по актуализации этой идеи в республиканских СМИ, провело съезд Булгарского национального конгресса и создало свои ячейки в некоторых местах проживания татар за пределами Татарстана. В риторике сторонников переименования Татарстана в «Булгар иле» («Булгаристан») использовался и актуальный тезис национального движения того времени о независимости Татарстана. Одним из итогов массовой пропаганды «булгаризации» татар стали результаты переписи населения 1989 г. По этим данным, болгарами записались 186 человек, но и те в конечном итоге в переписных документах попали, вероятно, в графу «другие или прочие», так как, по официальным данным госкомитета РТ по статистике в 1989–2010 г., болгары в переписях населения не зафиксированы. Таким образом, они «ушли» от татар, но пришли в «никуда»... [6].

По данным «Булгарской общины» Казани, во время переписи населения 2010 г. болгары были включены в список народов России.

Президент Булгарского национального конгресса Гусман Халилов даже обращался в Европейский суд по правам человека по вопросу переименования татар в болгар, но в 2010 году проиграл эту тяжбу в суде.

Постепенно идея булгаризации татар сошла с повестки дня, академические исследователи истории татар не поддерживавшие эту идею в общих чертах ограничились констатацией того, что булгарский элемент сыграл в этногенезе татарского народа такую же роль как и другие компоненты, принявшие участие в этногенезе татарского народа.

Исходя из этого краткого экскурса можно сделать вывод, что для замены самоназвания *татары* на *болгары* оснований, возможно, было гораздо больше, чем для замены самоназвания *крымские татары* на *кырымлы-кымы* или *кырымлар-крымы*. Но несмотря на это в итоге многолетней дискуссии по этому вопросу в нынешнем Татарстане окончательно утвердился этноним *татары*.

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ СТАТИСТИКА
БУЕНЧА ДӘУЛӘТ КОМИТЕТЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ПО СТАТИСТИКЕ

10.10.97, № 20/4 - 96

на № _____ от _____

Председателю-
координатору
клуба "Булгар аль
Джадид"
Нуретдинову Ф. Г.

В ответ на Вашу просьбу о представлении сведений о населении булгарской национальности Госкомстат РТ информирует, что при переписи населения 1989г. булгарами назвали себя 186 жителей Республики Татарстан.

Председатель
Госкомстата
Республики
Татарстан

Р. А. Хуснутдинов

В этом контексте сама дискуссия по замене самоназвания крымских татар, не имеющая хотя бы такой же ретроспективы, как в случае с «булгарами» в Татарстане, вызывает недоумение. На вопрос, какую цель преследуют инициаторы смены самоназвания *крымские татары*, внятного ответа нет. Анализ публикаций в крымскотатарской прессе на эту тему позволяет обозначить несколько основных причин, движущих сторонниками идеи *къырымлы*.

1. Попытки инициаторов переименования самоназвания в Татарстане и в Крыму отчасти являются следствием постсоветского синдрома, связанного с негативной трактовкой самоназваний «*татары*», «*крымские татары*», тиражировавшимися в советской исторической литературе, в учебниках и некоторых публикациях на современном этапе, что способствовало внедрению в массовое сознание ложного восприятия этнонима «*татары*».

2. Так же, как и в Татарстане, попытка ничем необоснованного переименования этнонима *крымские татары* на *къырым*, *къырымлы* может быть проявлением «самоидентификации» одной из субэтнических групп, являющихся составляющей крымскотатарского народа, и не ассоциирующей себя единым целым с другими составляющими этноса.

За долгий период безуспешной реализации идеи переименования этнонима непосредственно в Крыму эта идея стала явочным порядком продвигаться в массовых мероприятиях за пределами Крыма среди представителей не крымскотатарского народа. 25 июня 2024 г. на одном из телеканалов был запущен образовательный проект по изучению крымскотатарского языка «По-крымски говоря», где крымских татар уже величают «кырымлы» [8].

Некоторые авторы и в Крыму не гнушаются откровенными манипуляциями авторского смысла в литературных произведениях. Всем известно стихотворение «Татарым!» поэта Джемиля Керменчикли (1891–1942). Так вот его программную строку «Татарлыкътыр ма-бих-иль-ифтихарым!» («Я горжусь своим татарством!») в стихотворении «Татарым!» филолог Таир Киримов подменил на «Къырымлыкътыр ма-бих, иль-ифтихарым!» И вынес это на обложку книги.

Джемиль КЕРМЕНЧИКЛИ
(1891–1942)

ТАТАРЫМ!

Баш устюмде долашыёр бир булут,
Бана диёр: «Татарлыкъы сен унут!».
Хайыр достум, сен бу дерттен фаригъ ол
Шу сёзлери хатырынъда эйи тут:

Сен не дерсенъ – татар огълу татарым,
Татарлыкътыр ма-бих-иль-ифтихарым!
Лятиф бааръ рузгярлары кусерсе,
Дёрт тарафтан аджджы еллер эсерсе,
Ерлер, коклер, дагълар, ташлар, деньизлер
Юзь чевирип, ёлларымы кесерсе,
Ёл арамам, орталыкъта ятарым,
Амма дерим: татар огълу татарым!
Къоркъунч шемшек ич турмайып чакъарса,
Эр тарафы йылдырымлар якъарса,
Бинъ йыл ягъмур, бурчакъ, къар, бузлар ягъып,
Тюшен селлер орталыгъы йыкъарса,
Юкселирим, алчалырым, батарым,
Ер алтына кирсем, йине татарым! [5, с. 85]

Исходя из попавших в поле зрения примеров неофициального использования термина «кырымлы», не исключено, что эти промежуточные действия пока лишь эпизодическое тестирование реакции крымскотатарского народа в вопросе его этнонима.

Отсутствие объективных работ по фундаменальной истории и этногенезу крымскотатарского народа, целенаправленное и длительное уничтожение источниковедческой базы, памятников материальной и нематериальной культуры автохтонного народа в Крыму, в том числе в результате депортации 1944 г., является одной из причин проявления различного рода не всегда оправданных и сомнительных инициатив, в том числе, по переименованию этнонима народа.

Несостоятельность смены этнонима *крымские татары* – *кырымтатарлар* очевидна, так как предлагаемое «*кырымлар* – *крымцы* – *крымы*» в известных крымскотатарских источниках и художественной литературе в обозримом прошлом практически не фиксируются. А в случаях фиксации они обозначают не самоназвание народа, а географическую принадлежность субъекта.

Какие угрозы может нести смена этнонима крымскотатарскому народу?

1. В случае гипотетического отказа от исторически сложившегося самоназвания *кырымтатарлар* – *крымские татары* будет утрачен фактор консолидации под этим именем в Крыму разных субэтнотосов, сформировавших собственно крымскотатарский народ. Как следствие, можно ожидать постепенного обособления других субэтнотосов, что может стать причиной дезинтеграции, разобщения и деградации этноса.

2. Многомиллионная крымскотатарская диаспора также будет дезориентирована, расколота и утеряна. Их обеспокоенность происходящим и негативная реакция на смену самоназвания уже озвучены.

3. Отказ от этнонима «крымские татары» приведет к самоизоляции от своего тысячелетнего наследия, а также потере обширных территорий, с точки зрения изучения истории Крымского ханства, на которых формировалась как материальная и духовная культура этноса, так и сам крымскотатарский народ.

Интегрирующую роль Крымского ханства в этногенезе крымских татар подчеркивает и ученый из Татарстана Рафаэль Хакимов: «Как одно из крупнейших государств-наследников Золотой Орды Крымское ханство являлось частью большого этнокультурного пространства, расположенного на обширном участке Евразии.

<...> Именно этот период можно назвать ключевым для этногенеза крымских татар, формирования их многокомпонентной культуры» [3, с. 3].

Ученый и дипломат из Румынии Тасин Джемиль выражает обеспокоенность тем, что на современном этапе братские тюркские народы, сумевшие создать в Средней Азии свои независимые национальные государства, пользуясь политической слабостью крымских татар, хотят лишить их исторического наследия Золотой Орды, прямым наследником которого является Крымское ханство.

«Золотая Орда (точнее Золотое государство) 1242–1502 гг. было крупным татарским государством, продолжавшим существовать в Евразии на протяжении XIX века. Золотая Орда, имевшая не только развитую экономику и огромную политическую и военную мощь, но и блестящую городскую культуру имперского периода, представляет собой гигантское государство, которое сегодня только начинает открываться.

Это государство было создано и управлялось татарами. В обширных границах Золотой Орды и в этнической общности татарский (кипчакский) язык был поистине универсальным языком. Татары и сегодня понимают языки и диалекты, на которых говорят все тюркские народы и группы, возникшие на руинах старой Золотой Орды. После образования Золотой Орды в 1502 году ее единственным и действительным преемником было Крымское ханство. Тем не менее упомянутые родственники татар прикоснулись не только к истории Золотой Орды, но и к ее блестящей культуре, сохранявшейся на протяжении веков. Произведения, созданные татарами на старотатарском языке, становятся национальным наследием узбеков, туркмен, казахов и кыргызов», – пишет он [7, с. 85].

Отказ от имени *крымские татары* неизбежно приведет к катастрофической деформации самосознания и самоидентификации крымскотатарского народа, его места в пространстве и времени, утере исторического

наследия прошлого, связанного с именем *татары*, зафиксированным в аналах истории, как народа, имевшего свое мощное государство в лице Крымского ханства в Восточной Европе.

Таковы лишь некоторые очевидные последствия игр в самоназвание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волжская Булгария // Онлайн-энциклопедия Tatarica. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/srednie-veka/gosudarstva/volzhskaya-bulgariya> (дата обращения: 30.10.2024).
2. Делегаты Курултая не захотели переименовывать крымских татар // Газета «Авдет». 2014. № 13. 31 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://avdet.org/2014/03/31/delegaty-kurultaya-ne-zahoteli-pereimenovyyvat-krymskih-tatar/> (дата обращения: 30.10.2024).
3. История крымских татар. В 5 томах. Т. III. Крымское ханство (XV–XVIII вв.) / Отв. ред. И. В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 1024 с., 64 с.
4. Каримуллин А. Г. Татары: этнос и этноним. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/tatary-etnos-i-etnonim-read-454267-1.html> (дата обращения: 30.10.2024).
5. Керменчикли Дж. Ма-бих-иль-ифтихарым – Кырымлыктыр меним гъурурым: макъалелер ве шиирлер джыйынтыгы / Терт.: Т. Киримов. Акъм.: Кырымдевокъувпеднешр, 2005. 154 с.
6. Национальный состав населения Республики Татарстан // Росстат. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Национальный%20состав%20населения%20Республики%20Татарстан.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).
7. Тасин Джемиль. Добруджа татарларынынъ земаневий кимлик меселелери // «Йылдыз». Симферополь, 2022. № 6. 136 с.
8. Як в Криму ходять в гости? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=JHg03zKxwaU> (дата обращения: 30.10.2024).

Сведения об авторе: Османов Дявер Ибраимович – главный редактор литературно-художественного журнала «Йылдыз», Медиациентр имени Исмаила Гаспринского; заслуженный деятель искусств Крыма (295048, ул. Трубоченко, 23А, Симферополь, Российская Федерация); dosmanov@mail.ru

Bulgar-Tatar discussions in the context of the problem of the ethnonym “Crimean Tatars”

Dlyaver Osmanov

Literary and artistic magazine “Yildyz”

Abstract. In the process of mass return of the Crimean Tatar people from places of deportation to their historical homeland in Crimea (1987–2000), along with the political, social, ethnocultural problems of the revival and formation of the people in new conditions, unexpected and unpredictable situations related to the self-identification of the people arose and, quite likely, will arise in the future. As you know, one of the signs of self-identification is the self-designation of the people. In the 90s of the twentieth century, the first attempts to change the ethnonym “Crimean Tatars” appeared in Crimea. The situation that arose in Crimea is similar to the processes of renaming the ethnonym “Tatars” into the ethnonym “Bulgars” that took place in Tatarstan in the 80s of the twentieth century. The analysis of the discussions on renaming the ethnonym “Tatars” in Kazan and the ethnonym “Crimean Tatars” in Crimea demonstrated the historically formed status quo of the ethnonyms “Tatars” and “Crimean Tatars” in the mass consciousness of the two peoples and the futility of attempts to rename them.

Keywords: Crimean Tatars, Kyrymly, Crimeans, Crimea, Tatars, Bulgars, self-identification.

For citation: Osmanov D.I. Bulgar-Tatar discussions in the context of the problem of the ethnonym “Crimean Tatars”. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 69–79. DOI: 10.22378/kio.2024.2.69-79. (In Russian)

REFERENCES

1. Volga Bulgaria. Online encyclopedia Tatarica. [Electronic resource]. Access mode: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/srednie-veka/gosudarstva/volzhskaya-bulgariya> (access date: 30.10.2024). (In Russian)
2. Kurultai delegates did not want to rename the Crimean Tatars. “Avdet” newspaper. 2014, no. 13. March 31. [Electronic resource]. Access mode: <https://avdet.org/2014/03/31/delegaty-kurultaya-ne-zahoteli-pereimenovvat-krymskih-tatar/> (access date: 30.10.2024). (In Russian)
3. History of the Crimean Tatars. In 5 volumes. Vol. III. Crimean Khanate (15th–18th centuries). Editor-in-chief I. V. Zaitsev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021. 1024 p.+64 p. (In Russian)
4. Karimullin A. G. Tatars: ethnos and ethnonym. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.rulit.me/books/tatary-etnos-i-etnonim-read-454267-1.html> (access date: 30.10.2024). (In Russian)

5. Kermenchikli J. Ma-bikh-il-iftikharym – I am proud that I am a Crimean Tatar: Collection of articles and poems. Compiled by: T. Kirimov. Simferopol: “Krymuchpedgiz” Publishing house, 2005. 154 p. (In Crimean Tatar)

6. National composition of the population of the Republic of Tatarstan // Rosstat. Federal State Statistics Service. [Electronic resource]. Access mode: <https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Национальный%20состав%20населения%20Республики%20Татарстан.pdf> (access date: 30.10.2024). (In Russian)

7. Tasin Cemil. Problem of identity of modern Tatars of Dobrudja. “Yildiz”. Simferopol, 2022, no. 6. 136 p. (In Crimean Tatar)

8. How to visit in Crimea? [Electronic resource]. Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=JHg03zKxwaU> (access date: 30.10.2024). (In Ukrainian)

About the author: Dlyaver I. Osmanov – editor-in-chief of the literary and artistic magazine “Yildyz”, Ismail Gasprinsky Media Center; Honored Artist of Crimea (23A, Trubachenko Str., Simferopol 295048, Russian Federation); dosmanov@mail.ru

Академик В. В. Бартольд о «населении Крыма, отвергающем название “татар”»

Эльдар Сеитбекиров

Газета «Голос Крыма new»

Аннотация. *Цель исследования:* отразить взгляды академика В. В. Бартольда на вопрос о самоназвании крымских татар. Показать в полном объеме упоминания о дискуссии, развернувшейся в крымскотатарском обществе в начале 1920-х годов в вопросе наименования народа.

Большой интерес для нас представляет III том Сочинений выдающегося ученого (Работы по исторической географии), где рассматривается история отдельных известных городов, в том числе крымских, время появления названия города Крым, затем распространившегося на весь полуостров.

Поучительными для современников, упрощенно воспринимающих исторические процессы формирования народов, возникновения и распространения этнонимов, являются широкие и самые неожиданные примеры и выводы, сделанные академиком. Тем более, к этой теме научный интерес не ослабевает, и ученые продолжают углублять исследования.

После того как ряд деятелей, выступающих за переименование крымских татар в крымцев/кырымлы, стали использовать работы В. Бартольда в своей аргументации, зачастую выдергивая слова из контекста, используя неполное цитирование, фальсифицируя изложенные мысли, возникла необходимость воспроизведения полных текстов, посвященных данному вопросу, и детального рассмотрения примеров, суждений и выводов ученого.

Ключевые слова: академик В. В. Бартольд, Крым, крымские татары, татары.

Для цитирования: Сеитбекиров Э.А. Академик В.В. Бартольд о «населении Крыма, отвергающем название “татар”» // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 80–91. DOI: 10.22378/kio.2024.2.80-91

Инициаторы переименования крымскотатарского народа в своих пропагандистских уловках пытаются использовать труды видных ученых, известных и выдающихся личностей, их предположения, размышления, оценочные суждения, вырывая слова из контекста, полностью искажая смысл изложенного. Недобросовестное цитирование, заангажированная интерпретация позволяют многие доводы называть фальсификацией, что обязы-

вает обращаться непосредственно к оригинальным трудам, перепроверять достоверность приведенного текста и выводов, которые были сделаны в публикациях авторов прошлого.

Сторонники переименования, называющие себя «крымцами», довольно часто ссылаются на академика Василия Владимировича Бартольда, как они заявляют, «констатирующего», что, например, «Нашу же республику (18 октября 1921 г.) назвали Крымской, оставив название нации «татары», ибо это соответствовало идеологии шовинизма. Несмотря на то, что мы, крымцы, отказывались в 20-е годы от названия «татары» (В. В. Бартольд, соч., том 5. Москва, 1968. с. 143), нас все же оставили таковыми» [1, с. 93].

Или из публикации другого автора: «Бизге тек академик В. Бартольддинь: «Известно, что теперь (1920 сенелерининь баши – *И.И.*) именно крымцы отказываются от названия «татар», тогда как на Волге местная интеллигенция, после некоторых споров, приняла слово ‘татар’ как название своего народа, вследствие чего возникла Татарская республика», деген сёзлери белли...» [8, с. 430].

Переходя к текстам В. В. Бартольда (1869–1930), отметим, что спустя время после его смерти, согласно постановлению Бюро Отделения исторических наук Академии наук СССР от 21 июня 1960 г. было принято решение о публикации его Сочинений. Первый том увидел свет в 1963 году, всего было выпущено 9 томов, притом II том состоит из двух частей. Девятый том датируется 1973 годом выпуска.

В. Бартольд – известный историк, создатель русской исторической школы востоковедения. Круг его научных интересов охватывал обширные регионы Ближнего и Среднего Востока, стран Центральной Азии, но, по его собственным словам, он оставался «преимущественно историком Средней Азии».

Для удобства работы исследователей каждый том «Сочинений» в конце снабжен следующими указателями: имен, географических названий, этнических названий, терминов, названий сочинений.

Следует отметить, что материалы в томах сгруппированы по тематическому признаку, и проблема, о которой мы будем говорить, более всего отражена в томе III (Работы по исторической географии) и томе V (Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Работы по истории Центральной Азии и Дальнего Востока).

Изучив указатели имен, географических названий, этнических названий, терминов в каждом томе, я не обнаружил слов «крымцы» или «кымырмылы», хотя в девятой лекции по истории турецких народов Средней Азии «крымцы» встречаются [4, с. 143].

В своих научных исследованиях, когда речь заходит о Крыме и его государствообразующем народе, В. Бартольд именует его не иначе как «крымские татары» или «татары».

«После того как в 1783 г. Крым был присоединен к России, Потемкин приказал в 1787 г. восстановить дворец по случаю путешествия императрицы Екатерины II... Русское правительство и впоследствии сохраняло дворец в его прежнем великолепии как памятник восточной архитектуры; поскольку из построек ханов Золотой Орды ничего не сохранилось, бахчисарайский дворец является единственным такого рода памятником в Южной России и восхваляется как «татарская Альгамбра»... Архивы Бахчисарая, обнаруженные в Симферополе проф. Смирновым и переданные сейчас Императорской публичной библиотеке в С.-Петербурге (124 переплетенные тетради – все, что избегло уничтожения в 1736 г.), вероятно, содержат многие важные документы; до настоящего времени этот материал еще не использовался для исторического исследования.

В настоящее время Бахчисарай образует важный центр татарских промыслов и татарской литературной деятельности. Здесь Исмаил Мирза Гаспринский издает влиятельную газету «Тарджуман» (на татарском и русском языках); в типографии, основанной этим же журналистом, ежегодно печатается большое число татарских книг» [3, с. 369].

Что касается упомянутых архивных документов из Бахчисарая, то в VIII томе Сочинений Бартольда находим уточняющие сведения: *«...Уцелевшие остатки этого архива... в виде 124 переплетенных в кожу тетрадей, заключающих в себе, кроме судебных дел, между прочим, описи имущества отдельных ханов в момент их смерти» [5, с. 356].*

В описании событий средневекового периода истории, взаимоотношений Крымского ханства с соседями В. Бартольд использует название «крымские татары». Так, в работе «Дагестан» отражены такие моменты: *«...одновременно с османами в Дагестан по приказу султана вступили также и крымские татары...» [3, с. 413], или: «В 1733 г., после сорванного русскими похода крымских татар в Дагестан, Порта также отказалась от своих притязаний...» [3, с. 415]. Можно переместиться в сторону Казани: «Последующие десятилетия были временем почти непрерывной борьбы между претендентами, которым покровительствовала Россия, – братьями Шах-Али (так по его надгробной надписи в Касимове, не Шейх Али) и Джан-Али, выселившимся в Россию из Астрахани, – и национальной партией, поддержанной крымскими татарами и ногайцами» [3, с. 441].*

Как уже отмечалось выше, в III томе (Работы по исторической географии) рассматривается история отдельных известных городов, что тоже представляет интерес для нашей темы.

«Багче-Сарай (тюрк. «Садовый дворец»), в русском написании Бахчисарай – татарский город на Крымском полуострове... Город расположен в узкой долине ручья Чирик-су (у Паласа «Dschuruk Su» – «Зловонная вода»); с восточной стороны ущелье Салачик ведет к горной крепости, называемой ныне Чуфут-кала («Еврейская крепость»), старейшему поселению в окрестностях Бахчисарая. Это поселение при татарском владычестве было основным местом жительства иудеев (караимов) в Крыму; у самих караимов еще в 19 веке сохранялось старое название Кирк-ер» [3, с. 368].

Свою точку зрения В. Бартольд излагает и по поводу возникновения городов Кафа, Балаклава, Сугдак. Последний именует он именно таким образом: *«Название сопоставляют с названием страны Согд (...) в Средней Азии и толкуют как иранское; поэтому основание города приписывают аланам» [3, с. 489].*

За последние десятилетия появились новые исследования в области истории и топонимии Крыма, в связи с этим возникают новые гипотезы и версии развития исторических событий, рассматривается этимология названий населенных пунктов, поэтому со взглядами и выводами В. Бартольда могут не все согласиться, но они были озвучены, поэтому в контексте заданной темы их необходимо было привести.

В работах, посвященных изучению Крыма, есть авторы, которые пытаются разобраться в названии полуострова, объяснить его происхождение. Свою точку зрения изложил и академик В. Бартольд. Его описание таково: *«Крым – полуостров на северном берегу Черного моря. Это название (неизвестного происхождения) получил сначала, в XIII в., город Солгат или Солхад, ныне Старый Крым, тогда резиденция монгольского наместника, находящийся в глубине страны... Старое название было вытеснено новым около конца XIV в. или в начале XV в...» [3, с. 467].*

Как отмечает В. Бартольд: *«Татарские монеты чеканились в Крыме (как постоянно называется город на монетах) с 686/1287-88 г.» [3, с. 467]. И только спустя значительное время, «При османском владычестве (с 880/1475 г.) название прежней столицы было распространено на весь полуостров и его население (кырым халкы, кырым татарлары; ср. Радлов, Словарь II, 745). Полуостров с его населением, сложившимся из различных племен (как известно, только здесь сохранились остатки готов), с его памятниками античной и раннехристианской культур, был в этот период почти полностью исламизован и отуречен» [3, с. 468].*

Как видим, В. Бартольд в своем повествовании опирается на В. Радлова, что побуждает нас обратить внимание на труд под названием «Опыт словаря тюркских наречий», изданный в 1899 году. Там мы находим буквально следующее: *«кырым халкы, татарлары (Krm) жители Крыма,*

крымские татары» [9, с. 745–746]. И дальше «кырымлы (*Osm. R.*) имеющий широкие складки» [9, с. 746].

Большой интерес в работах Бартольда представляют имена отдельных народов, история их возникновения и распространения. Учитывая, что наука находится в постоянном развитии и тема возникновения этнонима представляет интерес, собственно, для всех народов, в связи с чем ученые продолжают и углубляют исследования, поэтому, в нашем случае, мы покажем несколько исторических фрагментов, отраженных в трудах В. Бартольда на заданную тему.

«Слово «сарт» пережило, следовательно, такую же эволюцию, как слово «таджик»: таджиками называли сперва одних арабов, потом арабов и иранцев, как мусульман, наконец одних иранцев, как большинство мусульман; сартами – сперва одних иранцев, потом иранцев и турок, как оседлых жителей, потом одних оседлых турок, как большинство оседлого населения. По-видимому, в некоторых местностях, как в Бухаре, и теперь отличают сартов от таджиков не по языку, но по бытовым чертам, относя термин «сарт» по преимуществу к горожанам, термин «таджик» – сельским жителям» [2, с. 197].

«В конце X в. политическое преобладание в Туркестане снова и окончательно перешло к туркам. Для обозначения покоренного иранского населения, кроме слова «таджик», употреблялось также слово «тат», не вполне ясное по своему происхождению. В этом случае имелись в виду не столько люди нетурецкого происхождения, сколько люди оседлой культуры; татами были не только иранцы, но и уйгуры. В таком смысле употребляют его и теперь туркмены, для которых татом является и узбек-хивинец; этнографическое значение слово «тат» имеет в Закавказье» [2, с. 459]. И в Крыму, – добавим мы, имея в виду горное население полуострова.

Отдельной статье «Татары» отведено место в V томе Сочинений. После выхода в свет этого издания в 1968 г. книгу по возможности стали закупать руководители национального движения крымских татар и распространять среди соотечественников, интересующихся историей народа. Например, V том мой отец приобрел у Джеббара Акимова. В него вошли, например, следующие статьи: «Гази-Гирей», «Гирей», «Ислам Гирей», «Калга», «Каплан Гирей», «Татары», «Хаджи-Гирей» и др. В обстановке, когда от народа запрятали их собственную историю, знакомство с вышеуказанными материалами давало определенные знания. В тот период в советской исторической науке была установка на полное очернение государства Золотая Орда, что стало причиной формирования негативных стереотипов не только у народов, покоренных Чингисханом и Батыем, но и у самих народов-носителей той государственности. Тогда общественно-

политическая мысль стала вырабатывать различные концепции откращения от «ига», «образа завоевателей», искали малейшие зацепки, так называемые доказательства «нетатарского» происхождения народов. Таким образом, в Татарстане активизировались «булгаристы», а в Крыму, в период массового возвращения крымских татар на родину, стали распространяться идеи переименования народа в «кырымлы», «крымы», «крымцы».

В этой связи в очередной раз приходится призывать не отказываться ни от одной страницы своей истории в угоду политической конъюнктуре, ведь каждый пласт сыграл определенную роль, тем более в этническом отношении, поэтому отторжение ведет к обеднению и искажению тех сложных процессов, которые происходили на полуострове.

Сторонники переименования в своих доводах используют высказывания академика Бартольда, однако, прерывая его текст в местах, где изложенное противоречит уже их утверждениям. То есть происходит неполное цитирование, разбавленное уже посторонними комментариями и оценочными суждениями.

Интересующиеся вопросом в V томе Сочинений, на страницах 559–561 могут ознакомиться со статьями «Татары» в полном объеме. В докладе же ограничимся цитатами, относящимися к заданной нами теме.

По мнению В. Бартольда, татары – имя народа, употреблявшееся в разное время в различных значениях. *«...В западных частях монгольской империи слово монгол не смогло утвердиться, несмотря на то, что и там, по сообщениям некоторых европейских путешественников (Иоанна де Плано Карпини и Рубрука), оно было введено официально. Население государства Золотой Орды, так же как и население более поздних небольших государств в той же области, всегда называлось татарами. Как свидетельствуют многочисленные документы, хранящиеся в Публичной библиотеке в Ленинграде, тюркоязычное население Крыма именовалось татарами не только османцами (а также русскими), но и само называло себя этим именем... Позднее, как в России, так и в Западной Европе, татарами часто называли все тюркские народы, за исключением османцев...»* [4, с. 560].

И далее: *«Как имя определенного народа слово «татары» применяется только по отношению к тюркоязычному населению Поволжья (от Казани до Астрахани), Крыма и части Сибири; поэтому в изданном в 1927 г. Списке народностей СССР крымские татары, волжские татары, касимовские татары и тобольские татары названы как отдельные народности и, кроме того, еще белорусские татары, предки которых были уведены в плен из Крыма в Польшу; они приняли белорусский язык, но остались верны исламу. Население Крыма теперь отвергает название татар; тюр-*

коязычное население Астрахани, по новейшим исследованиям, относится к ногайцам. Также и в среднем Поволжье «татар» называют так преимущественно их соплеменники, принявшие христианство, так называемые крящены (от русск. «крещеный») (Радлов, Словарь III, 101 и сл.); сами же они предпочитают обозначение «мусульмане» именованию «татары», которое больше подходит их языческим предкам, точно так же как османы долгое время не хотели называть себя «турками». Даже в последние годы перед революцией, когда стал выдвигаться национальный принцип, спорили о том, следует ли называть себя «тюрьками» или «татарами» (Самойлович, Мусульманская печать, стр. 270 и сл.); в настоящее время утвердилось наименование «татары»; с 1920 г. существует Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика со столицей в Казани...» [4, с. 561].

«Население Крыма теперь отвергает название татар», – вот все, что необходимо для сторонников переименования крымских татар из всего наследия В. Бартольда. Хотя в III томе ученый в какой-то степени конкретизирует: «Еще до революции образованные «крымские татары» отвергали это название, данное им турками (название «татары» встречается и в местных источниках). Они желали себя именовать только турками, а свой язык (действительно испытавший сильное влияние литературного языка Османской империи) – турецким. В настоящее время язык литературных произведений, особенно выходящих в Симферополе, официально именуется только «тюркским» в противоположность литературному «татарскому» языку Поволжья» [3, с. 469].

Академик В. Бартольд – большой авторитет в научных кругах, его вклад в изучение тюркских и мусульманских народов огромен. Поражает тот объем знаний, изложенных в девяти томах Сочинений. Но наука на месте не стоит, она развивается, выходя на новый качественный уровень, особенно в век развития технологий. Обнаруживаются новые исторические источники, проливающие свет на события прошлого. Кто-то углубляется в узкую тему и, досконально изучив проблему, предлагает совершенно иные выводы, чем его предшественники, тем более историографии свойственно и скептическое направление.

За последние 30 лет увидело свет множество исследований по истории крымских татар, переиздано наследие многих деятелей конца XIX – начала XX веков, и пока мы не увидели масштабов тех публичных дискуссий, чтобы согласиться с таким утверждением, что «население Крыма теперь отвергает название татар». Имея в прошлом общение с соотечественниками, родившимися в самом начале 1900-х годов, ни в семье, ни в родне, ни в кругу знакомых не слышал таких разговоров. Более конкретизированная формулировка В. Бартольда «еще до революции образованные «крымские

татары» отвергали это название...» также нуждается в корректировке. Возникает вопрос: самоназвание крымские татары отстаивали менее образованные соотечественники? Разве с принятием в декабре 1917 года Курултайем Крымскотатарских Основных Законов и избранием Крымскотатарского национального правительства не выражена ли позиция и по самоназванию народа? В. Бартольд был знаком с работой В. Елагина «Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы» [7, с. 39–101], во всяком случае он на нее ссылается в статье «Крым», и о принятых решениях Курултая был осведомлен. Но упор он делает на другом: *«После революции 1917 г. мусульманское население (как и повсюду в России) без особого успеха предприняло попытку конституироваться на религиозной основе в качестве самостоятельной общности, выступающей независимо по отношению к правительству»* [3, с. 469].

Речь идет о «Февральской» или «Октябрьской» революции (перевороте)? После падения самодержавия в Крыму 25 марта прошел Всекрымский мусульманский съезд, избравший Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет. Но уже через полгода, 1–2 октября состоялся Крымскотатарский делегатский съезд, а 26 ноября Курултай, который «конституировался» на национальной, светской основе.

Изложенные моменты наводят на мысль: не сгущены ли краски по поводу дискуссий о наименовании в первой четверти XX века?

Теперь вернемся к термину «крымцы» в трудах Бартольда. Как уже говорилось выше, в IX лекции по истории турецких народов Средней Азии «крымцы» встречаются, хотя в указателях имен, географических названий, этнических названий, терминов, названий сочинений в V томе, как, впрочем, и в других, они отсутствуют.

«В первой половине XV в., по-видимому, все воинское население улуса Узбека рассматривалось как один народ; по мере распада Золотой Орды и утраты самостоятельности отдельными ее частями слово узбек как народное и государственное название совершенно исчезло из употребления в Южной России и осталось только за теми племенами, которые перешли в Туркестан. Русские всегда продолжали называть население Золотой Орды татарами, как в то время, когда государственным языком был монгольский, так и после отуречивания всей страны. «Татарскими» были все ханства, с которыми имели дело русские в XV–XVI вв., – Крымское, Казанское, Астраханское и Сибирское. Из этих ханств дольше всего, как известно, существовало Крымское, и здесь, казалось, прочнее всего установился термин татары; так называли крымцев, кроме русских, и турки-османы, подчинившие себе Крым в 1475 г. Известно, что теперь именно крымцы отказываются от названия татар и называют себя турками, тогда как на Волге местная интеллигенция, после некоторых споров, при-

няла слово татар как название своего народа, вследствие чего возникла Татарская республика. Русские некоторое время употребляли название татары очень широко; еще Радлов иногда называл татарами узбеков и вообще говорящих по-турецки жителей Средней Азии. С тех пор этому названию старались придать более определенное значение, но и теперь едва ли можно считать установленными этнографические и лингвистические признаки татарской народности среди других турецких народов» [4, с. 143].

Как видим, термин «крымцы» имел хождение как географический маркер населения территории государственного образования, которая в ходе исторических процессов могла увеличиваться или сокращаться. Здесь мы не оригинальны, аналогичные обозначения существовали и у наших соседей.

Исмаил Гаспринский в своей статье «Казанские мусульмане» писал: «Мусульманское население Поволжья обыкновенно называют «казанцами». Говоря о них, будем употреблять это слово в том же смысле... Отметим здесь, что, например, крымцы, несмотря на свои вакуфные богатства, много отстали от казанцев в деле родной грамоты и вероучения» [6, с. 330–332].

Сплошь в литературе и разговорной речи звучало «запорожцы», «донцы», «кубанцы», «терцы» – географический маркер казаков, имевших непростую и очень противоречивую историю своего возникновения.

Современные этнонимы – есть исторические реликвии, выжившие и дожившие до сегодняшнего дня, требующие бережного отношения и сохранности. Ведь сколько их кануло в небытие. Процессы, связанные с формированием этносов, уходят в глубину веков и упрощать их не следует, и только тщательное изучение истории поможет раскрыть прошлое и настоящее народа.

Определенные сведения такого плана мы находим в том числе и в работах академика В. Бартольда: «Слово «ногай», как народное название, сначала встречается только в русских источниках; в восточных источниках ногаи называются мангытами, по имени одной из народностей монгольского происхождения, некогда жившей в Восточной Азии. В XVI в. центром ногаев, или мангытов, была местность по нижнему течению Яика, или Урала; впоследствии мы видим их в северной части Крыма, к северу от Кавказа и в Туркестане. Теперь казаки и узбеки называют ногаями волжских татар; неизвестно, когда слово «ногай» стало употребляться в этом смысле. Название «татар», как прежде называли всех монголов одинаково в Китае, в мусульманском мире и в России, удержалось в России для обозначения турецкого населения Крыма, приволжских областей и Сибири (Тобольского края). Насколько известно, сами себя называ-

ли татарами только крымские турки, потом упорнее других отвергавшие это название, официально принятое для себя теперь, после некоторых колебаний, приволжскими турками» [4, с. 212–213].

Или другой пример: «Большинство монголов растворилось среди тюрок, и тем самым значительно увеличило их численность и в особенности усилило их политически. Особое значение для политической истории тюрок имело государство Золотой Орды после его исламизации в XIV в. К концу этого столетия Золотая Орда была полностью тюркизирована; документы составлялись на тюркском языке; чувашский язык, на котором ранее говорили по среднему и нижнему течению Волги, также должен был уступить свое место чистому тюркскому языку. После распада этого государства образовались три новых «татарских» государства: в Казани, Астрахани и на Крымском полуострове, который был исламизирован и тюркизирован только в монгольскую эпоху. Возникло также новое «татарское» княжество на Иртыше в Сибири, около современного Тобольска; теперь это княжество, вместо Болгара, стало форпостом мусульманской культуры на севере. Слово «татар», которое первоначально обозначало монголов, превратилось теперь в название тюркского народа и стало употребляться и как самоназвание, особенно в Крыму» [4, с. 591].

Итак, мы представили выборку основных фрагментов из трудов В. Бартольда, касающихся этнонима крымских татар, а также дискуссии вокруг самоназвания «крымские татары» или «крымские турки» («турки»), имевшие место в начале XX века. Попытка использовать высказывания академика, протаскивая идею переименования крымских татар в «крымцев», в меньшей степени выглядит некорректно. Известный ученый еще раз подтвердил, что «крымские татары» – самоназвание народа, а не кличка, прилепленная внешними идеологами. Историей доказано, что крымскими татарами могут оставаться лишь крымские татары и самоназвание – наш оберег, защищающий от поглощения, оно самоопределение народа на пути восстановления утраченных позиций и прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев Н. Мы крымские татары – крымцы, на своей Родине «татарское меньшинство»? // Биз кырымлармыз! Мы крымцы! Симферополь: Крымучпедгиз, 2006. 520 с.
2. Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. I. М.: Наука, 1963. 1024 с.
3. Бартольд В. В. Сочинения. Т. III. М.: Наука, 1965. 713 с.
4. Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. 759 с.
5. Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. 725 с.

6. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / Гл. ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитмететова. Симферополь: «ООО Константа», 2017. Т. II. 384 с.

7. Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Революция в Крыму. № 3. Симферополь: Крымгосиздат, 1924.

8. Изединов И. Миллетимизинъ адыны «къырым», деп чезмесек, о меселе душманлар файдасына чезиледжек. // Биз Къырымлармыз! Мы крымцы! Симферополь: Крымучпедгиз, 2006. 520 с.

9. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. I. СПб., 1899. 1052 с.

Сведения об авторе: Сеитбекиров Эльдар Адилович – главный редактор газеты «Голос Крыма new» (295001, ул. Чехова, 17, Симферополь, Российская Федерация); goloskrima@mail.ru

Academician V.V. Bartold about “the population of Crimea, rejecting the name “Tatars””

El'dar Seitbekirov

Newspaper “Voice of Crimea new”

Abstract. Research aim: to reflect the views of Academician V. V. Bartold to the question about the self-name of Crimean Tatars. To show full references to the discussion that unfolded in Crimean Tatar society in the early 1920s on the issue of the name of the people.

Of great interest to us is the III volume of the Works of an outstanding scientist (Works on Historical Geography), which examines the history of individual famous cities, including Crimean ones, the time when the name of the city of Crimea appeared, and which later spread to the entire peninsula.

Instructive for contemporaries who perceive in a simplified way the historical processes of formation of the peoples, the emergence and spread of ethnonyms, are the broad and the most unexpected examples and conclusions made by the academician. Moreover, scientific interest in this topic does not wane, and scientists continue to deepen their research.

After a number of figures advocating the renaming of Crimean Tatars as Crimeans / Kirimlis began to use the works of V. Bartold in their argumentation, often taking words out of context, using incomplete quotations, falsifying the expressed thoughts, it is necessary to reproduce full texts on this issue, and a detailed consideration of the scientist's examples, judgments and conclusions.

Keywords: academician V.V. Bartold, Crimea, Crimean Tatars, Tatars.

For citation: Seitbekirov E.A. Academician V.V. Bartold about “the population of Crimea, rejecting the name “Tatars””. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 80–91. DOI: 10.22378/kio.2024.2.80-91 (In Russian)

REFERENCES

1. Abdullaev N. We are Crimean Tatars – Crimeans, in our homeland we are a “Tatar minority”? Biz kyrymlarmyz! We are Crimeans! Simferopol: “Krymuchpedgiz” Publishing House, 2006. 520 p. (In Russian)
2. Bartold V.V. Works. V. II. Part I. Moscow: Nauka, 1963. 1024 p. (In Russian)
3. Bartold V.V. Works. V. III. Moscow: Nauka, 1965. 713 p. (In Russian)
4. Bartold V.V. Works. V. V. Moscow: Nauka, 1968. 759 p. (In Russian)
5. Bartold V.V. Works. V. VIII. Moscow: Nauka, 1973. 725 p. (In Russian)
6. Gasprinsky I. Complete works. Early journalism: 1879–1886. Editor-in-Chief R.S. Khakimov; compiler S.A. Seitmemetova. Simferopol: “Constanta” Publishing House, 2017. V. II. 384 p. (In Russian)
7. Elagin V. Nationalist illusions of the Crimean Tatars in the revolutionary years. Revolution in Crimea. No. 3. Simferopol: “Krymgosizdat” Publishing House, 1924. (In Russian)
8. Izedinov I. If we do not resolve the name of our people as “Crimeans”, this issue will be resolved in favor of our enemies. We are Crimeans! Simferopol: “Krymuchpedgiz” Publishing House, 2006. 520 p. (In Crimean Tatar)
9. Radlov V.V. Experience of creating of a dictionary of Turkic dialects. V. II. Part I. St. Petersburg, 1899. 1052 p. (In Russian)

About the author: Eldar A. Seitbekirov – editor-in-chief of the newspaper “Voice of Crimea new” (17, Chekhov St., Simferopol 295001, Russian Federation); goloskri-ma@mail.ru

УДК 070(477.75)

DOI: 10.22378/kio.2024.2.92-103

**За ответом к великому учителю:
Исмаил Гаспринский к вопросу
о самоназвании «къырымлы»
или «крымские татары»?**

Сельвина Сеитмететова, Эльмира Абибуллаева

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;

Бахчисарайский историко-культурный

и археологический музей-заповедник

Аннотация. В статье рассмотрены взгляды выдающегося просветителя И. Гаспринского относительно вопроса самоназвания крымских татар, освещенные в статьях и заметках газеты «Терджиман», очерках и эссе, изданных отдельными брошюрами, а также в учебнике «Ходжа-и субьян». Выявлены и проанализированы наиболее часто употребляемые просветителем термины в отношении мусульман Крыма.

Ключевые слова: И. Гаспринский, Терджиман, крымские татары, крымцы, къырымлы.

Для цитирования: Сеитмететова С.А., Абибуллаева Э.Э. За ответом к великому учителю: Исмаил Гаспринский к вопросу о самоназвании «къырымлы» или «крымские татары»? // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 92–103. DOI: 10.22378/kio.2024.2.92-103

Затрагивая популярный в последнее время вопрос о самоназвании этноса «крымские татары», исследователи все чаще упоминают имя Исмаила Гаспринского (1851–1914) – выдающегося педагога-реформатора, издателя и общественного деятеля. Часть из них, ссылаясь на тексты просветителя, утверждают, что И. Гаспринский был сторонником версии «кырымлы», предлагаемой в качестве замены этнического самоназвания крымских татар. Хотя, как известно, И. Гаспринский с лозунгом «Единство в языке, мыслях и делах» больше агитировал за тюрко-мусульманское единство, считая мусульманские народы Российской империи единым народом, но говорившем на разных диалектах. К вышеописанному приведем пример:

«<...> мы приступаем к изданию общенародной, по цене общедоступной еженедельной газеты «Миллет» («Народ») (за год 2 руб., за полгода 1 руб.). Эта новая газета в 6 страниц формата «Переводчика», каждый номер будет давать все те сведения, кои вообще дают газеты и имеют целью служить единству литературной речи, единству мысли и единству деятельности мусульман России. Общий язык, мысль и дело – вот задача «Миллета». Далекая от фанатических возжелений и увлекательных утопий, новая газета будет стремиться к ближайшей, практической пользе нации» [10]. Относительно своих объединительных идей И. Гаспринский часто полемизировал с корреспондентами столичной периодики, которые считали, что его газета «Переводчик-Терджиман», силилась создать своеобразный исламский жаргон и систематически обзывала башкир, татар и прочих «не племенными названиями», а особыми терминами «ислям», «ислямлар» и «мусульманлар». Эти термины больше распространены не в русскоязычных текстах, а арабиграфичных, направленных на своих истинных читателей. Например, на страницах известного учебного пособия «Ходжа-и субъян» редактор-издатель в отдельных разделах об истории Крыма, России использует сразу несколько названий: «1860 сенеси Къырым адасында беш юз бинъ муслюман булуныёрды, бунлардан маада бир аз микъдар рус, эрмени, къараим халкълары яшиёрлар иди, мезкюр сенеден сонъра Къырым мусульманларынынъ учъ юз бинъи османлы топрагъына гёчюб Къырымда анджакъ ики юз бинъ халкъ къалды. Кочмуш мусульманларын топракъларына рус ве бааде немсе халкълары келюб бирлешуб чёль тарафларында пек аз муслюман къалмышдыр» [12, с. 2]. «Муслюманларын чокъусы Къырымын дагълы джихетинде икъамет идиёрлар. Къырымда хер сене бир чокъ мейве, тютюн ве богъдай хасыль олыёр. Мейве иле тютюн Русиеде сатылыер; богъдай Авропая ёлланыёр, Къырымда туз гёллери чокъдыр» [12, с. 3]. В разделе «Русия тарихындан» («Из истории России»), просветитель использует термин «татар»: «Русия ики юз сене къадар татар ханларынынъ хакиминде къалуб Москова биюк князи Дмитрий Донской заманында биринджи дефа руслар татар аскерине гъалебе итдилер» [12, с. 16].

В разные периоды истории именем просветителя и цитатами из его текстов, вырванными из контекста, приукрашивали порой самые противоречивые мнения и доводы. Эта тенденция наблюдается и в настоящее время. Ввиду того, что в дискуссиях по вопросу ««Кырымлы» или «крымские татары»» имя просветителя стало подниматься чаще, мы решили проверить мнение И. Гаспринского относительно вопроса самоназвания мусульман Крыма. А именно так во время жизни просветителя называли крымских татар их единоверцы. «Мусульманство исключает национальность, – писал И. Гаспринский в «Терджимане» за 1891 г. (№ 16). – Каждый мусуль-

манин на вопрос «Кто ты?» ответит – «Я мусульманин». Только когда растолкуете ему, что желаете знать его племенное, местное название, он, нехотя и не сразу, объяснит вам, кто он такой – черкес или татарин. Племенные названия «татарин», «ногай», «сарт», «тюрк» – почти ругательные слова. Вот почему мы чаще употребляем общепринятую всеми теми инородцами слово «мусульманин», «ислямлар», не желая компрометировать свою газету перед теми, для кого она пишется» [9].

«<...> Женевада дурульфунунда 18 османлы тюрк, 14 араб, 10 иранлы талебеден маада, бу кьадар даа идадий, тиджарет, санайи ве зираат мектеплеринде булуныюр. Русие мусульманларындан кьырымлы ики талебе, тифлисли Хусеин Субханкулов ве ханым кьызлардан Сафие Сыртланова ве Мерьем Абдульрахманова булуныюрлар имиш. Бу сене Сафие ве Мерьем ханымлар табиейи икмаль идуб кьайтмышлар. Хусеин эфенди бешинджи сонь сене шубесине дахиль олмыш. Исвичренинь саир бельделеринде дахи ислям талебеси булуныюр <...>» [8, с. 225].

Как известно, сотрудники Крымского научного центра с 2015 г. ведут разработку и реализацию проекта, связанного с интеллектуальным наследием просветителя. Также мы не понаслышке знаем о нем, изучая и популяризируя его наследие в стенах Мемориального комплекса Исмаила Гаспринского с 2001 г. На сегодняшний день нами подготовлено 4 тома Полного собрания сочинений Исмаила Гаспринского.

Источниками данного исследования стали литературные и публицистические труды И. Гаспринского, вошедшие в его полное собрание сочинений и охватывающие 1879–1893 гг.

Первый том увидел свет в 2016 г. В него вошли оригинальные литературно-художественные произведения И. Гаспринского, написанные на русском языке, художественные тексты, изданные отдельными брошюрами, произведения И. Гаспринского, опубликованные на арабиграфичных страницах газеты «Терджиман» и её приложения «Иляве-и Терджиман», переведенные на русский язык. Как мы знаем, в основном художественные труды И. Гаспринского были написаны и опубликованы на русском и крымскотатарском языках. Основная часть их вышла на страницах газеты «Переводчик-Терджиман», либо брошюрами-приложениями к ней. Наиболее полюбоившиеся читателям труды И. Гаспринский издавал отдельной книжной продукцией с небольшими изменениями в названиях произведений. Бесспорно, слова «крымцы», «крымские татары», «татары» и «тюрки» употреблялись И. Гаспринским еще в самых ранних текстах. В своих трудах И. Гаспринский не ограничивается одной версией названия народа. Бывало, что в тексте одновременно встречались все три варианта, использовавшиеся как синонимы. Для сравнения приведем несколько примеров употребления указанных версий. Так, в очерке «Беседы в кофейне» можно

встретить версию «татары»: *«Татарская кофейня не то, что русский трактир или европейская таверна: тут алкоголю и разгулу нет места...»* [4, с. 249].

Среди произведений, где часто упоминается слово «кырымлы» можно отметить очерк «Планомерная миграция», опубликованный в журнале «Тюрк Юрду» в 1912 г.: *«Тогда выходцы из Крыма поселялись в Румелии. Затем, в результате Восточной битвы в Крыму, эмиграции возобновились снова. С 1856 до 1863 года около 475 тысяч крымцев¹ нескончаемым потоком переселялись на противоположный берег... После крымцев начались эмиграции черкесов, позже появились эмигранты из Румынии, Болгарии и Сербии, Крита, ещё часть пришла с Северного Кавказа»* [4, с. 333].

В автобиографическом очерке «Восход» («Кунь догъду», 1905 г.) используется термин «тюрки»: *«Даниял родился на побережье Черного моря в губернии К. Хотя он и относился к роду тюрюк-татар, его этнические корни не принадлежали к известным и древним племенам, в его жилах текла кровь тюркской закваски, а может быть, и с примесями. Племя тюрюков, распространяясь от половецких степей Азии до самой Европы, заняло немало земель. Они слились с каждым народом, чьи земли они занимали <...> где бы род тюрюков ни находился, с каким бы народом ни ассимилировался, он смог сохранить свое происхождение. Язык все тот же – тюркский, внешний вид и лицо – тюркские, все они соответствуют древним тюркам... Даниял был такой же тюрюк. В его жилах может течь кровь черкесов, грузин, может и греческая, но кровь предков – тюрюков – берет верх над всеми, выражаясь в чертах лица и в характере»* [4, с. 358]. Кстати, именно Данил-бек был прототипом самого И. Гаспринского. Соответственно тюрком И. Гаспринский называл себя, чистокровного крымского татарина.

Что касается раннего творчества просветителя, то оно было изучено и включено в состав второго тома, который был издан в 2017 г. Он подобрал в себя публицистику И. Гаспринского, опубликованную в 1879–1886 гг. на страницах сборников и периодических изданий «Тонгуч», «Шафак», «Зийа-и Кавказие», «Таврида», «Переводчик-Терджиман», а также труды, изданные отдельными брошюрами в Симферополе и Стамбуле. В данный промежуток времени И. Гаспринский использует все три варианта вышеупомянутых терминов. А вместо обычного «татары» в текстах стало использоваться пояснение – «крымские». Так, в очерке «К вопросу об образовании крымских татар», опубликованном И. Гаспринским под псевдонимом «Татарин» в газете «Таврида» за 1880 г., отмечено: *«Ввиду того, что многие татары теперь сознают необходимость более широкого обучения*

¹ В арабографичной версии используется термин «кырымлы».

[своих] детей и что малейший толчок к этому нас двинул вперед, было бы своевременно и необходимо для всего края заняться этим вопросом серьезно и сделать что-нибудь и для нас, крымских татар, хотя и с немалыми затратами». И далее в тексте: «Ввиду столетнего юбилея покорения Крыма было бы не грешно обратить на этот предмет хоть малую толику из бывшего Крымскотатарского капитала, образовавшегося из ежегодного сбора с 1826 по 1874 год по 17 к[опеек] с каждого татарина Крыма на содержание бывшего лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона» [5, с. 47].

Относительно самого знаменитого произведения И. Гаспринского «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина» 1881 г. тоже хочется отметить наличие сразу нескольких вариантов означенных терминов в одном и том же тексте: «<...>там, где можно было, мы бросали свои пепелища, святыни, родину и уходили Бог весть куда (крымцы, бессарабцы, кавказцы), а [когда] уйти было некуда и нельзя, уходили в свой тесный мирок, отдаваясь ему всецело и не желая знать и ведать ничего, что не касалось близко нашего мирка и его узких интересов» [5, с. 86]. Далее в том же тексте: «<...> на эмиграцию крымских татар правительство, а за ним и местная администрация не имели ясного определенного взгляда, так что эмиграция эта то поощрялась как желательное явление, то задерживалась как явление вредное» [5, с. 91]. Там же: «Крымцы впервые призываются к воинской службе, но никто не позаботился дать населению точные понятия о предстоящей обязанности, и вот стоустая молва, нередко исходившая из грязных, низменных источников, оповестила татар, что до сорокалетнего возраста все будут взяты в солдаты и разосланы по России. Понятно, татары всполошились...» [5, с. 97]. Далее: «Русские деревни в Крыму отличаются от татарских тем, что там церковь, а здесь мечеть. Мужика по внешнему виду не отличишь от татарина, и только своеобразный выговор татарской речи выдает его русское происхождение. Интересно, что влияние татар распространяется даже на упорных, не поддающихся вообще немцев. Немецкие колонисты Крыма почти все говорят по-татарски, переняли кое-что из незатейливого гардероба татар и в то же время плоховато осваиваются с русской речью» [5, с. 98].

В том же произведении: «Может быть, я был плохой учитель, но успехи и других многих сотоварищей моих не дали иных результатов, и мы стоим перед роковым вопросом: выпустили ли в целое десятилетие крымские татарские школы хоть одного татарчонка с свидетельством на знание русской речи?!» [5, с. 103].

В первые годы издания газеты «Терджиман» слово «крымцы» употребляется редактором не меньше, чем «крымские татары». В заметке от

8 мая 1883 г. можно прочитать: «по примеру иных местностей Россия позволит и крымцам избирать на духовные должности всякого учёного мусульманина, не стесняясь его сословием» [5, с. 121].

Реальное значение, в котором употребляется слово «крымцы», очень ярко иллюстрирует текст 1883 г. «Два слова о русских мусульманах»: «между Казанью и Крымом наблюдается различие в воззрениях на вещи: казанцы едят конину, крымцы не едят; казанцы вовсе не курят табаку, а если молодежь и позволяет себе это, то по секрету от стариков и мулл: между тем, крымцы и курят, и обрабатывают табак, а что же касается крымских улемов, они никогда не обзовут хороший табак дурным <...> В подражание поступкам пророка – казанцы никогда не бреют бороды, бреют головы и подстригают усы, среди крымцев многие начинают эти священные подражания поздно, в летах или же вовсе их не соблюдают. Казанцы носят длинные одеяния, крымцы покороче; казанцы едят мясо лишь от резников-мусульман; крымцы не различают еврейских или христианских; крымцы любят музыку, песни, таковые у казанцев считаются неприличием» [5, с. 135].

Распространенность употребления слова «крымцы» в географическом понимании не ограничивается одним лишь этим текстом. Например, в заметке от 1884 г. И. Гаспринский пишет: «грамотность между казанцами значительно развита (до 60 проц[ентов]). Во всяком случае, они более грамотны, чем крымцы и кавказцы» [5, с. 213].

Географический принцип отмечен в еще одном из текстов того же 1884 г.: «предки нашего редактора были жителями дер[евни] Гаспра, в Крыму. Потому по-крымски их прозывали «Гаспдали», а по-сибирски – «Гаспранки»; по-саратовски следовало бы прозывать «Гаспдалык», а по-русски их прозвали «Гаспринский», хотя можно бы прозвать и «Гаспров» [5, с. 214].

В 1886 г. слово «крымцы» употребляется тоже в географическом понимании: «крымцы, несмотря на свои вакуфные богатства, много отстают от казанцев в деле родной грамоты и вероучения» [5, с. 214].

Для сравнения приведем несколько примеров употребления терминов «крымские татары» и «татары» в первые годы существования газеты «Терджиман». Отметим, что в это время И. Гаспринский был единственным автором текстов своей газеты.

Очерк «Жизнь и печать в Турции», 1884 г., содержит следующие строки: «будут удивлены наши стамбульские читатели, что смиренный крымский татарин дерзает судить о велеречивых писателях и просвещенно-мусульманской жизни Стамбула...» [5, с. 191].

Из заметки от 1885 г. следует: «Полтора ста тысяч крымских татар имеют самостоятельную учительскую школу в Симферополе» [5, с. 291].

В заметке от 1886 г. можно прочитать: *«Довольно резкое отношение поселян-татар к помещикам и мурзам, обнаружившееся в некоторых деревнях в Феодосийском, Симферопольском и Перекопском уездах <...>»* [5, с. 366]. В этом же тексте автор упоминает *«татар Байдарской долины»*, которые, как известно, не могли быть не крымскими.

Таким образом, за 1879–1886 гг. И. Гаспринским слово «крымцы» используется 15 раз, слово «татары» – 54 (из них с приставкой «крымские» – 5), а вот слово «тюрки» относительно крымских мусульман употребляется всего 3 раза.

Третий том собрания сочинений, увидевший свет в конце 2019 г., содержит публицистические произведения И. Гаспринского, опубликованные им в номерах газеты «Переводчик-Терджиман» за 1887–1890 гг. Отличительной чертой данного промежутка времени является возрастание употребления слова «татары» в отношении крымских татар. Например, в 1890 г. И. Гаспринский пишет: *«Два, три десятилетия назад в Крыму, можно сказать, процветали кустарные промыслы, особенно в Бахчисарае, Евпатории и Карасубазаре. Еще раньше крымские татары, особенно в горной части, производили для собственного потребления грубые сукна (сокма), алажду (грубая шерстяная мебельная материя) и холст бумажный и льняной (последний на Южном берегу)»* [6, с. 354].

Слово «татары» за 1887–1890 гг. используется 182 раза, из них 12 с приставкой «крымские». Слово «крымцы» встречается в текстах «Терджимана» 16 раз, а вот «тюрки» всего 1.

Относительно значения употребления слова «крымцы» отметим, что оно, как и собирательный термин «кавказцы», обозначающий представителей народов, населяющих Кавказ, И. Гаспринским использовалось в обозначении представителей мусульманства, населяющего Крым. *«Надо отдать полную справедливость мусульманам северо-восточных губерний, что они более внимательны, более строги и последовательны в делах веры, чем избалованные льготами крымцы и кавказцы»*, – пишет он в 1889 г. [6, с. 270].

Четвертый том собрания сочинений, макет которого подготовлен к печати в этом году, содержит публицистику И. Гаспринского за 1891–1893 гг. Как и в предыдущие годы, И. Гаспринский использовал в отношении мусульман Крыма три означенных нами названия. Термин «крымцы», как и прежде, обозначает больше принадлежность к месту, нежели национальность. Так, в 1891 г., размышляя о новом законе об избрании Таврического муфтия и кадиаскера он пишет: *«Будут ли избранники из крымцев или из других местностей – этого не видно»* [2]. Иногда термин «крымцы» использовался просветителем для обозначения всех жителей Крыма. Так, в 1891 г., упоминая о приезде императорской семьи в Крым, он пишет:

«Каждое Высочайшее посещение нашего дорого полуострова наполняет сердца крымцев великой радостью» [11].

Термин «крымские татары» тоже использовался в практически таком же процентном соотношении, но для обозначения национальности. Так, в заметке от 1891 г. отмечено: *«В текущем году из Таврической губернии определено призвать 2.792 человека, из числа которых крымских татар 250 человек»* [3].

За 1891–1893 гг. И. Гаспринский использовал слово «крымцы» 11 раз, слово «крымские татары» – 13, «тюрки» – 1. Таким образом, за 14 лет (1879–1893 гг.) в творчестве И. Гаспринского в отношении самоназвания мусульман Крыма слово «крымцы» было использовано 42 раза, «татары» – 279 (30 раз как «крымские татары») и всего 5 раз термин «тюрки».

Употребление терминов «къырымлы», «татары», «крымские мусульмане» прослеживается и в поздней публицистике И. Гаспринского. К примеру, в заметке «Ени китап», опубликованной в 1913 г., встречаются варианты «къырымлылар» и «татарджа», которые используются для названия крымскотатарского языка: *«Къырым залдекянындан полковник Исмаил мурза Муфти-заде джананлары бир къач сене мукъаддем «Къырым мусульманларынынъ аскерий хызмети» намында русча оларакъ тарихий бир китап язып нешир итмиш иди. Бу китапта къырымлыларын Русиее кечтиктен сонъ вакъытлара къадар аскерий хызметлерине даир ачикъ малюмат булунуп бир хэйли ресимлер иле де тезийин идильмиштир. Шимди бу китабы Асан-бек Чергеев татарджа терджиме итмиш ве тез кунъде басылып мейдана чыкъаджакъ»* [8, с. 258]. Из этой заметки мы узнаем, что Исмаил-мурза Муфти-заде своих соотечественников крымских татар называл, как и И. Гаспринский, «Къырым мусульманлары». Этой же формулировки придерживается У. Боданинский: *«Къырым ислямлери санаи нефисеси джерьян ве шараит тарихийее тевфикъа инкишаф итмиш ве бу джерьян ве шараити акс итдирмиштир»* [1, с. 89].

Чтобы окончательно поставить точку в вопросе самоназваний соплеменников И. Гаспринского, мы обратились к текстам, где указано, кем считал себя великий просветитель. В «Бахчисарайских письмах», опубликованных в газете «Таврида» в 1880 г., он писал: *«Родители мои, простые татарин и татарка, люди добрые и честные <...>»* [5, с. 36]. Выступая в Тифлисе 30 июля 1886 г., И. Гаспринский говорил: *«Как мусульманин, как татарин, я ближе всего заинтересовался бытом и положением мусульман в России»* [5, с. 313].

И. Гаспринский довольно часто полемизировал с коллегами по перу по различным вопросам, связанным с жизнью мусульман Российской империи. И в том числе по вопросу о «национальной обособленности». Просветитель неоднократно заявлял, что «национализм не в духе татар и идет

вразрез с их вероучением. Ислам не признает национальности, не придает ей никакого значения, покрывая все «исповеданием». *«Я сам татарин, – писал он, – и думаю, что сородичи мои есть и будут равнодушными к национальности, но будут всегда чрезвычайно ревнивы ко всему, что касается исповедания. Это факт, который следует установить основательно, чтобы не приходиться к ошибочным заключениям. Ислам нивелирует не только национальность, но и состояния. Он учит: «Меж вами нет ни богатых, ни бедных, ни князей, ни нищих, а есть только мусульмане»»* [7].

В период жизни И. Гаспринского и после его смерти бытовало одно объединяющее обозначение, основанное на вероисповедании – «мусульмане» и слово по смыслу обозначающее географическое и историческое место проживания этих «мусульман». Например, «Кафказия мусульманлары», «Идель-Урал мусульманлары», «Къырым мусульманлары» и др. Также, мы выяснили, что в конце XIX – начале XX вв., согласно того или иного контекста употреблялись и использовались все три термина, обозначающие крымских татар.

В результате проведенного исследования мы приходим к заключению, что И. Гаспринский использовал слово «крымцы» или «кырымлы», во-первых, для того чтобы показать географическую привязанность крымских татар к Крыму. Во-вторых, слово «крымцы» употреблялось в заметках «Терджимана» как жители всего Крыма, то есть «крымчане». Исходя из процитированных нами текстов, будет логично вывести имя просветителя из дискуссий об определении самоназвания крымских татар. Признавая себя «татаринном», И. Гаспринский прежде всего выделял, что он мусульманин. Отрицая мелкое деление огромной мусульманской уммы Российской империи на обособленные народности, И. Гаспринский всегда был и оставался приверженцем тюрко-мусульманского единства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боданинский У. Къырым ислям санаи нефисеси тарихындын // Къырым, 1918. № 5. С. 89–92.
2. В предотвращение неправильных толкований смысла нового закона <...> // Переводчик-Терджиман. 1891, 16 августа, № 27.
3. В текущем году из Таврической губернии определено призвать <...> // 1891, № 33, 27 сентября.
4. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. I. Литературные произведения / Гл. ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитмететова, Г. Ю. Сеитваниева. 2-е изд., испр. и доп. Казань – Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2021. 512 с.

5. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / Гл. ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитмететова. Симферополь: «ООО Константа», 2017. Т. II. 384 с.

6. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Публицистика: 1887–1890 гг. / Гл. ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитмететова. Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. Т. III. 560 с.

7. Знакомство с исламом // Переводчик-Терджиман. 1892, № 12, 29 марта.

8. Керимов И. А. Гаспринскийнинъ «джанлы» тарихи 1883–1914. (къырым-татар тили, эдебияты ве медениетинден малюмат дестеги). Акъмесджит: Тарпан, 1999. 408 с.

9. Необходимый ответ // Переводчик-Терджиман. 1891, № 16, 17 мая.

10. Рекламные сведения о приложениях к газете «Переводчик» на 1907 г. Из частной коллекции Низами Ибрагимова.

11. С 26 октября Государь Император со Всей Августейшей <...> // Переводчик-Терджиман. 1891, № 39, 8 ноября.

12. Ходжа-и субъян. 3-джузы. Бахчисарай. Электро-печатня газеты «Терджиман», 1910. 64 с.

Сведения об авторах:

Сеитмететова Сельвина Алиевна – младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник, Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник (298405, ул. Речная, 133, Бахчисарай, Российская Федерация); selvina11@rambler.ru

Абибуллаева Эльмира Эбазеровна – младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); заведующий Мемориальным комплексом Исмaила Гаспринского, Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник (298405, ул. Речная, 133, Бахчисарай, Российская Федерация); shems-annur@mail.ru

**For an answer to the great teacher:
Ismail Gasprinsky on the question of self-name
“Kyrymly” or “Crimean Tatars”?**

Selvina Seitmemetova, Elmira Abibullaeva

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;
Bakhchisaray Historical-Cultural and Archeological Museum-Preserve*

Abstract. The article examines the views of the outstanding educator I. Gasprinsky regarding to the issue of self-name of the Crimean Tatars, highlighted in articles and notes of the newspaper “Terjiman”, and also essays published in separate brochures, as well as in the textbook “Khoja-i Subyan”. The most frequently used terms by the educator in relation to the Muslims of Crimea have been identified and analyzed.

Keywords: Gasprinsky, Terjiman, Crimean Tatars, Krymtsy, Kyrymly.

For citation: Seitmemetova S.A., Abibullaeva E.E. For an answer to the great teacher: Ismail Gasprinsky on the question of self-name “Kyrymly” or “Crimean Tatars”? *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 92–103. DOI: 10.22378/kio.2024.2.92-103 (In Russian)

REFERENCES

1. Bodaninskiy U. From the history of the architectural heritage of Muslims of Crimea. Crimea, 1918, no. 5. Pp. 89–92. (In Crimean Tatar)
2. To prevent misinterpretations of the meaning of the new law <...>. *Terdzhiman=Translator*. 1891, no. 27, August 16. (In Russian)
3. This year it is determined to draft from the Tauride province into the <...> *Terdzhiman=Translator*. 1891, no. 33. September 27. (In Russian)
4. Gasprinskiy I. The Complete Works. T. I. Literary works. Editor-in-chief R.S. Khakimov; compilers S.A. Seitmemetova, G.Yu. Seitvanieva. 2nd edition, corrected and expanded. Kazan – Simferopol: I. Gasprinsky Media Center, 2021. 512 p. (In Russian)
5. Gasprinskiy I. The Complete Works. Early journalism: 1879–1886. Editor-in-chief R. S. Khakimov; compiler S. A. Seitmemetova. Simferopol, 2017. Vol. II. 384 p. (In Russian)
6. Gasprinskiy I. The Complete Works. Journalism: 1887–1890. Editor-in-chief R. S. Khakimov; compiler S. A. Seitmemetova. Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. Vol. III. 560 p. (In Russian)
7. Introduction to Islam. *Terdzhiman=Translator*. 1892, no. 12, March 29. (In Russian)

8. Kerimov I. A. The “living” history of Gasprinsky (a manual on the Crimean Tatar language, literature and culture). Simferopol: Tarpan, 1999. 408 p. (In Russian)
9. The required response. *Terdzhiman=Translator*. 1891, no. 16, May 17. (In Russian)
10. Advertising information about appendices to the newspaper “Translator” for 1907. From the private collection of Nizami Ibragimov. (In Crimean Tatar)
11. Since October 26, the Sovereign Emperor with All His August <...>. *Terdzhiman=Translator*. 1891, no. 39, November 8th. (In Russian)
12. The teacher of children. Bakhchisarai. Electro-printing house of the newspaper “Terjiman”, 1910. 64 p. (In Crimean Tatar)

About the authors:

Selvina A. Seitmemetova – Junior researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); senior researcher, Bakhchisaray Historical-Cultural and Archeological Museum-Preserve (133, Rechnaya Str., Bakhchisaray 298405, Russian Federation); selvina11@rambler.ru

Elmira E. Abibullaeva – Junior researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Head of Ismail Gasprinsky Memorial complex, Bakhchisaray Historical-Cultural and Archeological Museum-Preserve (133, Rechnaya Str., Bakhchisaray 298405, Russian Federation); shems-annur@mail.ru

УДК 94

DOI:10.22378/kio.2024.2.104-110

Проблема этнонима крымских татар в произведениях Дж. Сейдамета

Эльдар Сейдаметов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Аннотация. В статье исследуется проблематика этнонима крымских татар в произведениях известного общественно-политического деятеля, одного из идеологов и лидеров крымскотатарского национального движения начала XX в. Дж. Сейдамета.

Источниковую базу исследования составили главным образом мемуары, материалы публицистики, которые дают нам представление об основных этапах становлении национального самосознания крымских татар, различного рода дискуссиях, как в Крыму, так и в диаспоре: тюрко-татарских, тюрко-османских на пути становления крымскотатарской идентичности. Одним из сюжетов, рассматриваемых в статье, является вопрос о понимании термина «кырымлы» («крымцы») в риторике Дж. Сейдамета и других общественно-политических деятелей той эпохи.

Ключевые слова: национальное самосознание, тюрко-татарские, тюрко-османские дискуссии, «кырымлы», Курултай, диаспора.

Для цитирования: Сейдаметов Э.Х. Проблема этнонима крымских татар в произведениях Дж. Сейдамета // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 104–110. DOI: 10.22378/kio.2024.2.104-110

В последнее время в медийном пространстве актуализируется вопрос о целесообразности использования этнонимов «крымские татары» или «кырымлы» в качестве самоназваний народа. В ходе полемики участники дискуссий выдвигают свою доказательную источниковую базу, при помощи которой стараются доказать правомерность использования того или иного этнонима в качестве самоназвания народа. Даются отсылки на литературно-художественное наследие таких известных деятелей прошлого крымскотатарского народа, как И. Гаспринский, Н. Челебиджихан, Дж. Сейдамет, Б. Чобан-заде и др. В статье рассматривается вопрос об использовании терминов «крымские татары / татары», «крымские тюрки», «кырымлы» в работах известного общественно-политического деятеля, одного из идео-

логов и лидеров крымскотатарского национального движения начала XX в. Джафера Сейдамета.

Конец XIX – начало XX вв. характеризовались периодом формирования наций и национальных государств. Затронул этот процесс и многие страны, в том числе Российскую империю, с проживающим там мусульманским населением. Под влиянием идеологии национализма шел процесс трансформации идентичности. На смену мусульманской религиозной идентичности, которая была доминирующей вплоть до к. XIX – нач. XX вв., приходит национальная идентичность, основополагающим принципом которой являлся тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства. При превалировании религиозной идентичности все родовые, племенные, этнические, национальные интересы пропускались сквозь призму религиозного. При доминировании же национальной идентичности – сквозь призму национальных интересов. Первенство религиозных ценностей над национальными чувствами еще на начало XX в. хорошо иллюстрируют слова Дж. Сейдамета, запечатлённые в его воспоминаниях: «Идея ислама и исламских ценностей была сильнее национального чувства во всех нас» [2, с. 58]. Однако в это же время мы наблюдаем среди крымскотатарской интеллигенции тенденцию к единению, прежде всего тюрко-татарскому, и преобладанию национальных и этнических критериев над религиозными. В поисках национальной идентичности в среде интеллигенции возникают тюрко-татарские дискуссии, которые заключались в вопросе, должны ли татары считать себя татарами и стремиться к формированию татарского движения (татарджилик) или они должны называть себя тюрками и выступать в рамках общетюркского, пантюркистского движения (тюркчюлюк). Среди сторонников идей пантюркизма в Крыму был известный крымскотатарский общественно-политический деятель, писатель, публицист Асан Сабри Айвазов. Отмечу, что эти дискуссии имели место и в турецкой диаспоре. Одним из видных идеологов и защитников пантюркизма в Турции был татарский историк, писатель, журналист Юсуф Акчура.

Джафер Сейдамет в своих воспоминаниях пишет, что «отказ Хасана Сабри и Юсуфа-бея от этнонима «татар» вызвал у нас негативные чувства. Мы не знали своей истории. Более того, каждого из нас здесь (т. е. в Турции – Э. С.) оскорбляли как «*pis tatar*» («грязный татарин»). Отрицание татарскости виделось нам фальсификацией (обманом), и мы считали это проявлением двоедушия. Мы были искренни в своей любви к тюркости, признавали нашу единую судьбу, но сочли излишним отрицать нашу татарскую идентичность [2, с. 58]. <...> Все наши крымские интеллектуалы во всех своих публикациях всегда называли себя татарами» [2, с. 57].

Описывая свои школьные годы в Стамбуле¹, Дж. Сейдамет рассказывает о напаках и оскорблениях «татар и татарской истории» со стороны некоторых одноклассников и учителей и как ему приходилось от этого защищаться. Приведем пример: «В тот день, когда я пошел в школу, учитель математики вызвал меня к доске и спросил, понял ли я задачу и смог ли ее решить. Мой ответ с крымским акцентом рассмешил весь класс. Пока мы были на перемене, Мухаррем, имя которого я позже узнал и с которым мы впоследствии подружились, посмеялся надо мной, сказав: «Pis tatar, pis tatar...!» («Грязный татарин, грязный татарин!»). Я очень разозлился и дал ему пощечину. Мехмет Эфенди, высокий охранник школы с густыми усами, дерзко отдернул меня за ухо, затем отвел в зимний сад на верхнем этаже школы и заставил сесть на колени. Как только срок моего наказания истек, я спустился вниз и стал настойчиво возмущаться подобным обращением, которое считал несправедливым. Один из наших учителей, перед тем как войти в класс, успокоил меня, сказав, что в принципе я прав, но о таких вещах нужно говорить смотрителю, что меня наказали незаслуженно, и что ребенок, оскорбивший меня, получит такое же наказание, как и я, после чего я успокоился» [2, с. 57].

В качестве другого примера приведем инцидент, произошедший в 1909 г. между Дж. Сейдаметом и его новым учителем по литературе Джелиль Сахир-беем, который при обсуждении книги («Evrak-ı Perişan») известного турецкого поэта и прозаика Намыка Кемаля оскорбительно высказался о Чингисхане и татарах. Оскорбившись словами учителя, он попросил разрешения покинуть класс. Учитель попросил объяснить причину, на что юный Дж. Сейдамет открыто сказал, что не вынесет оскорблений в отношении Чингиза и татар. После того, как учитель потребовал его сесть на место и прослушать урок до конца, Дж. Сейдамет нарочно ударился о парту, после чего у него из носа пошла кровь и он вышел из класса. Когда он выходил, Джелиль Сахир-бей сказал одноклассникам: «Вы видели татарское упрямство?» [2, с. 57].

Как известно, после Стамбула Дж. Сейдамет отправился в Париж, где обучался на юридическом факультете Сорбонны. Он пишет, что когда пришло время поступать на факультет, в его документах в графе о национальности хотели написать «русский», руководствуясь записью в паспорте. Тогда он постарался объяснить, что, несмотря на русское подданство, по национальности он является татариним, а не русским, и попросил, чтобы именно так его и записали. Он с удивлением заметил, что даже некоторые

¹ По словам Дж. Сейдамета, в возрасте 11–12 лет его отдали учиться в школу Nümune-i terakki mektebi (Нюмуне-и Теракки мектеби) в Шахзадебаши (г. Стамбул).

французские интеллектуалы во Франции и большинство обычных французов не разбирались в этом вопросе и не различали понятие «нация», имеющее отношение к государству или гражданству какой-либо страны, с термином «национальность», связанном с этничностью [2, с. 84].

Во время своего первого визита в Варшаву по пути в гостиницу «Европейская», напротив статуи польского поэта Мицкевича, Дж. Сейдамет зашел в небольшой магазинчик, где хотел купить кое-какие продукты в дорогу. Когда он обратился к продавцу по-русски, тот ему сказал, что не понимает по-русски, но когда тот сказал, что он не русский, а крымский татарин, лицо продавца изменилось, он любезно отпустил ему товар, пожал руку и пожелал ему счастливого пути [2, с. 110].

Путешествуя по воспоминаниям Дж. Сейдамета, мы видим, что на протяжении всего его жизненного пути маркером его национальной идентичности была «татарскость», он называл себя татарин, крымским татарин, и эта идентичность сопровождала его всю жизнь – и в школьные годы, и во время студенчества, и в зрелом возрасте, когда он включился в политическую деятельность и стал одним из лидеров и идеологов крымскотатарского народа. При этом он не отрицал свою принадлежность к тюркской этноязыковой семье, считал себя мусульманином по вероисповеданию.

В своей книге «Крым. Прошлое, настоящее и стремление крымских татар к независимости», изданной в 1921 г. на французском языке в Лозанне [3] и в 1930 г. на польском в Варшаве [4], он везде использует этноним «татары», «крымские татары». В книгах же, изданных в Турции, наряду с названием татары/крымские татары в большей степени используется словосочетание «крымские турки» (*Kırım türkleri*), что было продиктовано политикой Турецкой Республики по отношению к национальным меньшинствам, которые все записаны в графу «турки».

Возникает вопрос, использовал ли Дж. Сейдамет в своих произведениях термин *Qırım* («кырымлы»), если да, то в каком значении? Однозначно ответим, что использовал, но не обозначение «крымских татар», а в значении «крымчан», т. е. всех жителей Крыма.

В своих мемуарах, говоря о создании Крымской народной республики, в параграфе «*Kırım, Kırımlılarındır! – İstiklale doğru*» («Крым крымцам! – на пути к независимости») он пишет: «Мы также собирались провозгласить независимость Крыма. Но реальный вопрос заключался в том, сделаем ли мы это в одиночку или вместе со всеми крымчанами, под каким лозунгом мы будем действовать «*Kırım, Türklerindir*» («Крым – туркам!») (т. е. крымским татарам. – Э. С.) или «*Kırım, Kırımlılarındır!*» («Крым – жителям Крыма!») [2, с. 206]. Само собой разумеется, что этот лозунг не мог содержать в себе тавтологию, тогда получился бы слоган, лишенный всякого

смысла. Дж. Сейдамет говорит о том, что вопрос о лозунге был одним из обсуждаемых с Н. Челебиджиханом [2, с. 208] и что, в конце концов, Крымский Меджлис принял именно лозунг «Крым – жителям Крыма!».

В параграфе «Kırım, Kırımlıdır!..» («Крым – жителям Крыма!») он пишет: «На сегодняшней встрече мы решили рассмотреть принцип «Крым – жителям Крыма!», что ни одна нация не должна претендовать на господство (суверенитет) в Крыму. Было принято решение срочно созвать Крымский Меджлис (Парламент) и объявить о создании Крымской народной республики. 15 ноября о нашей декларации было официально объявлено в газетах «Миллет» и «Голос татар»» [2, с. 235].

Дж. Сейдамет цитируя слова Хасана Сабри [Айвазов], опубликованные в газете «Миллет» писал: «Лозунг «Крым для крымцев!» будет принят всеми крымскими народами и сохранит порядок и уклад, мир и безопасность в Крыму. Должно быть создано правительство, которое будет признавать законы каждой нации, сохранять национальные устремления и политику каждого народа. Форма правления и методы управления, которые будут осуществляться в Крыму, должны быть основаны на принципах народной республики. Мы не знаем иного пути и иного правления, кроме этого. Единственное правление, которое сделает Крым и крымчан счастливыми независимо от вероисповедания и национальности и приведет их к спасению и миру, – это республика, признающая права каждой нации и служащая сохранению чаяний каждого народа. Отныне Крым не будет управляться ни комиссариатом, ни советами, ни отдельно взятым народом. Судьбы многих народов не могут быть переданы одному народу... Мы уверены, что, те народы, которые жили с нами как братья, в тяготах и лишениях при старой власти, и сегодня будут жизнь вместе с нами, испытывая еще большую любовь и искренние чувства» [2, с. 235]. Анализ вышеобозначенных фрагментов показывает нам, что понятие «кырымлы» рассматривается Дж. Сейдаметом исключительно в значении крымчан, т. е. всех жителей Крыма, а не только в отношении крымских татар.

Проведенный анализ публикаций Дж. Сейдамета [1], прежде всего его воспоминаний [2], позволяет нам в определенной мере представить картину становления идентичности тюрко-мусульманских народов, в том числе и крымских татар. Основным предметом дискуссий были тюрко-татарский и тюрко-османский вопрос (в диаспоре). Понятие «Qırımtı» («крымцы», «крымчане»), не использовалось в качестве самоназвания народа, как утверждают современные сторонники этой позиции, а использовалось исключительно в значении всех народов, проживающих в Крыму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сейдамет Дж. Публицистика (*малоизвестные статьи*). Симферополь: Издательство «Крымучпедгиз», 2012. 126 с.
2. Kırimer C. S. Bazı hatıralar. İstanbul: EMEL Türk Kültürünü Araştırma ve Tanıtma Vakfı, 1993. S. 58.
3. Seidamet Dj. La Crimée. Passé-Présent. Revendications des Tatars de Crimée. Avant Propos de M. le Professeur C. D. Haron. Préface de M. le Professeur E. Pittard. Lausanne. Imprimerie G. Vaney-Burnier, 1921. 120 p.
4. Sejdamet Dż. Krym. Przeszłość, terażniejszość i dążenia niepodległościowe Tatarów krymskich. Warszawa: Nakładem Instytutu Wschodniego, 1930. 170 p.

Сведения об авторе: Сейдаметов Эльдар Халилович – кандидат исторических наук, руководитель Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); eseydamet@bk.ru

The problem of ethnonym of the Crimean Tatars in the works of J. Seidamet

Eldar Seidametov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. The article examines the problematic of the ethnonym of the Crimean Tatars in the works of the famous socio-political figure, one of the ideologists and leaders of the Crimean Tatar national movement of the early 20th century, J. Seidamet.

The source base of the study consisted mainly of memoirs, journalistic materials, which gave us an idea of the main stages in the formation of the national identity of the Crimean Tatars, various kinds of discussions, both in Crimea and in the diaspora: Turkic-Tatar, Turkic-Ottoman on the path to the formation of the Crimean Tatar identity. One of the topics considered in the article is the question of understanding the term “Kyrymly” (“Crimeans”) in the rhetoric of J. Seidamet and other socio-political figures of that era.

Keywords: national identity, Turkic-Tatar, Turkic-Ottoman discussions, “Kyrymly”, Kurultai, diaspora.

For citation: Seidametov E.Kh. The problem of ethnonym of the Crimean Tatars in the works of J. Seidamet. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 104–110. DOI: 10.22378/kio.2024.2.104-110 (In Russian)

REFERENCES

1. Seidamet Dzh. Journalism (little known articles). Simferopol: “Krymuchpedgiz” Publishing House, 2012. 126 p. (In Russian)
2. Kırimer C. S. Some memories. İstanbul: EMEL Turkish Culture Research and Promotion Foundation, 1993. 58 p. (In Turkish).
3. Seïdamet Dj. La Crimée. Passé-Présent. Revendications des Tatars de Crimée. Avant Propos de M. le Professeur C. D. Haron. Préface de M. le Professeur E. Pittard. Lausanne. Imprimerie G. Vaney-Burnier, 1921. 120 p. (In French).
4. Sejdamet Dż. Krym. Przeszłość, terażniejszość i dążenia niepodległościowe Tatarów krymskich. Warszawa: Nakładem Instytutu Wschodniego, 1930. 170 p. (In Polish).

About the author: Eldar Kh. Seidametov – Cand. Sci. (History), Head of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); eseydamet@bk.ru

УДК 811.512.1

DOI: 10.22378/kio.2024.2.111-116

Бекир Чобан-заденинъ иджадында «Татарлыкъ» мевзусы

Сейран Сулейман

«Янъы дюнъя» газетасы

Айдер Эмиров

И. Гаспринский адына

Къырымтатар джумхуриет кутюпханеси

Анълатма. Улу къырымтатар шаири ве алими Бекир Чобан-заденинъ иджады тедкъикъатчыларнынъ дикъкъатыны озюне джелъп этмеге девам эте. Шаир озь эсерлеринде «татарлыкъ» мевзусына буюк дикъкъат айыргъаныны, миллетнинъ ады шиирлеринде, икяе ве макъалелеринде сыкъ-сыкъ расткельгенини коремиз. Марузанынъ муэллифлери ишбу мевзуны огренип, Бекир Чобан-заденинъ эсерлеринден базы нумюселерни мисаль оларакъ кетирдилер. Шубесиз, этнонимден вазгечмек—миллий тарихтан вазгечмектир, бойле адым халкънынъ ёкъ олувына кетире джеджек. Бекир Чобан-заденинъ иджадий мирасы бизге буны хатырлатмакътадыр.

Анахтар сёзлер: татарлыкъ, къырымтатар, миллет.

Тедкъикъатнынъ актуаллиги. Эр анги халкънынъ озь тарихы ве озь ады бар. Миллетнинъ ады онынъ тарихындан, узакъ кечмишинден келип чыкъа. Сонъки девирде базы адамлар ве атта айры неширлер халкъымызны озь адындан, кениш анъламда татарлыкътан вазгечмеге чагъырлар. Ич бир эсасы олмагъан бойле манасыз тешвикъатнынъ сонъу миллий фаджиагъа кетире биле.

Тедкъикъатнынъ макъсады: Буюк шаир ве алим Бекир Чобан-заденинъ иджадында татарлыкъ мевзусыны ачыкъламакъ.

Тедкъикъатнынъ вазифелери:

* шаирнинъ иджадында татарлыкъ мевзусы не къадар муим ер туткъаныны косьтермек;

* шаирнинъ миллетнинъ адына даир нокътаи-назарыны огренмек.

Миллетнинъ ады — миллетнинъ юзю, миллет кечмишининъ кузъгюсидир. Кечмишимизни огрениркен, эдебиятымызнынъ классиги — мешур шаир ве яызджы, тильшынас-алим ве эдебиятшынас Бекир Чобан-заденинъ

(1893–1937) иджадий мирасына кене ве кене мураджаат этемиз. Затен Номан Челебиджихан озь вакътында: «Буюклерини унуткъан миллет кучюлир» деп нафиле айтмагъандыр.

Бекир Чобан-заденинъ макъале ве шиирлеринини окъугъанда, муэллиф миллетимизнинъ адыны эксериетте «татар» ве «кырымтатар» оларакъ къалемге алгъаныны коремиз. Мисаль ичюн онынъ «Къавал сеслери» эль-язма джыйынтыгъында язып къалдыргъан ишбу мешур сёзлерини кетирейик:

«Меним языларым ич бир шей косътермесе де, кырылгъан, чай-палгъан, бельки бугунъ-ярын олюп, ёкъ болуп кетеджек кырымтатарны, онынъ минлерини, дуйгъуларыны бек яхшы косътере; бир кунъ келип, тарих Къырымман огърашса, кырымтатар кырымтатарны кыдырса, меним языларым ортагъа чыкъар. Эгер булай болмаса да, зарары ёкъ. Къырымтатарнынъ бу къадар байрагъы, шаны, топрагъы гъайып болды; барсын, меним де бир къач юкъусыз геджем, думанлы, кедерли кунюм джойтылсын... Магъа бу сатырларны язгъандаки леззет, онгъанлыкъ джетишир. Татар тили, ич кимсе айтмаса да, кене буюк, кене изгю... чюнки онда меним джигит халкъымнынъ бинглердже джыллыкъ къайгылары, къайгылы джигит сеси бар» [1] – деп яза Бекир Чобан-заде.

Шаир миллетнинъ ады меселесине кельгенде, озь фикрини энъ ачыкъ, энъ тесирли шекильде «Татар тюгюльмен!...» дегенлерге» шииринде ифаде эте. Шу шиирден бир парчаны кетирейик:

«Биз татар тюгюльмиз!» – дий бугунъ дёнме,
Эльбетте, тюгюльсинъ, ай, байгъуш коле...

Сен бугунъ ойталыкъ, ыргъатсынъ, чобан!
«Татарман!» – десенъ де, табылмаз инангъан...

Сенинъ бу инкярынъ къоркъудан келе...
«Мен татар тюгюльмен!» – Явропа куле...

Азгъана юрегинъ болса тек сенинъ,
Анъласанъ джигитлик не демек экенин...

Танысанъ Батыны, Дженгизни яхшы,
Акъар да козьлеринъ окюрли яшы.

«Татарман!» – дер эдинъ, кокрегинъ тюйип,
«Татарман!» – дер эдинъ озь тилинъ суйип...

Бу шиир 1919 сенеси, яни тамам 105 йыл эвельси язылган эди. Эсер аля бугунь актуаль олып кяла. Татарлыкъны инкяр этмек – йигитликни, эдждатларны инкяр этмек демектир.

Бекир Чобан-заде ичюн татарлыкъ Къырымнынъ сынъырларында битмей. Онынъ назарында бу гъает кениш бир анъламдыр:

Невайй пиримдир, кедайлар башы,
Татарджа джырлагъан бир татар джашы.
Токъайлар кърдашым, бир багъча гули,
Менимки конъли, менимки тили...

Батырлыкъ баш керек, башымны сильктим,
Тиль, конъюль джавына кылыджым чектим:
Согушкъа, достларым, хакъ татар тиличюн!
Согушкъа, тувганлар, керчекчи эличюн!

– деп яза шаир «Согушкъа, достларым, хакъ татар тиличюн!» адлы шииринде.

2012 сенеси Бекир Чобан-заде адына халкъара мукафатнынъ лауреаты олган филология илимлери докторы, профессор Рамиз Аскер «Бекир Чобан-заденинъ бедий эсерлери» адлы макъалесинде: «Биз Бекир Чобан-заденинъ азербайджан тилине уйгунлаштырдыгъымыз 73 шииринде шаир «татар» сёзюни 99 кере, «юрт» сёзюни 56 кере, «Къырым» сёзюни 11 кере къуллангъаны ортагъа чыкъты» [2], – деп яза.

Эбет, шаир озь шиирлеринде «татар» сёзюни миллетнинъ ады, татарлыкъ дюньясынынъ айырылмаз бир парчасы оларакъ анъган олса, Къырым сёзюни анджакъ ярымаданы, территорияны козьде тутуракъ къуллана. Дейик, 1926 сенеси шаир Ленинградда булунып, о ерде «Балтыкъ ялысында» адлы шиирини яза. Бу шиирде шаир: «Узакътан корьдим къырымлы бир устудент/Гулер юзьмен эте эди гемиде субет», – деп яза. Бу ерде, табий ки, «къырымлы» сёзю миллетнинъ адыны дегиль де, студентнинъ къайдан кельгенини косътере.

Бекир Чобан-заде озюнинъ «Он дёрт джашымда» икяесинде: «Татарлыкъ къолай болса, татарларнынъ джашавы тек татарларнынъ котере биледжегиндай болмаса, бу къадар аз къалырма эдик?..» [3], деп яза. Керчектен де, татарлыкънынъ такъдири къолай дегиль, асырлар девамында эзие астында яшап, Къырымда бир къач миллиондан бир авуч къалдыкъ. Энди шу бир авучны биле базылар бильмеден я да биле-биле ёкъкъа чыкъармакъ, тарихтан сильмек, татарлыкътан вазгечирмек истейлер.

Сёзюмизни Бекир Чобан-заденинъ шу сёзлеринен екюнлемек истей-миз:

Миллетлер кьошусы башланды коптен,
Эр халкънынъ бар онда айгъыры, аты,
Тек факъыр татарнынъ эшитильмий сеси
Тек байгъуш татарнынъ джокъ тюльбер ады... [4]

Миллетлер кьошусында атымызны да, адымызны да джоймайыкъ!

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Чобан-заде Б. «Къавал сеслери»: шиирлер, икяелер, макъалелер. Будапешт, 1919–1920. 344 с. Арап уруф. Эльязма.
2. Asker R. Bekir Çobanzade'nin bedii eserleri. «Bekir Çobanzade və türko-logiyanın müasir problemləri» mövzusunda respublika elmi konfransının materialları. Bakı, 2013. 16 s.
3. Чобан-заде Б. Тынч татар чёлюнде...: шиирлер, икяелер. В тихой татарской степи: стихотворения, рассказы. Симферополь, 2023. 160 с.
4. Чобан-заде Б. Меним языларым... Акъмесджит: Тарпан, 2009. 252 с.

Муэллифлер акъкъында малюмат:

Сейран Сулейман – филолог-тюрколог, Кырымда нам къазангъан журналист, «Янъы дюнья» газетасынынъ баш муаррири, И. Гаспринский адына медиамеркез (295048, Трубаченко сокъагъы, 23а, Акъмесджит, Русие Федерациясы); seyran_suleyman@mail.ru

Айдер Эмиров – филолог, публицист, китапханеджи, И. Гаспринский адына джумхуриет кырымтатар кутюпханеси (295011, Самокиш сокъагъы, 8, Акъмесджит, Русие Федерациясы); ayderemir@mail.ru

Тема принадлежности к татарскому народу в творчестве Бекира Чобан-заде

Сейран Сулейманов

Газета «Янъы дюнъя» («Новый мир»)

Айдер Эмиров

Республиканская крымскотатарская библиотека

им. И. Гаспринского

Аннотация. Творчество выдающегося крымскотатарского поэта и ученого Бекира Чобан-заде всё больше и больше привлекает внимание исследователей. Большое значение в своем творчестве поэт уделял теме «татарлыкъ» – принадлежность к татарскому народу, данный этноним очень часто встречается в его стихотворениях, рассказах и статьях. Авторы доклада рассмотрели эту тему и привели некоторые примеры из литературного наследия Бекира Чобан-заде. Безусловно, творческое наследие Бекира Чобан-заде показывает, что отказ от своего этнонима – это отказ от своей истории, такой шаг приведет к полной деградации и исчезновению народа.

Ключевые слова: татары, крымские татары, нация.

Для цитирования: Сулейманов С.А., Эмиров А.Р. Бекир Чобан-заденинъ иджадында «Татарлыкъ» мевзусы [Тема принадлежности к татарскому народу в творчестве Бекира Чобан-заде] // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 111–116. DOI: 10.22378/kio.2024.2.111-116

Сведения об авторах:

Сулейманов Сейран Акбаралиевич – филолог-тюрколог, главный редактор газеты «Янъы дюнъя» («Новый мир»), Медиацентр им. Исмаила Гаспринского (295048, ул. Трубоченко, 23А, Симферополь, Российская Федерация); seytan_suleyman@mail.ru

Эмиров Айдер Решатович – филолог, публицист, библиотекарь, Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского (295011, ул. Самокиша, 8, Симферополь, Российская Федерация); ayderemir@mail.ru

The theme of belonging to the Tatar people in the works of Bekir Choban-zade

Seyran Suleymanov

Newspaper "Yeny Dunya" ("New World")

Ayder Emirov

I. Gasprinsky Republican Crimean Tatar Library

Abstract. The works of the outstanding Crimean Tatar poet and scholar Bekir Choban-zade are increasingly attracting the attention of researchers. The poet paid great attention to the theme of "Tatarlyk" in his works – belonging to the Tatar people, this ethnonym is very often found in his poems, stories and articles. The authors of the report examined this topic and gave some examples from the literary heritage of Bekir Choban-zade. Of course, the creative heritage of Bekir Choban-zade shows that the rejection of one's ethnonym is a rejection of one's history, such a step will lead to complete degradation and disappearance of the people.

Keywords: Tatars, Crimean Tatars, nationality.

For citation: Suleymanov S.A., Emirov A.R. The theme of belonging to the Tatar people in the works of Bekir Choban-zade. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 111–116. DOI: 10.22378/kio.2024.2.111-116 (In Crimean Tatar)

REFERENCES

1. Choban-zade B. "Pipe Tunes": poems, stories, articles. Budapest, 1919–1920. 344 p. Arabic script. Manuscript. (In Crimean Tatar).
2. Asker R. Bekir Choban-zade's Artistic Works. "Bekir Choban-zade and contemporary problems of Turkology" materials of Republican scientific conference. Baku, 2013. 16 p. (In Azerbaijan).
3. Choban-zade B. In Peaceful Tatar steppe... poems, stories. Simferopol, 2023. 160 p. (In Crimean Tatar).
4. Choban-zade B. My Posts... Simferopol: Tarpan Publishing house, 2009. 252 p. (In Crimean Tatar).

About the authors:

Seyran A. Suleymanov – philologist-turkologist, editor-in-chief of the newspaper "Yeny Dunya" ("New World"), Ismail Gasprinsky Media Center (23A, Trubachenko Str., Simferopol 295048, Russian Federation); seyransuleyman@mail.ru

Ayder R. Emirov – philologist, publicist, librarian, I. Gasprinsky Republican Crimean Tatar library (8, Samokish Str., Simferopol 295011, Russian Federation); ayderemir@mail.ru

УДК 930.271

DOI: 10.22378/kio.2024.2.117-125

Нисба «Аль-Кырыми» на мусульманских эпиграфических памятниках Крыма XIII–XV вв.

Мемедула Усеинов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Аннотация. В статье представлены данные об эпиграфических памятниках Крыма (XIII–XV вв.), в надписях которых встречается нисба *Аль-Кырыми*. Приведена их краткая характеристика и география мест обнаружения. Рассмотрены сведения и доводы из письменных источников, свидетельствующие о том, что нисба *Аль-Кырыми* является скорее географическим, нежели этническим маркером.

Ключевые слова: Золотая Орда, город Крым, Солхат, арабографичная эпиграфика, мусульманские надмогильные памятники, нисба *Аль-Кырыми*.

Для цитирования: Усеинов М.А. Нисба «Аль-Кырыми» на мусульманских эпиграфических памятниках Крыма XIII–XV вв. // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 117–125. DOI: 10.22378/kio.2024.2.117-125

Согласно арабо-мусульманской традиции, на большинстве надмогильных памятников золотоордынского Крыма надпись, содержащая имя погребенного, состояла из личного имени – *исм*¹, после которого указывалось имя отца – *насаб*², следом на многих памятниках указывалась *нисба*³ – часть имени, обозначающая принадлежность к роду, племени, месту рождения, проживания, профессию, род занятий.

На мусульманских эпиграфических памятниках Крыма имеется лишь небольшое количество нисб, указывающих на род занятий, основная же

¹ Исм (араб. اسم) – личное имя, даваемое человеку при рождении, иногда давалось два имени.

² Насаб (араб. نسب) – имя отца, использовалось с элементом «бин», «ибн» (сын).

³ Нисба (араб. نسبة – «отношение к чему-либо», «связь») – часть мусульманского имени, обозначающая генеалогическую, этническую, религиозную, политическую, социальную принадлежность человека, часто место его рождения или проживания.

масса нисб содержит географические названия. Среди них – города Кавказа и нижнего течения Волги (Маджар, Барджинлиг), Средней Азии (Бухара, Дженд), Персии (Тебриз, Луристан), Северного Ирака (Эрбиль), Сирии (Халеб), Малой Азии (Конья, Ахлат, Сивас, Кастамуни, Токат). Но самой распространенной является нисба «Аль-Кырыми», обозначающая название крупного золотоордынского города, столицы правого крыла улуса Джучи – Кырыма/Солхата.

В нумизматических и письменных источниках первые упоминания о городе Кырым относятся ко времени его зарождения и становления – 60-м годам XIII века. У Ибн-Абд-аз-Захира упоминается посещение посольством египетского султана к хану Берке «поселения, деревни Крым» – (القرية القرم) [7, с. 54] осенью 1264 г.⁴ [7, с. 63]. Приблизительно к этому же времени относятся первые нумизматические данные.

Эпиграфических памятников второй половины XIII в. с упоминанием города Кырым пока не найдено. Человек должен был родиться, либо прожить значительную часть жизни в данной местности (а это обычно длительность жизни одного поколения) для того, чтобы на надмогильном камне появилась надпись с упоминанием названия города. Поэтому закономерно, что упоминание названия города Кырым в виде нисбы на надмогильных памятниках появляется несколько позже.

Самый ранний известный на сегодня датированный памятник с нисбой «Аль-Кырыми» относится к 1316 году. Памятник был найден в Эски-Юрте, в окрестностях Бахчисарая. Надпись на памятнике содержит имя: «...покойной, прощенной, счастливой, мученицы за веру *Шах-хатун*, дочери *Махмуда Аль-Кырыми*», с датой: «в месяце Джумада II, 716 г. х.» (= август – сентябрь 1316 г.) [5, с. 26]. Но скорее всего, к моменту смерти дочери ее отец намного раньше этой даты был известен как *Махмуд Аль-Кырыми*.

Основная часть памятников с нисбой «Аль-Кырыми» не имеет четкой датировки. Связано это с тем, что, за небольшим исключением, на самых распространенных типах надмогильных памятников (восьмигранные призмы и плоские стелы [рис. 1, 2, 3]) имя и дата указывались обычно на двух камнях, один из которых устанавливался у изголовья, а второй у изножья. Поскольку большинство обнаруженных памятников являются случайными находками, не связанными между собой временными рамками и террито-

⁴ В сочинении Ибн-Абд-аз-Захира говорится, что в рамадан 662 г. – это июнь/июль 1264 г. (в публ. Тизенг. опечатка – указан 1263 г., причем ниже, в сноске, год указан верно) – султан узнал, что его послы задержаны в Византии. [7, с. 62]. Далее говорится, что потребовалось некоторое время (более 20 дней) для освобождения послов и некоторое время для того, чтобы достичь Судака и Кырма, т. е. на полуостров они попали не ранее осени 1264 г.

риально, то мы имеем множество памятников частью только с именами, частью только с датами. Датированы только еще два памятника из Эски-Юрта: с именем Хаджи-бека сына Хасана Кырыми и датой – 770 г. х., или 777 г. х. (= 1368/69, или 1375/76 г.) [5, с. 27]; и «сандык-таш» с именем Мухаммада Кырыми и датой – месяц Раби I, 812 г. х. (= июль – август 1409 г.) [5, с. 29].

На территории полуострова на сегодняшний день найдены 20 надмогильных памятников с нисбой «Аль-Кырыми». 17 памятников в городе Старый Крым и три в окрестностях Бахчисарая, в с. Эски-Юрт. Некоторые из них известны еще по исследованиям археологических экспедиций 20-х гг. XX в. Это памятники № 6, 29, 98, 113, 119, 187, 205, 206, 226 в работах О.-Н. Акчокраклы [2, 3] и три памятника из Эски-Юрта [5, с. 30]. Еще восемь старокрымских памятников были обнаружены в последние два десятилетия.

Нисба «Аль-Кырыми» фиксируется только на надмогильных камнях. На посвяtitельных надписях с культовых зданий такая нисба пока не найдена.

Имена на памятниках как традиционные мусульманские: Зулейха, дочь Хаджи Хасана Аль-Кырыми; Хаджи Баха-уль-Мелеведдин, сын Абдуллы Аль-Кырыми; Абдурахман, сын Хасана Аль-Кырыми; Хусейн, сын Айваза Аль-Кырыми; Иса, сын Хасана Аль-Кырыми; Хаджи-бек, сын Хасана Кырыми; Муаз-бек, сын Абу Бакра Аль-Кырыми; так и тюркские: Тогайхатун, дочь <...> Аль-Кырыми; Буджук, сын Лачина Аль-Кырыми.

Характерный пример памятника с нисбой «Аль-Кырыми», найденный в 20-е гг. XX в. в Старом Крыму, – женский надмогильный камень в форме плоской стелы со стрельчатым верхом (рис. 1, а). Край памятника со стороны надписи фестончатый, в виде семи лепестков. Тимпан памятника украшен растительным орнаментом, на обратной стороне – изображение горящей лампы. Надпись в трех картушах на арабском языке:

هذه اترية المرحومة
زليخة بنت حاجي حسن
القريمي

Это гробница покойной Зулейхи, дочери Хаджи Хасана Аль-Кырыми.

Памятник, к сожалению, утрачен, сохранились фотографии 20-х гг. XX в. и рисунок У. Боданинского [4, с. 277] (рис. 1, б).

Другой пример – фрагмент мужской стелы, найденный в 2000-е годы в Старом Крыму, в кладке старого забора (рис. 2). Верхняя и нижняя части памятника утеряны, фрагмент расколот на две части, на обратной стороне – изображение горящей лампы и двух свечей в подсвечниках. Верхняя часть надписи утрачена, сохранились две строки, высеченные на камне каллиграфическим почерком «сульс», на арабском языке:

معاذ بك ابن ابو بكر(?)
الى رحمة الله تعالى القريمي

Муаз-бек ибн Абу Бакр(?) Аль-Кырыми, [нуждающийся] в милости Аллаха Всевышнего.

Памятник хранится в Литературно-художественном музее г. Старый Крым.

Встречается два варианта написания нисбы: более распространенный, «классический» – القريمي (Аль-Кырыми), реже встречается и вариант – القرمي, без буквы ي перед م (мим) (рис. 4).

Несмотря на два известных названия города – «Солхат» и «Кырым», на эпиграфических памятниках нисба *Ас-Солхати* пока не обнаружена.

Из письменных источников известно одно имя ученого, выходца из Крыма с нисбой *Ас-Сулхати* (السلخاتي). Это – *Хуссам ад-дин Абу Мухаммед аль-Хасан бин Рамадан бин аль-Хасан бин Фадин аль-Аляляни Ас-Сулхати аш-Шафи Аль-Кырыми* (1271/81–1345). Он был кадием и знатоком хадисов и примерно с начала XIV века жил на Ближнем Востоке [8, с. 19]. Стоит отметить присутствие в нисбе ученого обоих названий города – *Ас-Сулхати* и *Аль-Кырыми*.

Нисбы на эпиграфических памятниках несут информацию, в большинстве, о простых жителях мусульманской общины города. В письменных же источниках больше отражены имена ученых, прославившихся далеко за пределами Крыма. Известны имена около двух десятков ученых с нисбой *Аль-Кырыми*, которые подробно рассмотрены в работе Н. Абдуваапова [1]. Приведем имена лишь некоторых из них, например, *Ахмад бин Усман Аль-Кырыми* (ум. 1331 г.), хадисовед, выходец из Крыма, который затем жил и работал на Ближнем Востоке [8, с. 46]; знаменитый судья *Рукн-ад-дин бин Мухаммад бин Абд-аль-Мумин Аль-Кырыми* (ум. 1382), правовед, который более 30 лет был судьей в городе Кырым/Солхат, а в 60-е гг. XIV в. переехал в Каир [1, с. 45; 8, с. 53], и многие другие.

С учетом большого количества этнических групп и многоконфессиональности населения средневековых городов Востока, нисба с названием города являлась лишь географическим маркером. Нисбы Кырыми, Самарканди, Бухари, Коневы и т. п., подразумевают только либо место рождения, либо место продолжительного проживания человека.

На этническую принадлежность обычно указывают нисбы, содержащие названия народов и племен. Такие нисбы на эпиграфических памятниках Крыма пока не обнаружены, но есть примеры в письменных источниках, например, характерные для Причерноморского региона нисбы золотоордынского периода: التركي – ат-турки, التترى – ат-татары, الاصى – аль-аси [7, с. 12]; القفجاقى – аль-кипчаки, الرسى – аль-руси, العالانى – аль-алани [7, с. 54] и др.

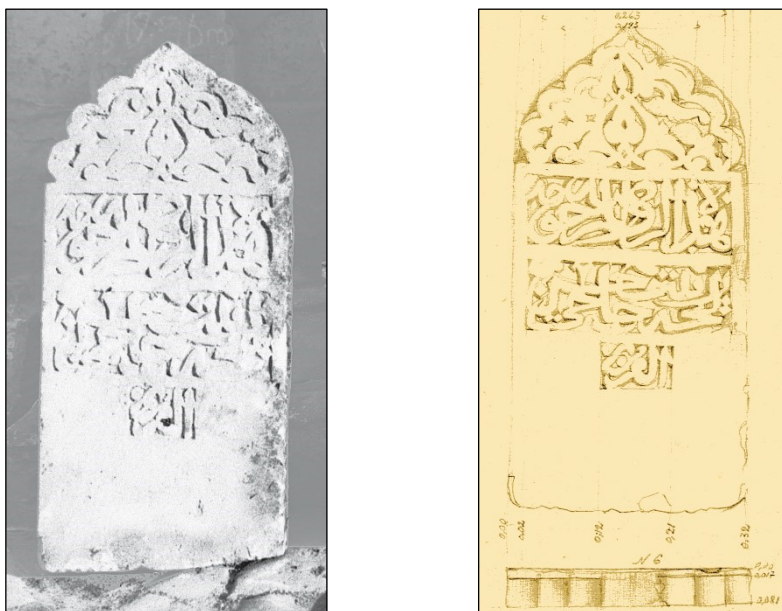

Рис. 1. Надмогильная стела с именем Зулейхи, дочери Хаджи Хасана аль-Кырыми: а) фото 20-х гг. XX в.; б) рисунок У. Боданинского.

Fig. 1. Grave stele with the name of Zuleikha, daughter of Hadji Hasan al-Kyrymi: a) photo from the 20-s., 20th century; b) drawing by U. Bodaninsky.

Рис. 2. Фрагмент памятника с именем Муаз-бека сына Абу Бакра (?) аль-Кырыми.

Fig. 2. Fragment of a monument with the name of Muaz-bek, son of Abu Bakr (?) al-Kyrymi.

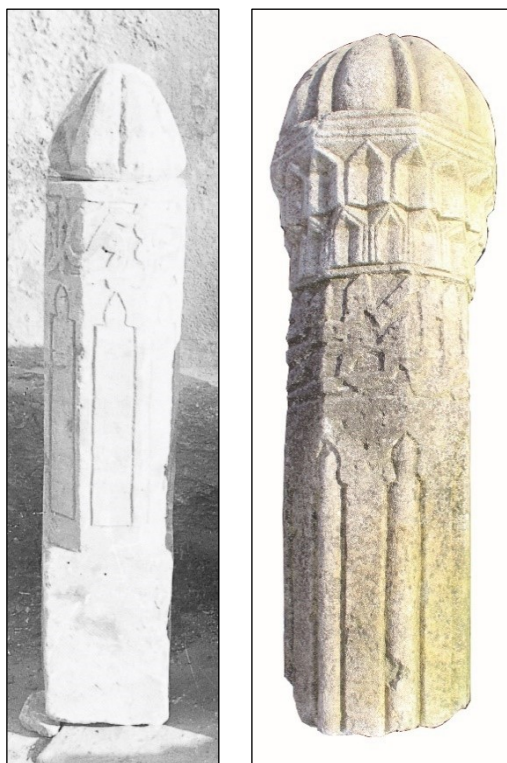

Рис. 3. Восьмигранные памятники с нисбой Аль-Кырыми:

а) с именем Буджука, сына Лачина аль-Кырыми;
б) с именем Абдурахмана, сына Хасана аль-Кырыми.

Fig. 3. Octagonal monuments with Al-Kyrymi nisba:

a) with the name of Budzhuk, son of Lachin al-Kyrymi;
b) with the name of Abdurahman, son of Hasan al-Kyrymi.

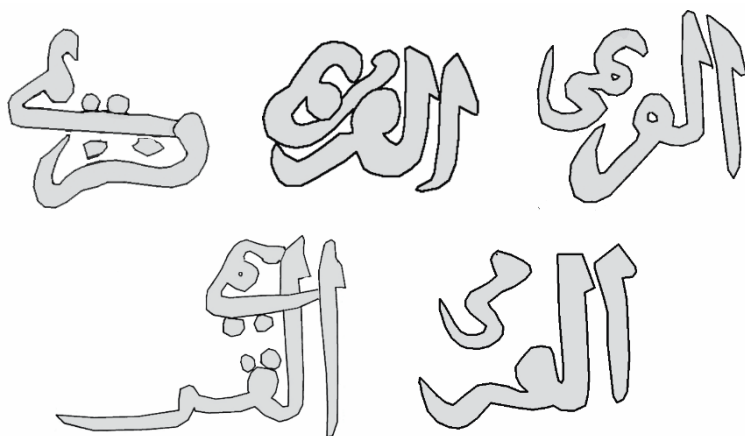

Рис. 4. Варианты написания нисбы Аль-Кырыми на эпиграфических памятниках.

Fig. 4. Variants of writing Al-Kyrymi's nisba on epigraphic monuments.

Еще одним аргументом, указывающим на то, что нисба «Аль-Кырыми» являлась скорее географическим, а не этническим маркером, являются примеры людей, родившихся в других странах, затем ставших известными в Крыму благодаря своей деятельности (впоследствии многие из них были вынуждены покинуть Крым из-за междоусобиц в Золотой Орде). Например, *Мухаммад бин Али бин Абдурахман аль-Джанди, Аль-Кырыми* (кон. XIII – нач. XIV в.) родился в городе Дженд (низовья р. Сырдарьи, совр. Узбекистан), значительный период жизни прожил в Крыму, а затем перебрался в Дамаск [8, с. 28]. Или уроженец города Казвин (совр. Иран) – правовед и филолог *Зия-ад-дин аль-Имади, аль-Афифи, аль-Казвини, Аль-Кырыми*, который приблизительно в 1348 г. переехал в Крым и больше 20-ти лет был *наибом* (заместителем) упомянутого выше знаменитого судьи *Рукн-ад-дина Аль-Кырыми*, а затем в 60-е гг. XIV века уехал в Египет [8, с. 47]. Еще один пример – *Сирадж-ад-дин аль-Хаджи-Тархани, Аль-Кырыми* (пер. пол. XV в.), уроженец города Хаджи-Тархан (Астрахань), долгие годы живший в Крыму [8, с. 54]. В этих примерах, несмотря на то, что этническое происхождение вышеуказанных людей различно и явно с Крымом не связано, все они были известны под нисбой «Аль-Кырыми».

Вопрос, использовалась ли в золотоордынское время нисба *Аль-Кырыми* лишь применительно к жителям города Кырым/Солхат или же ко всему населению полуострова, пока остается открытым. Хотя известны нисбы с названиями других населенных пунктов полуострова. В частности, распространенная в XVI в. нисба «Аль-Кефевии» (г. Кефе) имела у целой плеяды ученых и религиозных деятелей. Подобные примеры встречаются и в золотоордынском периоде истории Крыма. Например, на надмогильном камне с датой – 763 г. (=1361/62 г.), имя «*Идриса, сына Хаджи Яхья Отузи (Отузский)*» [6, с. 180–181], по-видимому, достаточно известного в той местности жителя селения Отузы, расположенного недалеко от г. Кырым/Солхат.

Тюркизированная форма нисбы «Кырыми» – «Кырымлы» на эпиграфических памятниках XIII–XV веков не встречается. Тюркский язык на эпиграфических памятниках Крыма в данный период используется достаточно редко. На протяжении всего XIV века в письменном оформлении лапидарных памятников преобладает арабский язык. Тюркский (чагатайский) язык чаще встречается на эпиграфике с начала XV века, и то, в большинстве, для обозначения прописью даты на памятнике.

В заключение стоит отметить – нисба «Аль-Кырыми» встречается на двух десятках эпиграфических памятников Крыма золотоордынского периода. Данная нисба являлась в первую очередь географическим маркером принадлежности человека к данной местности либо как к месту рождения,

либо месту продолжительного проживания и применялась к представителям различных этносов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдульваап Н. Мусульманские ученые Крыма XIV–XIX вв. // Qasavet. 2011. №. 38. С. 44–48.
2. Акчокраклы О.[Н. А.] Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. 1(58). С. 5–17.
3. Акчокраклы О.-Н. А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 152–159.
4. Боданинский У. Собрание сочинений. Том III. Материалы: дневники экспедиций, рисунки, планы, отчеты и др. Бахчисарайского дворца-музея (1920–1934). Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 544 с.
5. Иванов А. А. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1989. С. 25.
6. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том IV. г. Старый Крым. Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 208 с.
7. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I: Извлечение из сочинений арабских. СПб.: Тип-я ИАН, 1884. 564 с.
8. Якубович М. М. Исламська спадщина Кримського ханства. Дніпро: Середняк Т. К., 2018. 192 с.

Сведения об авторах: Усеинов Мемедула Адирович – лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); memedulla@list.ru

Nisba “Al-Kyrymi” on Muslim epigraphic monuments of Crimea of the 13th–15th centuries

Memedulla Useinov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. The article presents data on the epigraphic monuments of Crimea (13th–15th centuries) in the inscriptions of which the *nisba* of Al-Kyrymi is found. Their brief characteristics and geography of detection sites are given. Information and arguments

from written sources, indicating that the Al-Kyrymi's nisba is more of a geographical than an ethnic marker is given.

Keywords: Golden Horde, city of Kyrym, Solhat, Arabic epigraphy, Muslim gravestones, nisba Al-Kyrymi.

For citation: Useinov M.A. Nisba “Al-Kyrymi” on Muslim epigraphic monuments of Crimea of the 13th–15th centuries. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 117–125. DOI: 10.22378/kio.2024.2.117-125 (In Russian)

REFERENCES

1. Abdulvaap N. Muslim scientists of Crimea 14th–19th centuries. Qasavet. 2011, no. 38. pp. 44–48. (In Russian)
2. Akchokrakly O.[-N. A.] Old Crimean and Otuz inscriptions of the 13th–15th centuries. News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography (ITOIAE). Simferopol, 1927. Vol. 1(58). Pp. 5–17. (In Russian)
3. Akchokrakly O.-N. A. Old Crimean inscriptions: from excavations in 1928. News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography (ITOIAE). 1929. Vol. 3. pp. 152–159. (In Russian)
4. Bodaninsky U. Collected works. Vol. III. Materials: expedition diaries, drawings, plans, reports, etc. of the Bakhchisarai Palace Museum (1920–1934). Kazan – Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2020. 544 p. (In Russian)
5. Ivanov A. A. Inscriptions from Eski-Yurt. Northern Black Sea region and the Volga region in the relationship between East and West in the 12th–16th centuries. Rostov-on-Don: Rostov University, 1989. 25 p. (In Russian)
6. Code of monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars. Vol. IV. Old Crimea. Kazan – Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2020. 208 p. (In Russian)
7. Tizengauzen V. G. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. St. Petersburg, 1884. Vol. I. Extracts from Arabic works. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1884. 564 p. (In Russian)
8. Yakubovich M. M. Islamic Heritage of the Crimean Khanate. Dnipro: Serednyak T. K., 2018, p. 192. (In Ukrainian)

About the author: Memedulla A. Useinov – Laboratory Research Assistant of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); memedulla@list.ru

УДК 821.512.145"19":(17+111.852) DOI: 10.22378/kio.2024.2.126-131

Проблемы этнической идентификации и авторской концепции в историческом романе Гюнер Акмоллы «Татары»

Шевкет Юнусов

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Аннотация. Гюнер Акмолла – представительница крымскотатарской диаспоры Румынии, активная участница современного литературно-художественного процесса. В её романе «Татары», где охвачены социально-политические события середины XIX – начала второй половины XX века, художественно воспроизведена этническая картина мира. Насущность обращения к такой проблеме оказалась особенно актуальной в условиях подверженности влиянию других культур, когда оторванность части народа от исторических корней стала приводить к замедлению как в социально-культурном, языковом отношениях, так и в плане развития словесности. То и дело обращаясь к народным традициям и обрядам, автор своё произведение обрамляет пословицами, поговорками и паремиями, что органично вписывается в общую композиционно-концептуальную схему названного романа. Одним из маркеров этнолингвокультурной идентификации здесь выступает частое употребление этнонима(-ов) «татары» (или «крымские татары»).

Сообразно историческим реалиям центром притяжения в произведении выступает Аджи Фазыл – харизматичный человек с лидерскими качествами, который видит свою главную задачу в консолидации народа в условиях чужбины. Носителями этих идей окажутся и его дети, которые в дальнейшем примут самое деятельное участие в разрешении социальных проблем своих соотечественников как в Крыму, так и за его пределами.

Ключевые слова: роман, диаспора, картина мира, этноним, крымские татары, концепция.

Для цитирования: Юнусов Ш.Э. Проблемы этнической идентификации и авторской концепции в историческом романе Гюнер Акмоллы «Татары» // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 126–131. DOI: 10.22378/kio.2024.2.126-131

Актуальность исследования. Начало нынешнего столетия в плане создания больших прозаических форм¹ оказалось не очень продуктивным. Даже романы У. Эдемовой «В лунную ночь» («Айдын геджеде») и И. Абдурамана «Баарь», изданные отдельными книгами в 2005 и 2017 годах соответственно, были написаны на закате советского периода или опубликованы их отдельные главы. Эту картину могут несколько приукрасить роман Рустема Муедина «Нелёгкие судьбы» («Агъыр такъдирлер») [1], повествующий о драматических событиях военных лихолетий, и роман Ибраима Паши «Живая мишень» («Джанлы нишан»), в котором писатель исследует человеческую психологию в условиях социально-политической нестабильности [2]. В настоящее же время в газете «Къырым» публикуется исторический роман Алима Мидата (Куртсеитова) «Хаджи Гирай».

Явлением в нашей словесности можно назвать исторический роман представительницы крымскотатарской диаспоры Румынии Гюнер Акмоллы «Татары» [3]. Если в предыдущих работах это произведение мы рассматривали с позиций её проблематики и сюжетной организации, то в нынешней статье акцентируется проблема, обозначенная в теме конференции.

Цель исследования: показать роль романа в осмыслении этнической принадлежности его героями.

Задачи исследования:

- выделить маркеры этнической самоидентификации героев;
- определить концепцию романа.

Крымскотатарская диаспора Румынии образовалась вследствие социально-политических притеснений коренного народа Крыма, из-за которого в середине XIX века его определённая часть вынуждена была покинуть полуостров. Пережитые переселенцами в разные исторические периоды ужасы репрессивных актов, целенаправленное насаждение чувства национальной неполноценности, активное копирование опыта других культур в условиях оторванности от собственной национально-культурной традиции предопределили стагнацию и в области литературно-художественного слова нашей румынской диаспоры. Поэтому появление отмеченного романа

¹ Исторические романы Гульнары Абдулаевой (2008 г.) и Нузета Умерова «Бейбарс – султан Египта» (2016 г.) посвящены крымской и крымскотатарской тематике. Однако в отличие от вышеназванных произведений факт их написания на русском языке предполагает несколько иной подход к рассмотрению художественной формы этих полотен (прежде всего, лексической, с присовокуплением, например, устаревших выражений, идиом и т. д. сообразно языковой картине изображаемой эпохи). Иными словами, они априори не могут отображать устоявшиеся в крымскотатарской языковой культуре особенности общения и взаимодействия.

Гюнер Акмоллы явилось результатом осознания реальной угрозы полной ассимиляции, особенно опасной для малочисленных народов. Будучи выпускницей Бухарестского университета по специальности «Румынский язык и литература» и, надо полагать, осознавая роль национальной интеллигенции в дальнейшем духовном развитии народа, она посредством своих статей, очерков, стихотворных и прозаических произведений активно пропагандировала историческое прошлое и настоящее своего народа. А тот факт, что в 2003 году Г. Акмолла возродила журнал «Эмель» и стала его главным редактором, способствовал более широкой популяризации произведений крымскотатарских писателей, проживающих как на полуострове, так и за его пределами.

Описываемые в романе «Татары» события охватывают середину XIX – начало второй половины XX века, где описаны факты, связанные с процессами эмиграции, русско-турецкой войной 1877–1878 гг., Балканскими войнами 1912–1913 гг., Первой мировой войной, периодом коллективизации в Румынии и т. д. Однако основной акцент романа «Татары» сделан на ментально-бытийных и лексико-семантических аспектах, т. е. этнической картине мира. Так, особый колорит произведению придают повествования о свадебных обрядах, бережно хранимых и соблюдаемых старшими поколениями крымскотатарской диаспоры, где живо представлены картины «доброй старины»: читатель становится «свидетелем» таких национальных обычаев, как «Киев кьонушмасы» («Речь жениха»), «Телли кьораз» («Золотой петушок»), «Пенджереге бармакь» («Появление жениха у окошка невесты»). Цель их художественного воссоздания продиктована неистовым желанием автора показать своеобразие как отдельного татарина, так и неповторимый социальный портрет своего народа. В этом контексте она искренне жалеет о давно минувшей эпохе, где царили духовное единство, непререкаемое уважение к традициям и старшим, неподдельная моральная чистота односельчан. Строгим блюстителем вековых обычаев в произведении выступает Аджи Фазыл, который, испытывая жгучее чувство ответственности перед грядущими поколениями, отягощён мучительными думами о будущем своего народа, волею судьбы оказавшегося на чужбине. Главную свою задачу он видит в сплочении народа: «Zaaten qırımtatarları vatandan alğan terbiyelerimen Dobrucada bile yaşayışların ileri süreler eş deniştirmeden tertipni, belki de qorqıp modernizma ketirebilir yaman uzaqlaşmaqnı ya da unutmaqñı. Ekisi de tehlikeliday korine milletin irimesine dair ileride... Bo uzaq ve yabancı cerlerde er şiy bolar» («Крымские татары, опасаясь чрезмерного дистанцирования или возможного забвения в условиях модернизации жизни, и в Добрудже придерживаются обычаев, принесённых с родины. Ведь эти два начала таят в себе опасность для народа в будущем... Всего можно ожидать в этом далёком и чуждом краю»), – зву-

чат в унисон слова автора как знак солидарности с чувствами и действиями своих героев. Как следствие, складывающаяся политическая обстановка в стране стимулировала появление национальных политических лидеров. Одним из таких ярких представителей диаспоры оказывается Неджип Аджи Фазыл, лидерские качества которого проявляются в самые опасные и ответственные моменты. Так, довольно скрупулёзно описывается история перемещения из Одессы в Румынию деятелей крымскотатарской культуры и учёных, оказавшихся в тяжёлых условиях в период оккупации Крыма немцами. Неджип (в романе – Наим) лично руководит подготовкой к отправке целого эшелона. Его рациональные соображения консолидируют общество, поскольку наставления старшего поколения, нацеленные на формирование в обществе атмосферы поиска опоры в родной истории, не прошли даром. Такая преемственность способствовала порождению созидательных настроений среди переселенцев.

Естественно, одним из определяющих факторов сохранения этнической самоидентификации вынужденных переселенцев из Крыма является частое и сознательное обращение и автора, и героев рассматриваемого романа к эндоэтнониму «татары» или «крымские татары» [4, с. 7]. С этими понятиями здесь органично связаны такие социальные явления, как институт сватовства, талакъя², встреча односельчан в къаве (кофейня), обычаи наречения имени младенцу, чыньлашув³, особое уважение к гостю⁴. Однако этот этнонациональный микромир начинает постепенно разрушаться вследствие урбанизации и заточения национальных лидеров.

В кратком вступлении к книге Г. Акмолла информирует о том, что произведение написано в наизидание потомкам, чтобы они знали о славном прошлом своего народа. Таким образом автор романа выступает связующим звеном между старшим и последующим поколениями той части народа, которая оказалась за пределами родины. Наряду с повествованием о трудном пути их становления, прозаик предупреждает, что в условиях оторванности от исторической родины (XXI-cı asırğa kene de vatansız kirgeni uşun – в XXI век он опять вступил без родины) переселенцы рискуют оказаться в плену забвения и дальнейшей ассимиляции.

² Талакъя – древний метод взаимопомощи у крымских татар, когда все село помогает в строительстве или восстановлении дома.

³ Чыньлашув – импровизированные народные четверостишия на различные темы, исполняемые на праздниках и зачастую имеющие соревновательный характер.

⁴ В этом романе часто используется выражение «Alla misafir» (т. е. «Гость – подарок Всевышнего»). В знак особого расположения встречающая хозяйка готовит для него чебуреки (şiborek).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муедин Р. Агъыр такъдирлер. Симферополь: Крымучпедгиз, 2009. 333 с.
2. Паши И. Джанлы нишан. Симферополь: Таврия, 1998. С. 3–138.
3. Akmolla Güner. Tatarlar. Dobruca, 2009. I cilt. 303 s.; II cilt. 243 s.
4. Бекирова О. В. Особенности развития крымскотатарской литературы в условиях румынской эмиграции: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук: 10.01.02 – Литература народов РФ (крымскотатарская литература) / Бекирова Ольга Валериевна. Казань, 2021. 20 с.

Сведения об авторе: Юнусов Шевкет Эльвисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии Института филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (295007, пр. Академика Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация); schew.yunusoff2010@yandex.ru

The problems of ethnic identification and the author's concept in the historical novel “Tatars” by Güner Akmolla

Shevket Yunusov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Annotation. Güner Akmolla, a representative of the Crimean Tatar diaspora in Romania is an active participant in the modern literary and artistic process. In her novel “Tatars”, which covers the socio-political events of the mid-nineteenth and early second half of the twentieth century, the ethnic picture of the world is artistically reproduced. The urgency of addressing such a problem turned out to be particularly relevant in conditions of exposure to the influence of other cultures, when the isolation of a part of the people from their historical roots began to slow down both in socio-cultural, linguistic relations, and in terms of the development of literature. Turning to folk traditions and rituals every now and then, the author frames her work with proverbs, sayings and parodies, which organically fits into the general compositional and conceptual scheme of the named novel. One of the markers of ethnolinguocultural identification here is the frequent use of the ethnonym(s) “Tatars” (or “Crimean Tatars”).

In accordance with historical realities, the center of attraction in the work is Ajin, a charismatic man with leadership qualities who sees his main task in consolidating the people in a foreign country. His children will also be the bearers of these ideas, who in future will take an active part in solving the social problems of compatriots both in the Crimea and abroad.

Keywords: novel, diaspora, worldview, ethnonym, Crimean Tatars, concept.

For citation: Yunusov Sh.E. The problem of ethnic identification and author's concept in the historical novel "Tatars" by Güner Akmolla. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*=*Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 126–131. DOI: 10.22378/kio.2024.2.126-131

REFERENCES

1. Muedin R. Hard Destinies. Simferopol: "Krymuchpedgiz" Publishing house, 2009. 333 p. (In Crimean Tatar)
2. Pashi E. Live Target. Simferopol: "Tavriya" Publishing house, 1988. Pp. 3–138. (In Crimean Tatar)
3. Akmolla Güner. Crimean Tatars. Dobruca, 2009. Volume I. 303 p.; Volume II. 243 p. (In Crimean Tatar – steppe dialect)
4. Bekirova O.V. Features of development of the Crimean Tatar literature in the context of Romanian emigration: abstract of a dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Kazan, 2021. 20 p. (In Russian)

About the author: Shevket E. Yunusov – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of the Crimean Tatar Philology, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Academician Vernadsky ave., Simferopol 295007, Russian Federation); schew.yunusoff2010@yandex.ru

Формирование современных тюркских наций и проблема самоназвания

Эмир Аблязов

Газета «Голос Крыма new»

Аннотация. В конце XIX – первой половине XX веков произошел процесс становления современного национального самосознания у многих других тюркских народов, в том числе крымских татар. Наследие прошлых веков, когда главное значение имела принадлежность человека к определённой религии, региону, племени или роду, постепенно уходило в прошлое. Постепенно возникла светская национальная идентичность, единый литературный язык. Переосмысливалось историческое прошлое. В некоторых случаях одним из маркеров этих процессов могли выступать и споры о самоназвании нации. Чтобы лучше понять социальные и политические процессы, происходившие в то время в Крыму, следует учитывать и исторический опыт других тюркских стран и народов. Тем более, что в конце XIX – начале XX веков большая часть тюркских народов была объединена под властью Российской империи и соответственно находились в более или менее одинаковых социально-политических и экономических условиях. Имея схожие интересы и общие проблемы, элиты многих тюркских народов, стремились наладить взаимодействие друг с другом.

В данной статье рассматривается процесс становления национального самосознания в Азербайджане, который сопровождали споры о том, как называть население этой страны – азербайджанскими тюрками или азербайджанцами. Также рассказывается о некоторых аспектах взаимодействия крымскотатарского и азербайджанского национальных движений.

Ключевые слова: Крым, Азербайджан, крымские татары, азербайджанцы, азербайджанские тюрки, М. Шахтахтинский, Ю. Везиров.

Для цитирования: Аблязов Э.К. Формирование современных тюркских наций и проблема самоназвания // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 132–148. DOI: 10.22378/kio.2024.2.132-148

В 1912 году российский ученый-востоковед Александр Самойлович (1880–1938) снабдил свою статью, посвященную памяти известного тюрколога В. В. Радлова, следующим весьма показательным примечанием: «Среди турецких племен, имеющих особые племенные имена, имеется несколько племен, называемых татарами: крымские татары, касимовские татары, литовские татары, казанские и поволжские татары, западно-сибирские татары. Некоторые та-

тарские писатели пытаются в настоящее время вывести из употребления имя «татар», заменив его или именем «тюрк», или именем «булга»р и т. п. Имя «татарин», как племенное, имеет все права на существование, однако не следует злоупотреблять этим именем, не следует прилагать его к таким племенам, которые татарами никогда не были, в роде минусинских турок, восточно-туркестанских турок и т. д.» [11, с. 25].

Из этих слов видно, что А. Самойлович не имел ничего против использования этнонима «татары», высказываясь лишь против распространения этого термина на те народы, которые, по его мнению, татарами себя не считали. Примечательно, что вольно или невольно ученый упоминает крымских татар первыми среди других тюркских народов, носящих имя «татары».

Необходимо заметить, что А. Самойлович употребляет здесь слова «турок» и «турецкий» в значении «тюрок» и «тюркский» [12, с. 16–17]. Обосновывая свою позицию, А. Самойлович ссылаясь на точку зрения другого видного востоковеда-тюрколога П. М. Мелиоранского:

«Часть ученых (преимущественно немецких) усвоила из значительной части турецких наречий название „тюркских“ для того, чтобы не подавать повода к смешиванию разного рода турецких и „татарских“ племен и наречий с турками-османами, которых в публике привыкли считать и называть „турками“ *par excellence*. Однако в научной литературе давно уже утвердилось за европейскими турками название османов, или лучше „османлы“... Поэтому мы присоединяемся к тем ученым, которые не считают нужным вводить два термина „турок“ и „тюрк“, так как все вышепоименованные народы и племена с таким же правом могут носить объединяющее их имя „турок“, как всевозможные славяне... имя славян» [3, с. 126–127].

Этот подход, однако, не прижился в отечественной науке. Прежде всего потому, что на месте распавшейся Османской империи в 1923 году возникла современная Турецкая Республика.

Постановка вопроса

На рубеже XIX и XX веков тюркские народы вступали в новую эпоху своего исторического развития, переживая переломный этап в процессе становления своего национального самосознания. Это был сложный и многогранный процесс, затрагивавший различные аспекты общественно-политической жизни.

Выработка литературного языка, становление светского национального самосознания, переосмысление своего исторического прошлого и своего места в современном мире относительно других наций и народов были важными маркерами происходивших изменений. Одним из ярких проявлений этого были и вспыхивавшие в среде нарождающейся национальной интеллигенции, дискуссии о названии своей нации и правильности применения по отношению к ней того или иного этнонима. Яркий пример такой дискуссии можно найти в истории Азербайджана.

1 (13) мая 1891 года ежедневная бакинская газета «Каспий» опубликовала небольшую статью под названием «Как называть закавказских мусульман?». Ее автором был известный на Южном Кавказе публицист, педагог и общественно-политический деятель Мухаммед-ага Шахтаhtинский (1846–1931). Излагая суть занимавшего его вопроса, М. Шахтаhtинский писал следующее:

«До недавнего времени на русском языке называли закавказское магометанское население мусульманами, разумея под этим не вообще исповедателей ислама, а говорящее на тюркском языке население русского Закавказья. Подобное название народности по имени ее религии заимствовано русскими от самих закавказских магометан, которые и поныне называют свою народность и свой язык только мусульманскими, потеряв понятие о языке в понятии о религии. На вопросы, какой он народности и на каком языке говорит, закавказский магометанин другого ответа не дает, кроме того, что он мусульманин и говорит по-мусульмански. Армяно-католики тоже называют свою народность и свой язык только католическими.

Желая дать закавказским магометанам имя, исходящее не от их веры, а от их народности, за последнее время начали на Кавказе на русском языке называть закавказских магометан татарами. Нововведение это нельзя никоим образом назвать удачным» [15].

Аргументируя нежелательность употребления этнонима «татары» М. Шахтаhtинский писал, что язык мусульманского населения Закавказья «не татарский, а турецкий или, что одно и то же, тюркский, делящийся на главные диалекты: османский, сельджукский и азербейджанский». Он также утверждал, что ни персы, ни османы, ни курды, ни армяне никогда не называли своих ближайших соседей татарами. «Со времени нашествия Тамерлана имя «татарин» произносится не без злобы и ненависти во всей Азии, которую так незабвенно опустошил грозный монгольский завоеватель», – писал М. Шахтаhtинский.

Продолжая обосновывать свою позицию, он указывал на то, что проживающее в Баку русское население, видя разницу между «закавказским тюрком» и татарами внутренних губерний России, называет первых персианами. Но и это название нельзя считать правильным ввиду полного различия тюркского и персидского языков.

В конечном итоге М. Шахтаhtинский приходил к следующему заключению: «Удобнее всего было бы называть закавказских мусульман азербейджанцами, а их язык азербейджанским. Провинция Азербейджан, большая часть которой отошла от Персии к России и составляет нынешнее Закавказье, населена почти исключительно этим тюркским народом, который как восточные писатели, так и европейские географы и этнографы иначе и не называют, как азербейджанскими турками. В обиходной жизни неудобно называть народ или язык двумя словами, говоря, например: азербейджанский турок или азербейджанский турецкий язык. Потому целесообразнее было бы на

русском языке закавказских мусульман, вместо татар, называть адербеджанцами, а закавказский тюркский язык вместо татарского адербеджанским».

Эта статья М. Шахтахтинского показывает, что в конце XIX века среди тюркоязычного населения Южного Кавказа начался период пробуждения национального самосознания. Если в средние века, прежде всего была важна религия, которую исповедовал человек, его принадлежность к тому или иному роду, клану, племени, то теперь наступала новая эпоха и общество должно было меняться в соответствии с ее вызовами.

В том же 1891 году издававшаяся в Тифлисе (Тбилиси) тюркоязычная газета «Кешкюль» опубликовала материал М. Султанова, в котором так же затрагивалась проблема национальной идентичности мусульманского населения Южного Кавказа. Ведя диалог с воображаемым собеседником, который был, видимо, собирательным образом простого человека, автор стремился продемонстрировать то, какая путаница могла царить в то время в людских умах:

«Вопрос: Какой ты национальности (миллет)?

Ответ: Я мусульманин, тюрк (турок).

Вопрос: Турок-осман?

Ответ: Нет, я байчанлы.

Вопрос: Где находится страна, в которой живут байчанлы?

Ответ: Я могу сказать примерно так, что по одну сторону Аракса живут азе́ри, а по другую – байчанлы. А вместе все называется азербайджани. Но по отдельности мы – байчанлы. (Т. Свентоховский приводит несколько другой вариант перевода последних двух предложений, отмечая наличие игры слов: «По отдельности мы – не “азербайчанлы”, а “бичанлы”. “Бичанлы” означает “бездушный”» [13, с. 16]).

Вопрос: Но ты говоришь по-тюркски, значит, ты турок (тюрк).

Ответ: Это невозможно точно описать словами. Я – тюрк (турок) и одновременно – байчанлы.

Вопрос: Если вы считаете себя тюрками-байчанлы, почему вы не устраните это противоречие, называя себя просто азербайджанскими тюрками?» [1, с. 62–63]

Таким образом, автор «Кешкюля», как и корреспондент «Каспия», считал необходимым внести ясность в вопрос о названии своей нации. Оба они полагали необходимым утвердить среди своих соотечественников приоритет светского самосознания над религиозным, подчеркивая при этом отличие своего народа от говоривших на родственном языке турок-османов.

Но в отличие от М. Шахтахтинского «Кешкюль» считал необходимым учесть в названии нации не только территориальную (азербайджанцы), но и языковую составляющую идентичности народа (тюрки-азербайджанцы). Таким образом, начинался спор о том называть ли тюркское население Южного Кавказа азербайджанцами или же азербайджанскими тюрками. То затухая, то вспыхивая, вновь он продолжался в течение последующих ста лет.

Два берега одной реки

Как видно из приведенных выше текстов, нарождающееся в конце XIX века, национальное самосознание тюрко-мусульманского населения Азербайджана четко отделяет себя от говорящих на родственном языке турок-османов. Но выстраивание национальной идентичности требовало для идеологов национального движения и определения своего отношения к соседней Персии и ее многонациональному населению.

В то время как М. Шахтахтинский просто отвергал идею называть тюркоязычное население Южного Кавказа персиянами, подчеркивая различие тюркского и персидского языков, то газета «Кешкюль» делала особый акцент общности тюркского населения, проживавшего по обоим берегам пограничной реки Аракс.

На протяжении более чем тысячи лет тюркские народы и персы жили рядом друг с другом. И если турки подверглись большому влиянию древней персидской культуры, то сама Персия в течение многих веков управлялась различными тюркскими династиями. Так, например, власть династии Сефевидов (XVI–XVIII вв.) опиралась на союз кызылбашских племен. Кызылбаши были в большинстве своем тюрками, населявшими территорию Азербайджана.

Идеология кызылбашских правителей строилась вокруг защиты и продвижения интересов шиитской версии ислама. Религиозный фактор приобрел большую роль в рамках противостояния империи Сефевидов с Османской империей. Последняя, позиционировала себя в качестве защитника мусульман-суннитов. Геополитическое противостояние вылилось в ряд многолетних, кровавых войн между двумя могущественнейшими империями.

Исповедование одной религии – шиитской версии ислама – сближало турок Азербайджана и персов. В то же время продолжительное противостояние с османами делало их в глазах кызылбашей смертельными врагами несмотря на общие этнические корни, восходившие ко временам тюрк-сельджуков.

После кризиса, который пережила Персия в XVIII веке, к власти приходит новая шахская династия тюркского происхождения – Каджары. Империя вступает в период упадка и ослабления центральной власти. На территории Азербайджана возникает ряд полунезависимых ханств.

По итогам русско-персидских войн 1804–1813 и 1826–1828 годов ряд ханств Азербайджана были включенными в состав Российской империи. Как справедливо отмечает в одной из своих работ профессор Тадеуш Свентоховский, это был поворотный момент в истории Азербайджана, когда страна и ее народ оказались разделенными на две части границей, пролегшей между царской Россией и государством Каджаров по реке Аракс (Араз) [13, с. 11].

Национальная печать и ее основатели

Во второй половине XIX века культурная жизнь мусульманских народов Российской империи переживала период возрождения и обновления. Азербайджан находился в авангарде этих процессов. Именно здесь жил и творил один из выдающихся писателей-просветителей того времени Мирза Фатали Ахундов (1812–1878).

Касаясь темы творческого наследия М. Ф. Ахундова, Т. Свентоховский отмечал следующий весьма примечательный момент:

«Так как литературное возрождение исходило из необходимости распространения идей просвещения среди как можно большего числа людей на понятном им языке, данное движение неизбежно вело к созданию новой групповой идентичности. И если Ахундаде не сомневался в том, что его духовной родиной был Иран, то страной, где он вырос и чей язык стал для него родным, являлся Азербайджан. Его лирическая поэзия была написана на персидском, но труды, затрагивавшие вопросы социального значения, создавались им на родном языке его народа, который он именовал “тюрки” (тюркским). Без какого-либо “раздвоения личности” он сочетал более широкую иранскую идентичность с идентичностью азербайджанской, употребляя термин “ветен” (родина) – для обозначения обеих стран. С этой идеей Ирана как “родины родин” он стал важнейшей фигурой литературного возрождения, процесса, который, по иронии истории, вел к освобождению азербайджанцев в Российской империи от длившегося столетиями иранского культурного доминирования. Эта “деиранизация” нашла определенную поддержку у российских властей, стремившихся ослабить идентификацию азербайджанцев с Ираном. Но поддержка эта была неискренней и непрочной. После отставки просвещенного и либерального Воронцова она свелась к не слишком благожелательной терпимости, а затем, в царствование Александра III, попытке языковой русификации» [13, с. 13].

Как известно, М. Ф. Ахундов в 1840–1850-е годы служил переводчиком в канцелярии царского наместника на Кавказе М. С. Воронцова. Примечательно, что в 1842–1853 годах в непосредственном подчинении М. С. Воронцова в качестве «особого порученца» находился Мустафа Гаспринский – будущий отец великого просветителя [5, с. 19].

В 1875 году учитель бакинской гимназии Гасанбек Зардаби (Меликов) начинает издание газеты «Экинчи» («Земледелец») – первого частного тюркоязычного издания в России. Т. Свентоховский обращает особое внимание на то, что Г. Зардаби был по вероисповеданию суннитом. По его мнению, деятельность Г. Зардаби способствовала артикуляции тюркской идентичности Азербайджана. Это не нравилось царским властям, которые опасались роста проосманских настроений на Южном Кавказе и во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов газета «Экинчи» была закрыта.

Несмотря на то, что основанное Г. Зардаби издание просуществовало недолго, это событие имело большое значение с точки зрения его просвещенных современников. Спустя несколько лет после закрытия «Экинчи» один из них, начиная свой собственный издательский проект, счел необходимым хоть в нескольких штрихах очертить историю появления тюркской печати в России:

«В 1875 г. учитель гимназии Асан-Бек Меликов предпринял в Баку издание еженедельной газеты «Земледелец» на азербайджанском наречии, но, к сожалению, она просуществовала недолго. С 1879 г. в Тифлисе на том же наречии издается бр. Унси-Заде газета «Луч Кавказа» и с начала этого года начато издание ежемесячного литературно-политического журнала «Сборник», обещающего быть серьезным изданием» [10].

Это строки из заметки «Мусульманская печать в России», опубликованной Исмаилом-беем Гаспринским в первом номере газеты «Терджиман», увидевшем свет в Бахчисарае 10 (22) апреля 1883 г. Следует отметить, что под журналом «Сборник» здесь как раз подразумевается упоминаемое выше издание «Кешкюль». Начавший издаваться в январе 1883 года «Кешкюль» был впоследствии преобразован из журнала в газету и просуществовал до 1891 года.

И. Гаспринский несомненно был единомышленником Г. Зардаби и братьев Саида и Джеляла Унси-Заде. Примечательно, что, как отмечает В. Ганкевич, свои первые издательские опыты И. Гаспринский осуществил именно в тифлисской типографии братьев Унси-Заде. Именно там были отпечатаны сборники «Тонгуч» («Первенец») и «Шафак» («Рассвет»), явившиеся предшественниками «Терджимана» [5, с. 104–105].

На страницах «Терджимана» И. Гаспринский использовал по отношению к тюркоязычному населению Кавказа термины как «татары», так и «адербейджанцы». В частности, в статье «Поэзия закавказских татар», опубликованной в октябре 1890 года, можно прочесть следующее: «Ни одна из отраслей нашего племени не богата так народными поэтами и народной, в то же время изящной, поэзией, как татары Закавказья. Сказывается ли тут влияние природы или соседство поэтической Персии, но первенство в поэзии должно принадлежать адербейджанцам сравнительно не только с северными и восточными татарами, но даже с османскими турками» [7, с. 407–408].

Использовал И. Гаспринский и термины «кавказские мусульмане» или «мусульмане Закавказья». При этом слово «адербейджанцы» у И. Гаспринского скорее имеет больше признак территориальной чем национальной принадлежности, и стоит в том же ряду, что, допустим «казанцы» или «крымцы» [6, с. 135–136].

И. Гаспринский не упускал случая подчеркнуть схожесть языков тюркских народов. «Европейская Россия вместе с Кавказом и Дагестаном собирает

пятнадцать вилайетов (губерний), где проживает около пяти миллионов магометан. Многие из них тюрко-татарские племена, язык же у них единый. Более того, в разговорной речи они легко объясняются. И все они с лёгкостью могут пользоваться одним литературным языком. Бумага, написанная в Казани, понятна в Оренбурге, Шеки и Бахчисарае. Литературный оборот Бахчисарая с тем же изяществом применителен везде» [6, с. 52], – писал он еще в 1881 г.

Целью И. Гаспринского было создание единого тюркского литературного языка. Однако эта идея не встретила однозначного одобрения. В последние предреволюционные десятилетия в основных регионах населенных тюркскими народами, шли активные споры по вопросу о языке. В конечном итоге спор о языке был решен в пользу самостоятельного развития различных тюркских языков.

Годы революции

В 1917 году увидела свет небольшая статья проживавшего в то время в Киеве молодого азербайджанского писателя Юсифа Везирова (Чемензеинли) под названием «Автономия Азербайджана». Как следует из ее названия, статья эта была посвящена обоснованию необходимости автономии Азербайджана в составе обновленной федеративной республиканской России. Но начинал её Ю. Везиров с обращения к вопросу о самоидентификации своей нации:

«Нас, азербайджанских или закавказских тюрков, очень мало знают в России. Причина этого кроется отчасти в неосведомленности русского общества, а более всего в отсутствии хотя бы любознательности у русской буржуазной печати. Последняя более детально останавливается на описании тактики какого-нибудь негра-борца, нежели насущных потребностей народов России. О старом правительстве и говорить не приходится: оно не только не интересовалось языком, бытом, нравом и традицией своих народов, но нарочно коверкало и искажало национальную физиономию их. Официально нас называли «кавказскими татарами», да и теперь этот термин, наследие недоброй старины, продолжает существовать по отношению к нам. Чаще всего величают нас «Мусульманами Закавказья» (магометанами).

Как тот, так и другой термин далеко не удовлетворительны. Называя «татарами», «предупредительное» русское правительство просто «оберегало» и «охраняло» нас от соседних турок. Мусульманство же определяет нашу религию, а не национальность» [4].

Затем Ю. Везиров перечисляет губернии и области Южного Кавказа, в которых «тюрки-азербайджанцы представляют значительную часть населения». В этих пределах по его мысли, и должно было быть создано «здание будущего автономного Азербайджана». При этом он придает важное значение поддержанию дружеских отношений между основным населением Азербайджана и национальными меньшинствами:

«В Азербайджане кроме тюрков живут армяне, грузины, евреи, русские – все эти народы, составляют меньшинство населения.

Свободный Азербайджан, конечно, обеспечит свободу и права меньшинства. Живя в союзе с другими территориально-автономными единицами России, турки сумеют поддерживать дружбу и со всеми народностями Азербейджана» [14].

Таким образом, можно констатировать, что в сознании Ю. Везирова гармонично сосуществовали Азербайджан, как страна, имеющая вполне конкретные географические очертания, и его основное население, которое он определял как тюрков-азербайджанцев или просто тюрков.

Ю. Везиров был одним из участников Съезда народов, состоявшегося в Киеве 8–14 (21–27) сентября 1917 года. В материалах этого съезда, проводившегося в поддержку идеи федерализации России, указывается, что в нем принимали участие делегации белорусов, грузин, эстонцев, евреев, казаков, латышей, литовцев, поляков, румын, русской партии социалистов-революционеров, татар, тюрков и украинцев [14].

Татарская делегация, возглавлявшаяся Дж. Сейдаметом и А. Озенбашлы, состояла из 10 человек. В основном это были прибывшие из Симферополя члены Временного крымского мусульманского исполнительного комитета (ВКМИК). Кроме того в ее составе значились представитель Всероссийского мусульманского военного Шуро Юсуф Музафаров (казанский татарин) и Джихангир (Джагангир) Гамзаев [14, с. 18]. Интересно, что последний являлся уроженцем Гянджи, приехавшим в Киев еще до революции, чтобы получить высшее образование [16, с. 216]. Описывая работу съезда народов на страницах газеты «Ачыг сёз», Ю. Везиров упоминает, что Д. Гамзаев был делегирован на него в качестве представителя киевского татарского комитета [18, с. 27]. Надо полагать, в этом проявлялся элемент сотрудничества между крымскотатарским и азербайджанским национальным движением. Крымских татар в то время в Киеве было немного, и азербайджанские активисты могли помогать ВКМИК в деле представления его интересов при местных учреждениях.

Выступая на съезде народов, Д. Гамзаев в частности говорил о том, что царские власти на Кавказе называли местное тюркоязычное население татарами, боясь того, что осознав свою тюркскость, оно захочет присоединиться к османам [18, с. 27]. Впоследствии, в 1918 году Д. Гамзаев занял должность секретаря в азербайджанском представительстве в Киеве.

Рассказывая о съезде народов, Ю. Везиров отмечал, что среди его делегатов были представители «крымских и азербайджанских тюрков» («Kırım türkləri və Azərbaycan türkləri») [18, с. 25], но, описывая выступления Айше Исхаковой и Амета Озенбашлы, он уже употреблял термин «крымские татары» [18, с. 26].

Делегаты, представлявшие на съезде интересы Азербайджана, указывались в опубликованных по итогам его работы материалах как представители турков. Таковых было пять человек, включая самого Ю. Везирова, и все они были обозначены как члены тюркской партии федералистов [14, с. 19].

Следует отметить, что тюркская партия федералистов начала свою деятельность в марте 1917 года в Гяндже. Ее лидером был Насиб-бек Усуббеков. В июне того же года федералисты слились с партией Мусават (Равенство). Объединенная политическая сила получила название – «Тюркская демократическая партия федералистов Мусават» [2, с. 315–316].

Ю. Везиров и национальное движение крымских татар

Весной 1918 года Юсиф Везиров, оставив Киев, приехал в недавно занятый германскими войсками Крым. В Крыму Ю. Везиров вел активную общественную деятельность. На страницах крымскотатарской газеты «Миллет» выходит цикл статей писателя «Азербайджан и азербайджанцы» (1919 г. № 111, 113–116). В этих публикациях он стремился дать крымскому читателю краткую информацию об истории Азербайджана, его литературе, искусстве, экономике, общественной жизни [14, с. 113].

Но публицистика Ю. Везирова не ограничивалась лишь попытками познакомить крымских татар с современным положением Азербайджана и его культурой. Значительный интерес представляет и написанная в это время работа Ю. Везирова под названием «История литовских татар» (Litva tatarlarının tarixi).

В своих статьях публикуемых для крымскотатарских читателей в газете «Миллет» Ю. Везиров неизменно использует этноним татары, а в своих донесениях в Баку он отмечает сильную приверженность «крымцев» татарской идентичности.

Критикуя горячие головы среди крымских татар, Ю. Везиров так аргументирует свою позицию: «Крымцы наши единокровные братья. Их счастье – наше счастье, их бедствие – наше бедствие; каждый из нас желает видеть крымских братьев независимыми и свободными. Но здесь следует признать, что силы Крыма предельно малы» («Kımlılar bizim qan qardaşlarımızdır. Onların səadəti bizim səadətimiz, fəlakəti bizim fəlakətimizdir; biz hər xüsusda kımlı qardaşlarımızı hürr və sərbəst görmək istəyiriz. Lakin burası da etiraf edilməlidir ki, Kırımın qüvvəsi qayət azdır») [17, с. 247].

Весьма примечателен следующий момент из записок Ю. Везирова, где он сообщает, что знаменитый лозунг И. Гаспринского – единство в делах, языке и мыслях имеет в Крыму много противников. Он отмечает, что деятельность Гаспринского не отдалила крымских татар от идей татаризма: «Поэтому вместо закрывшейся газеты «Терджиман» стала выходить газета «Миллет». У крымцев есть горячее татарское течение. Об этом, в частности, у них есть

много записей и стихотворений. Есть одно стихотворение, где поэт восторженно говорит: “Даже если отправите меня в ад, я все равно останусь татарином”» («O, Turan fikrini təqib etməklə nəinki kırımlıları Turanla birləşdirə bildi, bəlkə onları tatarlıqdan da uzaqlaşdırdı. Bunun üçün “Tərcüman” qəzetəsi qapanıb, əvəzinə “Millət” qəzetəsi çıxdı. Kırımlılarda qızgın bir tatar cərəyanı var. Bu xüsusda onların bir çox yazıları və mənzumələri var. Bir şeirləri var ki, məaltəəsüf onu fəramuş etmişəm, orada şair qayət həyəcanlı bir surətdə deyir: Əgər mənə cəhənnəmə də sürüyüb salsanız, mən yenə tataram») [17, с. 248].

Весьма вероятно, что здесь Ю. Везиров имеет в виду стихотворение «Татарым!» («Татарин я!») известного крымскотатарского поэта Джемиля Керменчикли (1891–1942). В этом глубоко патриотическом по своему духу произведении, поэт пишет о готовности принять любые удары судьбы, перенести самые страшные кары, но не отказаться от своей национальной идентичности. Поэт заявляет, что готов попасть даже в ад, но не отречься от своего татарского происхождения:

Эр миллете дженнеттен ер верилірсе
Татар олан, дженнеттен кьувулырсе,
Абдия-и джиханде бен январым,
Лякин йине: – Татар! Татар! Татарым!
Подстрочный перевод:
Даже если каждой нации будет дано место в раю,
А татары будут изгнаны из рая,
Я готов вечно гореть в этом мире.
Но я по-прежнему буду: Татаром! Татаром! Татарином!

Известно, что стихотворение «Татарым!» печаталось в 1918 году в газете «Миллет» дважды. В первый раз в номере от 2 августа, а во второй раз в номере от 16 октября [9]. Из чего можно сделать вывод, что Ю. Везиров вполне мог быть знаком с этим стихотворением Дж. Керменчикли.

Азербайджан и его соседи

Октябрьский переворот и охватившая затем Россию Гражданская война способствовали процессам распада огромной империи. На некоторое время Южный Кавказ оказался предоставлен самому себе. В мае 1918 года была провозглашена независимая Азербайджанская Демократическая Республика (АДР). Становление молодого государства происходило в сложных условиях.

С самого начала Азербайджан оказался втянут в территориальные споры с другими новыми независимыми государствами (прежде всего Арменией). Его положение усугублялось еще и захватом власти в Баку большевиками, которые под предводительством С. Шаумяна пытались распространить свою власть на другие регионы Азербайджана. В соседней Грузии тем временем появились германские войска, однако кайзеровское правительство не желало признавать независимый Азербайджан. Берлин делал ставку на соглашение с

большевиками, намереваясь признать Баку за Советской Россией в обмен на признание последней независимости Грузии и поставки нефти.

Но появление на Южном Кавказе турецких войск (Кавказская исламская армия) переломило ситуацию в пользу Азербайджана. Осенью 1918 года турецкие и азербайджанские войска взяли Баку. Отныне этот стратегически важный город на берегу Каспийского моря стал столицей Азербайджана. Вскоре, однако, поражение Центральных держав в Первой мировой войне привело к выводу османских войск с Южного Кавказа и прибытию в Баку английских военных.

Таким образом, в течение 1918–1920 гг. Южный Кавказ был регионом, который, исходя из своих интересов пытались перекраивать как турки-османы, так и ведущие европейские державы. Тем временем, отчаянно боровшиеся друг с другом, лидеры белых и красных, вынашивали планы по восстановлению власти России над Южным Кавказом, после своей победы в Гражданской войне.

Но была и еще одна сторона внимательно наблюдавшая за происходящими в регионе процессами. Персия, управляемая еще династией Каджаров, была слишком слаба, чтобы вступить в борьбу за Южный Кавказ. Однако в Тегеране прекрасно помнили о том, что всего лишь сто лет тому назад большая часть Южного Кавказа подчинялась именно их власти. И еще более хорошо там помнили об огромном количестве тюркоязычного населения в провинциях, граничащих с молодой Азербайджанской Республикой.

Министр иностранных дел АДР Алимардан-бек Топчибашев в своих записках оставил весьма интересное описание беседы с персидским послом в Османской империи Мирзой Махмуд-ханом.

«Вы, конечно, не можете сомневаться, что мы, персы, от души рады вашей свободе. Если армяне и грузины на Кавказе образуют свободные государства, то почему мусульмане так же не могут делать этого. Следовательно, мы не можем быть против вашей самостоятельности, мы первые должны ее приветствовать... Но вы назвали ваше государство «Азербайджаном», что это означает? Означает ли это притязание ваше на настоящий Азербайджан, который находится в пределах Персии?», – говорил персидский посланник А. Топчибашеву, нисколько не скрывая своего раздражения происходящим.

Со своей стороны А. Топчибашев уверял Мирзу Махмуд-хана в отсутствии каких-либо территориальных притязаний. «Такого притязания у кавказских азербайджанцев не было и нет. Ведь это географический термин: Азербайджан имеется на Кавказе и в Персии», – заявлял он.

Однако его собеседник с волнением продолжал свою речь, обнаруживая полное неприятие самой мысли о наличии у тюркоязычного населения Южного Кавказа самостоятельной национальной идентичности:

«Нет, Excellance. Тут больше, чем одна география. Далее. Вы себя считаете азербайджанскими турками. Между тем, в Азербайджане – вообще на Кавказе и в Персии – нет вовсе турок: все персы, ваши отцы и деды – все были персами... У вас цивилизация, культура, традиции, обычаи, даже костюм – все персидские. Впрочем, это вина не ваша. Тон был дан отсюда. Урмия, Соуд-Гулаг, Азербайджан с Тавризом и закавказские мусульмане – всё это входило в планы здешних деятелей, искавших турок там, где их нет» [8, с. 53–54].

Этот диалог, происходивший в Стамбуле в ноябре 1918 года, весьма красноречиво показывает настроения иранских элит, желавших видеть в азербайджанском национальном движении отнюдь не самоопределение народа, а всего лишь направленные против интересов их страны интриги младотурецкого правительства.

Нельзя обойти вниманием и контакты А. Топчибашева с представителями западных стран. Министру иногда приходилось начинать эти встречи с объяснений того, где находится Азербайджан и кто его населяет. Так, американский представитель Браун, услышав название Азербайджан, решил, что его собеседник армянин, тогда как английский полковник Тампл, считал жителей Азербайджана персами [8, с. 66]. «Извините, в Кавказском Азербайджане есть, правда, и армяне, но их очень мало; население же Азербайджана состоит из азербайджанских турок-мусульман. Главный город нашей страны – это Баку» [8, с. 86], – так А. Топчибашев разъяснял американцу ситуацию.

Итак, в период недолгой независимости АДР за ее государствообразующим народом закрепилось название «азербайджанские турки» («азербайджанские турки»). Язык, соответственно, именовался азербайджано-тюркским.

Весной 1920 года в Азербайджан вошли части Красной Армии и в республике утвердилась Советская власть. В первые полтора десятилетия существования коммунистического режима утвердившийся в годы независимости этноним «азербайджанские турки» продолжал активно использоваться [3, с. 129–130]. Однако в середине 1930-х годов государственная политика в этом вопросе меняется. В процессе принятия новой советской конституции 1936 года в качестве официальных утверждаются наименования «азербайджанцы» и «азербайджанский язык» [3, с. 130]. Очевидно, это решение имело политическую подоплеку и должно было демонстрировать независимость азербайджанской национальной идентичности от турецкой.

После распада Советского Союза в Азербайджане вновь вспыхнули дискуссии вокруг вопроса об этнониме и названии национального языка. В первые годы независимости был принят закон о государственном языке, в котором тот был обозначен как азербайджанский тюркский. Но новая конституция страны, принятая в 1995 году, утвердила за государственным языком наименование «азербайджанский». Тем самым был положен конец и дискуссии вокруг этнонима.

При этом надо отметить, что опыт Азербайджана в вопросе этнонима нельзя бездумно переносить на крымских татар. В отличие от Азербайджана в Крыму этноним татары имел прочные исторические основания, восходящие к эпохе Золотой Орды и Крымского ханства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аух Е.-М. Между приспособлением и самоутверждением. Ранний этап поисков национальной идентичности в среде мусульманской интеллигенции и возникновение нового общества на Юго-Восточном Кавказе (1875–1905) // Азербайджан и Россия: общества и государства. Отв. ред. и сост. Д.Е. Фурман. М.: Летний сад, 2001. С. 50–87
2. Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века (1900–1917). Баку: «Елм», 1997. 336 с.
3. Благова Г. Ф. Вариантные заимствования турок ~ тюрк и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов) // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, 1973. С. 93–140.
4. Везиров Юс.-Б. Автономия Азербайджана // Свободный союз, № 1, октябрь 1917 г. С. 4–5.
5. Ганкевич В. На службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь: Доля, 2000. 328 с.
6. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / Гл. ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитмететова. Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 384 с.
7. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т.3. Публицистика: 1887–1890 гг. / Гл.ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитмететова. Казань – Симферополь: Институт истории им.Ш. Марджани АН РТ, 2019. 560 с.
8. Дипломатические беседы А. А. Топчибашева в Стамбуле (записи чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики). 1918–1919 гг. Баку: «Эргюн», 1994. 160 с.
9. Киримов Т. Н. К вопросу о транслитерации стихотворений Джемиля Керменчикли с арабской графики на кириллицу // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы КИПУ. Т. 1 / сост. Киримов Т. Н. Симферополь: Крым-учпедгиз, 2011. С. 264–276.
10. Мусульманская печать в России // Терджиман № 1, 10 апреля 1883 г. С. 1.
11. Самойлович А. Н. В. В. Радлов как тюрколог // «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приморского отдела РГО», т. XV, вып. 1 (1912), СПб., 1914. С.23–33.
12. Самойлович А. Н. Вильгельм Томсен как тюрколог // «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приморского отдела РГО», т. XV, вып. 1 (1912), СПб., 1914. С. 16–17.

13. Свентоховский Т. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан и Россия: общества и государства. Отв. ред. и сост. Д. Е. Фурман. М.: Летний сад, 2001. С. 11–49.

14. Участники съезда народов // Свободный союз № 1, октябрь 1917 г. С. 14–19.

15. Шахтахинский М. «Как называть закавказских мусульман?» // Каспий, 1 мая 1893 г.

16. Cəmənzəminli Y. V. “Biz kimik?” (məqalələr) / (transfoneliterasiya, tərtib, ön söz və qeydlərin müəllifi: Şəlalə Hümətli). Bakı: Nurlan, 2004. 136 s.

17. Cəmənzəminli Yusif Vəzir. Əsərləri: III cild. Bakı, Avrasiya Press, 2005. 440 s.

18. Misir Mərdanov, Ədalət Tahirzadə. 1920-ci ilədək ali məktəblərdə oxumuş azərbaycanlılar. (Ensiklopedik soraq kitabı). III cild. F – I. Bakı: «Təhsil», 2019. 480 s.

Сведения об авторе: Аблязов Эмир Кязимович – специальный корреспондент газеты «Голос Крыма new» (295001, ул. Чехова, 17, Симферополь, Российская Федерация); emirablyazov1988@gmail.com

Formation of modern Turkic nations and the problem of self-designation

Emir Ablyazov

Newspaper “Voice of Crimea new”

Abstract. In the late 19th – first half of the 20th centuries, many Turkic peoples, including the Crimean Tatars, were in the process of developing modern national identity. The legacy of Middle Ages, when a person’s belonging to a certain religion, region, tribe or clan was of primary importance, was gradually becoming a thing of past. Gradually, a secular national identity and a single literary language emerged. The historical past was rethought. In many cases, disputes about a self-designation of a nation could be one of the markers of the processes.

To better understand the social and political processes that took place in Crimea at that time, one should also take into account the historical experience of other Turkic countries and peoples. Moreover, in the 19th – early 20th centuries, most of the Turkic peoples were united under the rule of the Russian Empire and, accordingly were in more or less the same socio-political and economic conditions. Having similar interests and common problems, the elites of many Turkic peoples sought to establish interaction with each other.

This article examines the process of formation of national self-consciousness in Azerbaijan, which was accompanied by disputes of how to call the population of the

country – Azerbaijani Turks or Azerbaijanis. It also tells about some aspects of the interaction of the Crimean Tatar and Azerbaijani national movement

Keywords: Crimea, Azerbaijan, Crimean Tatars, Azerbaijanis, Azerbaijani Turks, M. Shakhmatinsky, Yu. Vezirov.

For citation: Ablyazov E.K. Formation of modern Turkic nations and the problem of self-designation. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 132–148. DOI: 10.22378/kio.2024.2.132-148 (In Russian)

REFERENCES

1. Aukh E. M. Between adaptation and self-affirmation. The early stage of the search for national identity among the Muslim intelligentsia and emergence of a new society in the south-eastern Caucasus (1875–1905). Azerbaijan and Russia: societies and states. Editor-in-Chief and compiler D.E. Furman. Moscow: Summer Garden, 2001. Pp. 50–87 (In Russian)
2. Baghirova I. S. Political parties and organizations of Azerbaijan at the beginning of the twentieth century (1900–1917). Baku: “Elm”, 1997. 336 p. (In Russian)
3. Blagova G. F. Variant borrowings of Turks ~ Türk and their lexical isolation in the Russian language (Towards the formation of a general name for Turkic-speaking peoples). Turkological collection 1972. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 93–140. (In Russian)
4. Vezirov Yus. B. Autonomy of Azerbaijan. Free Union no. 1, October 1917. Pp.4–5. (In Russian)
5. Gankevich V. In the service of truth and education: A brief biographical sketch of Ismail Gasprinsky (1851–1914). Simferopol: Dolya, 2000. 328 p. (In Russian)
6. Gasprinsky I. Complete Works, vol. 2. Early journalism: 1879–1886. Editor-in-Chief R.S. Khakimov; compiled by S.A. Seitmetetova. Kazan – Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 384 p. (In Russian)
7. Gasprinsky I. Complete Works, vol. 3. Journalism: 1887–1890. Editor-in-Chief R.S. Khakimov; compiled by S.A. Seitmetetova. Kazan – Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 560 p. (In Russian)
8. Diplomatic conversations of A. A. Topchibashev in Istanbul (records of the Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of the Republic of Azerbaijan). 1918–1919. Baku: “Ergun”, 1994. 160 p. (In Russian)
9. Kirimov T. N. On the issue of transliteration of poems by Dzhemil Kermenchikli from Arabic script to Cyrillic. Works of the Scientific Research Center of the Crimean Tatar Language and Literature of KIPU, vol. 1. Compiled by Kirimov T.N. Simferopol: Krymchepedgiz, 2011. Pp. 264–276. (In Russian)
10. Muslim press in Russia. Terdzhiman, no. 1, April 10, 1883, p. 1. (In Russian)
11. Samoylovich A.N. V.V. Radlov as a Turkologist. “Works of the Troitsko-savsko-Kyakhta Branch of the Primorsky Department of the Russian Geographical Society”, vol. XV, issue 1 (1912). St. Petersburg, 1914. Pp. 23–33. (In Russian)

12. Samoylovich A. N. Wilhelm Thomsen as a Turkologist. "Works of the Troitskosavsko-Kyakhta Branch of the Primorsky Department of the Russian Geographical Society", vol. XV, issue 1 (1912). St. Petersburg, 1914. Pp. 16–17. (In Russian)

13. Swietochowski T. Russian rule, modernizing elites and the formation of national identity in Azerbaijan. *Azerbaijan and Russia: societies and states*. Editor-in-Chief and compiler D.E. Furman. Moscow: Summer Garden, 2001. Pp.11–49. (In Russian)

14. Participants of the People's Congress. *Free Union* №1, October 1917. Pp. 14–19 (In Russian)

15. Shakhtakhtinsky M. "What to call Transcaucasian Muslims?" *Caspian*, May 1, 1893. (In Russian)

16. Chamanzaminli Y.V. "Who are we?" (articles) (transphoneliteration, compilation, foreword and notes by Shalala Hummetli). Baku: Nurlan, 2004. 136 p. (In Azerbaijani)

17. Yusif Vazir of Chamanzaminli. *Works: Volume III*. Baku, Avrasiya Press, 2005. 440 p. (In Azerbaijani)

18. Misir Mardanov, Adalat Tahirzade. *Azerbaijanis who studied in higher education until 1920*. (Encyclopedic reference book). Volume III. F – I. Baku: "Tehsil", 2019. 480 p. (In Azerbaijani)

About the author: Emir K. Ablyazov – Special correspondent of the newspaper "Voice of Crimea new" (17, Chekhov Str., Simferopol 295001, Russian Federation); emirablyazov1988@gmail.com

НАСЛЕДИЕ

УДК 821.512.161

DOI: 10.22378/kio.2024.2.149-167

Дервиш Мехмед бин Мубарек Герай Дженгизи. Хроника «Тарих-и Мехмед Герай» («История Мехмед Герая») (часть 5)*

Рефат Абдужемилев

*Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова;*

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Аннотация. Хроника «Тарих-и Мехмед Герай» (1682–1703 гг.) крымскотатарского историографа Дервиш Мехмеда бин Мубарек Герай Дженгизи – повествовательный источник, отражающий историю Крымского ханства и Османского государства в 1682–1703 гг. Датировка сочинения – 1703 г. (завершение в месяце Реджеб 1115 г.). Копия хроники сохранилась в фондах Австрийской национальной библиотеки (Österreichische Nationalbibliothek) под шифром (инвентарным номером) № 1080, Cod. Н.О.86 HAN MAG. Объем (фолио) – 125 листов шрифтом таалик, листы небольшие. На 125 листе имеются стихи. Рукопись не обозначена заглавием (титолом), но имеет приписку оценочного свойства: «Tarih-i Mehmed Geray Qara Mustafa Paşa cenklerin söyler üçüncü Sultan Mehmed Han vaqtlarından Sultan Ahmed Han bîñ yüz on beş tarihınacak söyler bir maqbul tarihdır» / «Тарих-и Мехмед Герай, повествующий о войнах Кара Мустафа-паши, приемлемая история,

* Продолжение. Начало см.: Абдужемилев Р. Р. Дервиш Мехмед бин Мубарек Герай Дженгизи. Хроника «Тарих-и Мехмед Герай» («История Мехмед Герая»). (части 1–4) // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 1. С. 189–214. DOI: 10.22378/kio.2022.1.189-214; 2022. Т. 9, № 2. С. 176–192. DOI: 10.22378/kio.2022.2.176-192; 2023. Т. 10, № 1. С. 176–197. DOI: 10.22378/kio.2023.1.176-197; 2023. Т. 10, № 2. С. 181–189. DOI: 10.22378/kio.2023.2.181-189

повествующая со времен султана Мехмеда-хана III до периода султана Ахмеда-хана, до тысяча сто пятнадцатого года».

Перевод хроники на русский язык (автор перевода – Р. Р. Абдужемилев) выполнен с транслитерации текста рукописи на латиницу, представленной в турецком издании магистерской работы Угура Демира «Тарих-и Мехмед Гирай» (оценка – переложение текста)» (консультант: проф. док. Недждет Озтьюрк, Стамбул, 2006 г, 163 страницы).

Ключевые слова: Австрийская национальная библиотека (Österreichische Nationalbibliothek), Дервиш Мехмед бин Мубарек Герай Дженгизи, Крымское ханство, крымскотатарская литература, нарративный источник, Тарих-и Мехмед Герай, Угур Демир, хроника.

Для цитирования: Абдужемилев Р.Р. Дервиш Мехмед бин Мубарек Герай Дженгизи. Хроника «Тарих-и Мехмед Герай» («История Мехмед Герая») (часть 5) // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 149–167. DOI: 10.22378/kio.2024.2.149-167

Тарих-и Мехмед Герай (перевод на русский язык)

<С. 47> Падение Варада

Злодейский лагерь, поднявшись из-под Варада, пошел в край, подобный сторожу от бед. Взяли языка, да, расспросив о том, в какую сторону шли, стало известным о том, что шли к крепости Варад. Между тем, как трансильванцы-венгры учинили шехидом великого визиря, покойного Мустафа-пашу, а с его мученической смертью не позволили никому из немцев войти в их виляет. Тотчас же в тот день, достославный визирь удостоились милости Бога. Они же сделали повинными немецкому войску. Поскольку крепость Варад являлась замком к Трансильвании и Венгрии, посему напали на Варад. Его превосходитьство, хан, же вознамерился идти на помощь к Вараду. Однако, когда сии дела сложились так, по прохождении трех месяцев охваченное болем и горем татарское войско, находясь в пути и совершая привалы, было потрясено (ошеломлено) в окрестностях крепости Белград. Да от недостачи (бедности) не могли найти еду. А многие, заболев от голода, испив воды из реки Сава, подверглись поносу,

<С. 48> так что умерло более тысячи людей. Даже ели корм, называемый словом кокороз (кукуруза), и известный под названием мысыр бугдайы (египетская пшеница) на тюркском языке. Плут по имени Халил-паша, что был военачальником (сераскер) от османского рода, молвил: «Сей татарский люд ест все что попало». Да словно бы в сравнении с дорогим по стоимости кормом (фуражем), указав на заплесневелые сухари (пексимет), что остались со времен Султана Сулеймана, сказал: «Вот и продовольствие. Пусть его едят».

Да, погрузив несколько телег, отправил его. По предписанию Всевышнего Аллаха, в силу необходимости, в страхе от голода, кушавшие татарские газии подверглись усилившемуся поносу, да так, что многие поумирали. Со словами военачальника (сердара) Халил-паши: «Татарскому войску я выдал столько-то продовольствия», – покойного Мустафа-пашу учинил шехидом, да полностью забрал казну, оставленную на хранение в крепости Белград.

В особенности, татарское войско – легкое на ходу (проворное) племя. А их старинный обычай таков: по прибытии в намереваемое место из места отправления на лошадях, немедленно разграбив и опустошив все, что попадется на пути, тотчас же возвращаются. Да к тому же предпринимают такое дело, ей-богу, волочась в одном месте три месяца, голодными и голыми в лености (нерадении), постигнет их болезнь по воле Всевышнего Аллаха, да не останется вообще и дела их лошадям и им самим, и лекарства не понадобится принимать. В особенности, и отправление никак не будет возможным. Да помимо того, горячие как огонь беки и мурзы Саадет Герай-хана обеспокоились, так что между ними появилась полная вражда, да усилием не нашли согласия. Да аги (братство) в чинах с полным величием даже не поприветствовали люд селямом. А главный казначей, второй Немруд¹, диван-эфенди², подлец (трус) по имени Осман, обременен позором поведения (манер). А из трехбунчужных визирей не было такого ума (рассудка). Согласно свидетельству истинности аята «*Воистину, Аллах не любит всяких гордецов и бахвалов*»³, их высокомерие перешло за все границы. Да помимо того, ясно как день, что будучи неблагодарными (за благодеяния), жалуясь всему свету (люду) на эфендиев (господ), придумывая разные слова, вселили отвращение к хану в сердца всего люда. Как следствие (наконец), все это во многом стало причиной разрушения татарского войска. Даже сей полный недостатков раб однажды в окрестностях Белграда стал свидетелем прибытия нескольких известных мурз среди ногайских мурз, молвивших: «Сие войско будет разрушаться, да это нам доподлинно ведомо. Вам тайно сказано, известите Вашего брата, хана, пусть же предпримут меры и найдут выход». А прежде же и нам поручили: «Изложи нам о положении, случившемся в войске». За надобностью обмолвки, написав по этой причине записку, было доложено о случившемся. Однако отправленному нами человеку воспрепятствовал главный казначей, да не позволил добраться до его превосходительства, хана. Да сказал: «Неразумно сообщать хану сии слова».

¹ Немруд – имя царя, жестокого тирана, который из высокомерия противился Аллаху. Предположительно жил в 2640 г. до н. э., а также во времена пророка Ибрахима (а.с.), которого хотел сжечь в огне (но пророку чудом удалось спастись).

² Диван-эфенди – государственный секретарь.

³ Сура 31 «Лукман», аят 18: «*Ve la tusa'ir haddeke lin nasi ve la temşi fil ardi merraha innellahe la yuhıbbu kulle muhtalin fehur*» – «Не отворачивай своего лица от людей из высокомерия и не шествуй по земле кичливо. *Воистину, Аллах не любит всяких гордецов и бахвалов*».

Когда отправленный нами человек, явившись, передал нам ответ, тогда снова послали человека,

<С. 49> да пару слов с укором главному казначею. Известили о поручении нам сего дела. Да учинили наставление человеку, молвя: «Передай нашу записку в руки его превосходительства, хана, кому она собственно и предназначена». В самом деле, так и учинил. Ознакомившись со смыслом записки, пригласив к себе главного казначея Али-агу, молвили с порицанием: «Почему не известили об этом положении?». Да отрицал, говоря о сути положения. Вынув записку, выдали, говоря: «Вот записка нашего брата Мехмед Герай-султана». «Ни в коем случае и ни за что сие твое войско да не замыслит это злодеяние. Однако Ваш брат, султан, не любит нас. Их намерение – непременно донести на нас падишаху». Да на сих словах, одни, будучи свидетелями, а другие – заступаясь (оправдываясь), заставили поверить его превосходительство, хана, совершенно ложной верой. Да нас всех обогнали. Наш человек, явившись, передал сии ответы. Мы стали безмолвствовать с мыслями: «Власть у Аллаха, Единственного и Всемогущего». На следующий день между рассветом и утром, когда все вкуче ногайское войско было разбито, а Аккерман же был подвластен, возвращаясь в обратную сторону, тотчас же Ширины, Мансуры, и Седжевуд пошли с шумом да грохотом. Хан остался так на другой стороне от реки Туна (Дунай), вместе с одним-двумя султанами и малой частью секбанов. В то время, вспомнили нашу записку поэтично, да горевали и сожалели, молвя: «О горе! Приняли слова некоего невежи в обольщение. Увы! Ушло благополучие, не помогло счастье». По предписанию Всевышнего Аллаха, несомненно, хан был в отуманенном разуме. Тем людям, вообще сделав укор, не сообщили о своей лжи. Даже не спросили о причине такого деяния. Более двадцати тысяч войск выдвинулось в путь. Цель таких длинных речей – в извещении высокостепенного шехрияра (государя) из созвездия воинства, вверив дела в чьи-либо руки с многократным испытанием веры и воли, да проверкой верности, полностью верить на слово, дабы впоследствии не огорчаться из-за убытков и не сожалеть.

Так, войско было разбито, а в пути хан, изрядно перепугавшись, стал умолять люд. Однако кто кому, все же беки и мурзы, да братья-султаны, одних повернули обратно, а других – отправили. Осталось лишь около четырех тысяч людей. Да тотчас же большинство сбежавших мурз молвило: «О счастливый падишах, готовы жертвовать головой ради твоего благополучия». Загоревшиеся говоруны молвили о том, что нарушили клятву и проявили непостоянство. Да благо не постигло их (головы). В горных теснинах (ущельях) оказались в плену неверных разбойников, да погибли. А оставшимся же едва ли (с огромной трудностью) удалось спастись. А отселе же Саадет Герай-хан снова провел совет, молвя: «Хотя бы приложим усилия для отправления части продовольствия в крепость Тымышвар и в крепость Варат, так вернемся». Сию мысль сочли разумной и понравившейся. Тотчас же, отбив на рассвете, напра-

вились к рубежу крепости Тымышвар. Привал за привалом, однажды, добравшись до крепости Тымышвар,

<С. 50> передали продовольствие и снаряжение. Однако слух прошел о том, что лагерь сборища свиней, переправившись через реку Турла, принялись осаждать крепость Варат. Тотчас же, пройдя Тымышвар, обходя окрестности озера Йанвав, однажды люди услышали грохот пушек. Безбожные неверные, осаждая крепость Варат, вступили в военное столкновение. Немедленно же назначили и послали кучку татар для набега на лагерь. В тот день весьма устремились в пути, а на следующий день спозаранку учинили набег на лагерь. Но (разве только), прокопав ров вокруг лагеря хитрецов, выставили пушки, да предприняли серьёзные (сильные) приготовления. Приволоча тягловых волов и вьючных лошадей извне, не были способны на причинение всякого вреда, помимо подвоза корма (фуража) в некоторую стоимость, с многочисленными опасениями. По возвращении хана же поневоле стали возвращаться. В то время, как в крепости Варат находилась опечаленная умма Мухаммедова, с криками и стонами осада же продолжалась пять-десять дней. А затем промыслявшие злодеянием неверные заполучили и овладели крепостью Варат с ее сдачей. Да среди пребывавших внутри мусульман одних убили, а остальных взяли в плен. *«Воистину, мы принадлежим Аллаху, и к Нему мы вернемся»*⁴.

На сей же стороне прежде обмолвленное татарское войско, что уходило разбитым из-под берегов реки Туна, добравшись до Аккермана со стотысячными трудностями, собралось воедино для учинения совета. И перемешанными в кучу словами воедино составили прошения и сообщения по образу: «Да будет среди нас же прежде упомянутый султан-сераскер». К тому же, согласно именам беков и мурз, находившихся вместе с его превосходительством, ханом, распределяли печати из литой меди. Со смутой и раздорами упомянутого султана сии уготовленные дела вкрались в сердца людей и ввели в заблуждение. Да в сторону Врат Благополучия по своим знаниям учинили донос на Саадет Герай-хана. Да противоречивыми сообщениями и клеветой так приукрасили, что слышавшие сие пытались различить достоверное слово. В общем, просьба с мольбой от всех крымских карачи-беков, почтенных ученых и прочих слуг из числа людей, такова: «Дайте нам другого хана. Как следствие, ежели шехриарово (государево) намерение – в полной мере заставить сих слуг правдиво служить, тогда в появлении нашего намерения, содержащегося в нашем прошении и предъявлении, они желаемые слуги». Да так и молвили. По мудрости Всевышнего Господа, в то время хрупкое здоровье его превосходительства, султана земли и моря, султана Сулеймана, сына Ибрахим-хана, было сильно подорвано. Как следствие, будучи охвачен водяной болезнью, никак не обрел выздоровление лекарствами, скорее, болезнь усилилась. Наконец, когда стал

⁴ Сура 2 «Аль-Бакара» («Корова»), аят 156: «Ellezine iza esabethum musibetun, kalu *inna lillahi ve inna ileyhi raciun*» – «которые, когда их постигает беда, говорят: *«Воистину, мы принадлежим Аллаху, и к Нему мы вернемся»*».

явным глас «*Каждая душа вкусит смерть*»⁵ от невидимого вестника (взывающего), сделав султанатом путь престола и венца, тогда птица его переполненной побед души улетела и отбыла в райскую обитель и сады довольства⁶,

<С. 51> а султанат благополучия, брненное владение государства сменилось вечным миром, да будет милость Всевышнего Аллаха на нем. Он был падишахом чистосердечным, благочестивым и набожным, любимым рабом Аллаха, человеком, считавшимся великодушным и добропорядочным, высокостепенным султаном. Да озарит Аллах лучами его могилу, да предоставит им постоянное довольство в райских (фирдевс) благах! Так, тотчас же вывели из Хумаюнового Харема их высокородного брата, его превосходительство, Султан Ахмед-хана. Да тогда он взошел на падишахский престол. А сан великого визиря по побуждению советников (поверенных) занял неподходящий для должности, турк по происхождению, Арабаджи Али-паша. Поддельные прошения и предъявления прежде упомянутого крымского люда вручали омовленному визирю. По своим наблюдениям (созерцаниям), не спрашивая о сути и об ответвлениях, кратко излагали его превосходительству, высокостепенному падишаху. Причина такого письменного усердия в Сафа Герай-султани, отце сераскера Аккермана, Султана Менкуба. Он по некой хитрости имел связи с подлым (скупым) смутьяном, визирем. Да многими подкупам, да всевозможными подарками, да высказывая многим сроки, укрепил прием. И прилагал усилия под поводом прошений и уготовлений. Опечаленный Саадет Герайхан, завершивший тут свои дела, после возвращения послал письма своему визирю Коджа Бахадыр-аге: «На сей раз по ошибке и лености случилось дело. Просим прощения нашей вины. По воле Всевышнего Аллаха, на весне отомстим обреченным обитать в преисподне неверным». И с таким содержанием, послали вышеупомянутого агу. А когда Бахадыр-ага же заходил в Эдирне, удостоившись чести встретиться с великим визирем Арабаджи Али-пашой, тотчас же, погрузив в телегу (сирем), прямо направились к острову Бозджа. Бахадыр-ага не ведал о том, с чем он столкнулся. Вышеназванный визирь был склонным справшивать удивительные вещи. Однако по повелению Всевышнего Аллаха, в какой бы день ни пришлось создать телегу (сирем) для людей, наконец, случилось с ним самим.

В общем, когда его превосходительство, высокостепенный падишах августейше бросил взор на краткое изложение великого визиря, тогда велели написать благословенное письмо с кратким содержанием, согласно необходимым правилам предков: «Поступайте в соответствии с обстоятельствами». Да разъясненным образом было решено учинить ханом Сафа Герай-султана. От-

⁵ Сура 29 «Аль-‘Анкабут» («Паук»), аят 57: «*Kullu nefsin zaikatul mevti summe ileyna turceun*» – «*Каждая душа вкусит смерть*, а потом вы будете возвращены к Нам».

⁶ *mürğ-i ruh-ı pür-fütuhları bağ-ı cenan ve qusur-ı ravzat-ı rıdvana tayran u revan olup.*

селе же Саадет Герай-хан, проходя расстояние долго-предолго, однажды добрался до селения Исмаил. А оттуда же, отбыв, устремились к деревне Татарпынары. Да учинили привал в селе Кахраман-аталык. Беки и мурзы внутри ногойского племени весьма перепугались. В особенности султан, властелин людей и смуты,

<С. 52> помимо жажды войти в поле препятствий, подобно джинну и шайтану, был охвачен страстным желанием увеличения. Со страху, не сумев найти себе жилища и места, коль то возможно, то единый совет был бы согласен. Беки и мурзы, поставив там охранников (наблюдателей), просили у его превосходительства, хана, заступничества в прощении своих провинностей. Явившись в село, известное по названию Кахраман-аталык кой, пали ниц у ног хана, тогда их проступки были прощены. По Божьей мудрости, когда дело свершилось, в тот день прибыл капуджи-баши, посланный с ферманом. Известив о смещении хана с престола и об утверждении ханом Сафа Герай-султана, вместе с ханом отправился к шехрияру (государю). Добравшись до Рум-Эли, отведя (хана) в чифтлик при деревне Чагирган, находившейся в подчинении каза (кадылыка) Янболы, капуджи-баши отбыл для извещения великого визиря. После десятидневного проживания в чифтлике, явился один из падишахских капуджи-баши, да оповестил о фермане отправляться на остров Родос. Да, перевезя на остров Родос, учинили заложником острова⁷. Прожив пять лет, умер от явно негодной (пустой) болезни⁸, да будет милость Аллаха на нем. Похоронен близ тюрбе (мавзолея) его вышеупомянутого младшего брата, покойного Хаджи Герай-хана. По повелению Всевышнего Аллаха, земля (прах) двух братьев вблизи в одном месте, а их благополучие было кратким. Все во власти Аллаха. И *«Воистину, мы принадлежим Аллаху, и к Нему мы вернемся»*⁹, срок султаната Саадет Герай-хана – 10 месяцев. Срок султаната Хаджи Герай-хана – 11 месяцев, 14 дней. Да будет милость Всевышнего Аллаха на них всех.

Низами сказал:

Тот, кто ушел в землю,
Как же знать земле того, кто вошел в нее.
Каждая его частичка в желанном мастерстве,
Каждый его шаг свидетельствует о его властвовании, как сына своего отца.

Таковы сие вращение времени и превратности судьбы, сие необычайное путешествие, что, созерцая их, умы мира не могут не поражаться. Да Аллаху ведомо, мир непременно понятен из положения.

⁷ cezire-bend itdiler.

⁸ zahir battal marazından fevt oldi.

⁹ Сура 2 «Аль-Бакара» («Корова»), аят 156: «Ellezine iza esabethum musibetun, kalu *inna lillahi ve inna ileyhi raciun*» – «которые, когда их постигает беда, говорят: *«Воистину, мы принадлежим Аллаху, и к Нему мы вернемся»*».

<С. 53> Отступление от мотива: По повелению Всевышнего Аллаха, из противоречий судеб (стечений обстоятельств) могут появиться некоторые странные и важные события. Был первый год, когда покойный и достигший прощения, мученик Копрюли-заде Мустафа-паша, удостоившись визирьского сана, отбыл в хумаюнов поход. В тысяча сто втором году от хиджры достопочтенного неби (пророка), мир ему и благословение Всевышнего Аллаха, передано от бодрствующих благочестивцев (отшельников), и достойных доверия, благословенных делами богомольцев, и от бессонных путников, да из кадылыков (каза) Янболы, Ислимье и Карынабад: одной ночью, в полночь воочию видано, как над небом возшло пять сияющих месяцев. Да от каждого месяца к другому месяцу протянуто по одной разноцветной нити в виде радуги, да получилось три видимых круга. Да круг от того небесного свода соединен с поверхностью земли, а второй круг вращается на половине неба, а третий круг в положении центра луны виднеется странным и необычайным знаком так, что доподлинно подтверждена его видимость в течение двух часов. Таково предопределение Аллаха, очень хорошо знающего сии неизведанные таинства. Таков его вид, он изображен.

Восшествие на престол султана Ахмед-хана, сына Ибрахим-хана, год 1102.

Благополучно и счастливо, да с почетом и величием, августейше и по высочайшему достоинству взойдя на падишахский (хюсреванов) трон благословенного счастья и престол халифата османского прибужища, в час, когда

<С. 54> его высокородный брат, покойный султан Сулейман оставил переходящий султанат, в 1102 году от хиджры почтенного хазрет неби (пророка) и дорогого султана, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха, взошел на хумаюнов престол. А Арабаджи Али-паша, как было прежде упомянуто и рассказано, стал визирем. Да прочие из большинства эмиров, министров были сменены. А Османское Государство однажды же, сообразно застою (ослаблению) и действиям, было полностью возвращено в руки служителей, ответственных за великие дела. Косвенно мир погрузился в хаос и беспорядок, не сумев оторваться от разграблений владельцев казны и состояний, да окрестных стран, и причинения им вреда изо дня в день от самих порочных (грешных) неверных. Когда высокостепенный хазрет падишах султан Ахмед-хан, яркая звезда из созвездия воинства, будучи более сорока пяти лет в заключении, не ведал о положении мира, всех окутала печаль виляета, да потеряли всякую надежду. Таковым запущенным (оставленным без внимания) было время, да защитит Аллах (уповаем на Аллаха). В общем, по соображениям Али-паши, было сочтено благоразумным утверждение ханом Сафа Герай-султана. Приведя того из чифтлика в местности при деревне Каргуна близ селения Янболы, удостоили чести его встречи с достопочтимым хазрет падишахом. Все же, после достойного приема (с почетом), согласно старинному порядку (закону), стал ханом, в 1103 году.

Рассказ о Сафа Герай-хане, сыне Сафа Герай-султана

Это был злостный хан, равный среди любителей алчности и зависти. К тому же, купив цыганский (Кыбтиян) джизьедарлык (налоговый удел) да, много раз по купечеству то продавал полученное трабзонское мыло, то занимался торговлей рыбы. Да был он человеком, что не стыдился своего дохода. Да ему ничего не стоило насильно присвоить себе добро того, на кого сил хватало. Став ханом в городе Эдирне (Адрианополь), после пяти-десятидневных приготовлений, затем направились в сторону Крыма. Привал за привалом, однажды, по прибытии в древнюю Дженгизову столицу, Бахчисарай, тотчас же пристрастился к удовольствиям (развлечениям), с трапезой и питьем. Да не было на нем прочих важных приготовлений.

Борьба с черкесскими беями

Однажды хану доложили: «К Вашему порогу явил свой лик некий бек по имени Али-султан из черкесских беков». Да, призвав того, молвили: «О чем ты хочешь сказать, посмотрим, говори же». Жалуясь на мурза-бека, кабардинского бека, да молвили: «Ежели у нас вообще будет намерение, дадим нашему господину, хану, на службу две тысячи пленников». Тотчас же, две тысячи пленников, достигнув слуха хана, пошли к остановке близ степени смерти от радости. Да молвили: «Немедленно, ежели благосклонность будет оказана кучке войска с одним султаном, тогда дело будет завершено». Сафа Герай-хан, наскоро назначив одного из своих сыновей по имени Мубарек Герай,

<С. 55> да присоединили часть войска. Вышеупомянутый султан, переместившись однажды после приготовлений, держали путь в сторону Черкессии. Однако крымский люд, измученное венгерским походом племя, по сей причине ушедшие влились к ушедшим. Вместе с султаном отбыло более двадцати тысяч человек.

Прежде сии черкесские беки, явившись во время Саадет Герай-хана, жаловались на кабардинского бека, бек-мурзу. А покойный хан же повелевали: «В походе. Ныне не место, да непременно после возвращения займемся вашими делами (советами)». За неимением времени (позволения времени), когда после смещения с престола покойного Саадет Герай-хана, ханом стал Сафа Герай-хан, то черкесы нашли в нем прибежище. Как итог слов из намерения, до тамошнего бека же дошли слухи, что сын крымского хана Сафа Герай-хана, Мубарек Герай-султан, с войском в более двадцати тысяч человек назначен и приставлен на него. Да раскрыли свое сердце. Он же, собрав кучку черкесских неверных, занялся приготовлениями близ реки, известной под названием Чекем. Дабы сотворить деревянную крепость в местности Кызыл-Яр, черкесское племя с полным и совершенным усердием выстроило крепость. Войдя внутрь крепости вместе с прочими черкесами, стали наготове. А потом, отселе Мубарек Герай же с татарским войском учинили привал на берегу реки Чекем. На следующий день, спозаранку, ожидая баталий с обеих сторон, пребывали в готовности. Тотчас же бек-мурза, выйдя за пределы оборонительной крепости, перешли на другую сторону вышеупомянутой реки. Союзники подлых черке-

сов, что находились вместе с ними, накрыв свистом исламское войско, отхлестав лошадей, учинили атаку. Да случилось такое великое побоище, что видевшие восхваляли его. По мудрости Вечного Бога, ужасное происшествие случилось с лошадью проклятого бек мурзы-бека, на которой он ездил верхом во время войны. Случившись вопреки всему, в раздумьях о бессилии (немогущности) лошади, по желанию завернул к реке Чекем, в сторону оборонительной крепости. А татарские газии преследовали проклятого нечестивца. Да в упомянутой реке в момент его (бек-мурзы) поимки, бек-мурза и его лошадь потонули и исчезли в воде. Из остальных черкесов одни погибли, а другие попали в плен. А некоторые быстроходные скакуны рванули и разбежались в свои крепости и горы. За малейшее время, вытащив грязное тело бек-мурзы из упомянутой реки да привязав его к хвосту лошади одного из опечаленных безбожных врагов и потащив по земле, привезли к шатру вышеназванного султана. А черкесское племя, увидав оскорбление к своему беку, в беспорядке разбрелось по сторонам. А потом, собрав все кабардинское племя, переместив, поселили их в старом (древнем) месте, в местности, известном по названию река Уреб.

<С. 56> Да схватили боле пятиста пленников, и забрали лошадей, шлемы и латы (броню). Вернувшись с обильной добычей, радостно и бодро направились в Крым.

Однако в Крыму к Сафа Герай-хану из Счастливого Порога был послан капуджи-баши с саблей и кафтаном, согласно старинному османскому обычаю. Да хан был призван на хумаюнов поход. Он же явился в Аккерман, готовя часть войска. Да по прибытии, получив там (от них) же кучку войска, перешел границу Богдан (Молдавии) и переправился через Эфляк (Валахию). Учинив привал в местности Еригок, тогда все крымские беки приблизительно определили татарское войско. Гуртом (всецело) не видели более трех тысяч человек. А Сафа Герай-хан же, заключив соглашение и клятву с визирем османского рода, пустил на ветер (напрасно потратил) словесный жернов, молвя: «Ждите нас наготове, по меньшей мере, со ста тысячами татар, охотниками на врагов, в благословенный час весны, для оказания помощи вере и государству». Да так разнеслась молва на устах и стало известно. А нынче же, представ перед великим министром, вопрошали: «Говори же, мой хан. Клятвенный договор с Вашим благородием нынче был нарушен. Да и десятка от ста тысяч татар вы не привели. В чем же причина?». Хан же в стыде от своей лжи и в страхе от укора к себе молвил: «Да, мой султан. В нашем соглашении, да упаси Боже, не должно быть несоответствий, а было бы истинно. Да непременно это похоже на полные преграды от кого-то. В нашей стране нам не дают властвовать. Да ходят по своим соображениям». Да, сказав: «Выдав нам поручение, в тот же миг наши дела будут плохи», – стали совещаться. «Лекарство тому таково; тотчас же отсюда в обратную сторону возвращение разве будет дельным советом? Конечно, ежели от государства поступит упрек, то падет на хана. Во-первых, такой хан-купец нам не нужен», – молвя так, сошлись в единых сло-

вах. Да все вкупе, счево сие соображение благоразумным, сказали: «Мы слуги бессмертного хана». А в этот час каймакам хумаюновой свиты в оберегаемом Эдирне, Быйыклы Мустафа-паша, написав тайно письмо, послал чукадара. А когда письмо дошло до крымских беков, то стали ведомы содержащиеся в письме слова: «Вслед за усердиями благополучия и здравия. Ныне же возвращайтесь с похода, на который были назначены. Ваш хан, достославный эль-хадж (хаджи) Селим Герай-хан, прибыл из благословенного хаджа. Да непременно решено его повторное (очередное) ханство. Не утруждая себя попусту, избавьтесь от суровости тягот. Да в сей благословенный год возвращайтесь благополучно и в здравии в свой дом. Исламский рубеж же немедленно будет под защитой», – молвили на том. А намерение от сей интриги – изгибы в отношениях между собой и Арабаджи Али-пашой. Да поскольку Мустафа-паша был свечою (учеником) его превосходительства, Селим Герай-хана, то сделали такое мастерство (ремесло).

<С. 57> Ибо стало известным содержание сего письма. На следующий день, когда спозаранку в татарском войске раздался голос со словами «давай-давай», «потихоньку выходим», тотчас же все войско вкупе, обернувшись, пошло своим шагом. Тотчас же взялись за подолы одеяния Сафа Герай-хана, а его радость сменилась тяготами (муками). Да (хан) ступил на неправильный (плохой) путь в сторону покойного Саадет Герай-хана. Так, изволил. Стал явным и очевидным смысл благословенного хадиса, переданного словами пророка, мир ему: «Тот, кто выкопает яму (колодец) для своего брата, сам упадет в нее». Однако нет выхода. Послав людей вслед за потерпевшим разгром и ушедшим войском, много просьб учинил бекам и мурзам. Да, молвив: «Любое ваше намерение не будет отвергнуто. Тотчас же освободитесь от сих козней», – много умолял. Да, вращая словесный жернов, указывая на сроки, много горечи (лука) выпало на их тяготы (пути). Однако вовсе не воспользовались и не услышали. Взяли да избили отправившегося человека. Опечалился Сафа Герай-хан. Неизбежно (в силу надобности), с пятерьмя или десятком человек при себе, сев на одно из суден на реке Туна, прибыли в Аккерман. А по прибытии в Крым того разбитого войска, без задержки в Аккермане, написали прошение. Да, переполнив свои донесения скверными свойствами, как следствие довершили свои слова ответом: «Мы не служим такому хану». И, подписавшись по отдельности и в общем, послали к его степенству в Феридуновом (бесподобном) Пороге. А когда держатель прошения добрался до Высочайшего Государства и когда каймакаму хумаюновой свиты Бьюклы Мустафа-паше было преподнесено крымское прошение, он же выполнил краткое изложение для государя. И, изучив и разобрав крымское прошение, августейше осведомились содержанием. Молвя: «Так (ныне), тот, кто в общем свидетельствует виляету скверных свойств, конечно же, достоин порицания (осуждения), да все в купе улемы (ученые) и благочестивцы не будут лгать по воле своей», – соизволили ответить. А когда спросили прибывшего человека: «От кого исходит намерение и довольство людей вашего виляета, да кому поручили?», – тот же отве-

чал: «Мой султан знает лучше. Однако нынче же избранный (выдающийся) и величавый (превосходящий) среди всех из Дженгизового рода, эль-хадж Селим Герай-хан, достославен, да всеобщий люд доволен ими и уверен в них. В остальном Вам больше знать». Тотчас же наскоро был написан ферман, и с полными почестями было сообщено: «Ожидаем вашего благословенного прибытия в сию сторону, приходите за день».

Счастливым и достославным хазрет эль-хадж Селим Герай-хан же только что прибыли из благословенного хаджа. А когда посланный капуджи-баши, по прибытии, отбив из чифтлик в селении Кады, близ Иламбола, добрался до города Эдирне, тогда был почтительно встречен великими полками. И остановились в одном высоком дворце. Да с ферманом капуджи-баши же был послан в Аккерман. Прежний хан Сафа Герай был назначен для отправки на остров Родос.

<С. 58> Посланный капуджи-баши-ага, по прибытии, приведя Сафа Герай-хана, ввел того (хана) в Родос. Добравшись до вышеупомянутого острова, торговыми путями внимали приобретению всего добра. Об этом же положении вкратце было упомянуто. Длительность султаната Сафа Герай-хана составила 10 месяцев.

Бейт

Ежели в мире останется след от его доброго имени, брат,
Тогда много будет серебра и золота у низкого (подлого) невежи.
Храбрец поля боя, таковым и должен быть хан,
Ежели молвит, что это покорное великодушие, то люди равны ему.
Много тысяч шахов и нищих улетели, вспорхнув, из сего гнезда,
Приобретя имя в довершение, словно душа в теле.
А иначе, коль низостью (скупостью) приобретет дурную славу,
Тогда упоминалась бы людская история таким дурным именем.

Рассказ об эль-хадж Селим Герай-хане, сыне Бахадыр Герай-хана, да увеличит его славу Аллах, год 1104.

Описание его внешнего вида: Среднего роста, белорукий, тонкого телосложения, мягкого характера, сладкоречивый, красноречивый, стройный и благородный достославный хан. Да увеличит Преславный и Всевышний Господь его жизнь и благополучие, да приведет его сердце в согласие с желаниями и намерениями. Аминь! Благополучно и величаво, совершив таваф (обход)¹⁰ Божьего дома, пойдя в священный хадж и исполнив его, удостоились совершенных милостей, наград и достоинств. Поистине, передано в рассказе. Пророк (неби), мир ему и благословение Всевышнего Аллаха, сказал: «Кто, имея имущество и животное для верховой езды (лошадь), не пойдет в хадж, тому суждено умереть, словно иудей или христианин». Предостерегаясь этого

¹⁰ Таваф (араб.) – один из основных обрядов паломничества, означающий обход или хождение по кругу вокруг Каабы против часовой стрелки.

священного хадиса и беря его в пример, когда тот (хан) вернулся, после исполнения фарза¹¹ перед Аллахом, с полным рвением и сердечной радостью,

<С. 59> сей полный изъянов и немощный раб, творение Всевышнего Аллаха, Дервиш Мехмед Герай, сын Мубарек Герая Дженгизи, да простит Аллах мои грехи и скроет недостатки, собрал по кусочкам известия о его становлении в третий раз достославным ханом страны Крым и обладателем имени (ти-тула), да записал и изложил о том. Вкратце будет известно и рассказано. По воле Благословенного и Всевышнего Аллаха.

В конце тысяча сто четвертого года (1104 г.) от хиджры пророка (неби), мир ему и благословение Аллаха, возшла благополучная звезда судьбы его превосходительства, достославного эль-Хадж Селим Герай-хана, обретя силу счастья, тогда он (хан) взошел на султанат ханства. И тогда в том вышеупомянутом году занялись необходимыми приготовлениями к походу. Однако же во время своего ханствования, благосклонно одарив саном нурредина над страной Крым одного из своих племянников, Шахин Герай-султана, поручил тому службу в Черкессии. А из его полнолетних (взрослых) сыновей же Саадет Герай-султан обитал в деревне Жане Черкесского виляета. Тотчас же Шахин Герай и Саадет Герай-султаны, поехав верхом, шли впереди прежде упомянутого сына Сафа Герая, Мубарек Герая. Да забрали у того всех вкупе пленников, оружие и броню, шлемы (толга) и лошадей. А Мубарек Герай со страха и от испуга в пути пустился в бегство. Обойдя край (сторону) Азака, едва ли (с трудом) попал в Крым. Да там же, не сумев остановиться, пошел в Рум-Эли, и вошел в прежнее обиталище. Ибо Сафа Герай-султан, услышав сии вести, унывая по пленникам, смерть за смертью, да переполнился горем. А Арабаджи Али-паша же осаждал в том году крепость Белград. А обреченные обитать в преисподне неверные учинили же нападение на окрестности дворца Босна-сарайы. Сердар Боснии, покойный, да удостоенный прощения Топал Хюсейин-паша, будучи визирем из числа газиев и весьма предприимчивым человеком, завоевал сокровища, оставшиеся от визирей, предшественников Хюсрев-бека. Да поскольку стало известным о выписывании двадцати тысячи слуг (кулов) по выше упомянутому акче (деньгам), да о постоянном поражении (разгроме) прибывших ущербных неверных, в том году все вкупе злодейские неверные единым фронтом (людом) пошли на него. Совершенной милостью и благосклонностью Благословенного и Всевышнего Господа, встретив обреченных на преисподню неверных, тридцать тысяч христиан сделали добычей острых мечей. Посему большинство неверных не пошло на визиря Арабаджи, да он тотчас же был взят под охрану с обеих сторон. Вернувшись после ноября, по прибытии в Эдирне, был отстранен от визирьского сана. Да послали письмо Али-паше со словами: «Иди на остров Родос. Заслужи честь стать ханской свечой». По прошествии одного года был казнен, а его бестолковая голова по-

¹¹ Фарз (араб. фард) – в шариате обязательные действия, которые должен совершать каждый мусульманин.

катилась по дворцовой площади. А визирьский сан был передан с визирьской печатью государем высокостепенному визирю по имени эль-Хадж Али-паша.

<С. 60> Спасение Белграда от осады

После походных приготовлений, его превосходительство эль-Хадж Селим Герай-хана же по приглашению привели в хранимый город Эдирне. А когда хазрет хану был выдан ферман со словами «К походу», его превосходительство достославный хан же, написав дружелюбное письмо своему сыну, калга-султану, в Крыму, да, отправив бекам и мурзам красноречивый ярлык, содержание которого состояло из мускусных (черных) слов и смыслов: «После пожелания мира и благополучия нашему сыну, калга-султану, и прочим бекам и нашим слугам-карачи, ханское извещение таково: по приказу государевому вы назначены для помощи в хумаюновом походе. Постарайтесь прибыть на день раньше», – молвя на том, повторили да назидали. А те же, согласно смыслу слов «Приказ не обсуждается», наскоро приготовили походное снаряжение. Да, как следует, повинуюсь высочайшему приказу, поистине, такое множество и объединение, все вкупе крымские витязи и ногайские предводители, кровожадные татары, любители меха, во имя Аллаха (на пути Аллаха) и уповая на Аллаха, собравшись единодушно, руководствовались благословенным повелением *«Выступайте в поход, легко ли это вам будет или обременительно, и сражайтесь на пути Аллаха своим имуществом и душами. Так будет лучше для вас, если бы вы только знали»*¹². Отбив привал за привалом, сокращая дальность, учинив остановку близ крепости Белград, встретились с достославным хазрет ханом. Да явились роптатели (сетователи), тайно посланные исламским сераскером крепости Белград, покойным мучеником, Джафер-пашой, да принесли письмо. Да было написано, что более восьмидесяти тысяч немцев и венгров и повинных неверных, переправившись через реку Сава, уже более недели, окружили и осадили крепость Белград, будто семиглавый дракон. Да с таким усердием чинили удары, что, выстреливая в день семистами пушечными ядрами, двумястами минометными снарядами¹³, разрушили внутреннюю часть крепости. А исламские аскеры же и вовсе обессилили. «Ежели не подоспеет помощь, все же снова суждено покорить крепость Белград. Как только Аллах и Посланник на час ранее подоспеют к нам на помощь, тогда вы станете причиной нашего спасения», – так и молвили. Да со стонами и навзрыд, подняли такой крик (шум), что услышанные верующие волей-неволей напали на меня. Ибо их превосходительства, достославный хан и высокостепенный визирь, услышали о том. Тотчас же многие татарские витязи лишились своих должно-

¹² Сура 9 «Ат-Тауба» («Покаяние»), аят 41: *«İnfirū hıfafen ve sikalen ve cahidu bi emvalikum ve enfusikum fi sebilillah, zalikum hayrun lekum in kuntum ta'lemin»* – «Выступайте в поход, легко ли это вам будет или обременительно, и сражайтесь на пути Аллаха своим имуществом и душами. Так будет лучше для вас, если бы вы только знали».

¹³ iki yüz havan kumpara atup.

стей (ушли в отставку), да были наскоро посланы для взятия языка. Постигающие врагов татарские храбрецы пронеслись, словно дуновение ветра.

<С. 61> И немедленно достигли лагерь сборища свиней. Да поймав нескольких немецких и венгерских проклятых нечестивцев ловушечной веревкой с петлей и связав им руки, на второй день подготовили тех для отправки к хазрет хану. И, заставив их говорить, в самом деле, согласно письму от вышеупомянутого паши, когда восемьдесят тысяч обреченных обитать в преисподне неверных отвечали, молвя: «Уже столько дней осаждали крепость Белград», – послали к высокому визирю (садр-ы али). А храбрецов, что привели языка, почтенный визирь одарили кафтанами славы и золотом. А затем, опросив языков, вышеупомянутым образом получили ответы. Достославные визирь и хан же, приложив усилия, усердно (старательно) объединив два привала, когда осталась всего лишь одна остановка, учинив сераскером одного султана над кучкой татарского войска, послали их для набега на лагерь. А вышеупомянутый султан, был взрослым (достигшим зрелости) сыном хазрет хана по имени Саадет Герай-султан. Усердно и скороспешно, врасплох, молниеносно (будто ослепительная молния) учинив набег с одной стороны лагеря, с возгласами Аллах-Аллах, злодейские неверные перемешались в куче и проявили сильную панику. Но (разве только) обреченные обитать в преисподней неверные, окружив крепость Белград со всех сторон, словно змея, выкопав ров по всей же окружности лагеря, получили защиту. А иначе суждено было случиться великому делу.

Словом, находившиеся за пределами лагеря травоядные животные, такие как лошадь и бык, получили много пропитания. Исламское войско внутри крепости Белград, при виде знаменующих победу татар, радостно выстреливая из пушек с крепостных башен и крепостного вала (стены), произнося текбир¹⁴, возносили благодарность Богу. Однако же на поле боя (на месте сражения) один татарский суфий из числа уммы (общины) благочестивцев попался в плен к злонравным неверным. А когда вождь лагеря, злонравный и проклятый нечестивец, велел представить вышеоговоренного суфия пред собой, спросил того на площади казни от оголенного меча палача: «Говори прямо, сие бывшее войско и есть сам крымский хан?», – то упомянутый суфий, будучи набожным благочестивцем уммы, считая исламское усердие на смерти величием и приравнивая жизнь к смерти, отвечал: «Сей аскер, вот увидите, есть нижайшего уровня слуга хазрет хана. А то, что остается у хана, то и принадлежит хану». И снова спросили: «Сколько войска пришло с крымским ханом?». Да вышеупомянутый суфий молвил: «Не ведомо мне число татарского войска. Да непременно и немедленно от ногойского войска восемьдесят тысяч воинов внесены в дефтер (реестр). Коль не будет доверия, завтра же явятся, вот увидите». На что, заблудший по нраву проклятый нечестивец, прийдя в

¹⁴ Текбир (араб. такбир) – возвеличивание Аллаха словами «Аллаху Акбар» («Аллах – Велик!»).

ярость, приказал казнить того. По повелению Благословенного и Всевышнего Аллаха, поскольку не подошел час его названной смерти, находившийся при нем один из капуданов просил: «Отложим до завтрашнего дня. Ежели ложь проявится в его ответе, тогда мы его разными муками приведем к гибели так,

<С. 62> чтобы и другим же было поводом для стараний». И на том вышеупомянутого суфия спасли и приказали содержать в неволе. Той ночью, по повелению Всевышнего Аллаха, между ними случился такой ожесточенный бой, что аж до самого рассвета воевали и сражались друг против друга. Вышеупомянутый суфий же, по воле Аллаха, неким путем в промежутках того боя с легкостью добился спасения, да пошел к войску. А те же сами поднимали возгласы «Татары напали», так что случилось великое побоище, да много неверных полегло. А спозаранку (на рассвете) отказались от ударов по крепости Белград. Да по мостам, проложенным через реку Сава, стали переправляться в сторону острова Зеин (Зеин адасы). Совершив половину переправы, хазрет хан и его превосходительство, великий визирь, вкупе со всем знаменующим победу войском, добрались до места. Выдав разрешение исламскому войску, догнав помеченных поражением (разгромом) неверных, молниеносно взялись за дело. Часть сделали добычей острых сабель, а других же, связав, поймали в плен. Да пустились в бегство, когда проклятые мушрики (многобожники) на другом берегу реки Сава имели свинские пушки. А ветроногие татарские гаязи, погнавшись вслед за ними, заполучили много трофеев и пленников. А потом отремонтировали крепость Белград, а вместо поврежденного места заново была выстроена от основания прочная крепость. Да вокруг вдоль и вглубь, выкопав ров, и после возведения бастионов (укреплений) и башен по нескольким крайне необходимым местам, обильно приготовив продовольствие и джебехане (снаряжение), да после переполнения внутренности вышеупомянутой крепости слугами, благоустроив и упрочнив ее, внеся все это в записи (учет) ноябрьским днем, благополучно и в здравии, да с трофеями вернулись домой.

Привал за привалом, сокращая дальность, по прибытии в столицу бесподобного (Феридунового) Рода Османов, Богохранимый город Эдирне, с совершенным почтением, уготовив хазрет эль-Хадж Селим Герай-хану высокий душевный дворец, усыпанный золотом, величаво и благородно, с молитвами и восхвалениями Богу, расположили того в нем. Падишах мира, его превосходительство, султан Ахмед-хан, да смилостивится над ним Аллах, пригласив в свой хумаюнов дворец хазрет эль-Хадж Селим Герай-хана, удостоил его своих великих государевых благосклонностей. А из особых лошадей хазрет эль-Хадж Селим Герай-хана милостиво одарили одной лошадей мировых мерок, унизанную (украшенную) жемчугами и драгоценными камнями, что всякий увидевший предположил бы о ее принадлежности к египетской казне. А на его благословенную голову надели весьма драгоценный, перламутровый (укра-

шенный жемчугами) сургуч¹⁵. Да опоясали колчаном (теркеш) для стрел, избилующим посередине блестящими жемчугами, и инкрустированной острой (отточенной) саблей. Да, велел надеть на него великолепную соболью пушину, благосклонно выдав на расходы сорок кисе курушей, вознес молитвы за благо со словами: «Пусть твой лик всегда будет белым (светлым), будь же благоденствующим и достигай желаемого!», – расположили его в прекрасном (радующем) дворце, что служил ему почетным местом остановки. И, возвеличивая его в полной мере его превосходительству, высокому визирю (садр-ы али), удостоили его чести заслужить молитвы во благо.

<С. 63> А тем временем, предприимчивый, будто Асаф, визирь, хазрет эль-Хадж Али-паша, счел сию возможность великим достижением (трофеем), в соответствии со смыслом поговорки «Довольствующий свят, а опустившийся до скупости (жадности) достиг презрения (позора)»¹⁶, взяв в покровительство достопочтенного хазрет хана, созрев для просьбы об отставке от его превосходительства, достопочтенного падишаха и высокородного государя (шехрияра), молвил: «Я есть немощный слуга с недугами в теле. Да нет же у меня сил слудить во благо веры и государства и выдержки сил телесных. Превратившись в государевого молящегося, просьба стать свечой (чераг) и благодетелем». Падишах звездного воинства же принял его просьбу. Да, отстранившись от визирьского сана, был жалован назначением в пятьсот акче ежедневно. Получив сан государевым позволением, с условием проживания в городе Бурса, добротнo предприимчивый визирь, благополучно явившись из той переполненной опасностей крайности, вошли в город Бурса. Да обрели спасение, исходя из священного хадиса «Слава – это бедствие». А на высокий сан и возвышенную степень, пригласив к государю каймакама хумаюновой свиты Быюклы Мустафа-пашу, поручили выдать визирьскую печать в отдаленную руку. Так, визирьский сан занял Быюклы Мустафа-паша. А достопочтенный хазрет эль-Хадж Селим Герай-хан, удостоившись возможности очередной встречи с его превосходительством, высокородным падишахом, по хумаюновому разрешению отбыли в страну Крым. По прибытии, взойдя на правительственный престол, подобно Искендеру, принимая решения, по справедливости и по праву занялись правлением и исполнением шариата Мухаммедового, мир ему и благословение Аллаха. Пророк (неби), мир ему и благословение Всевышнего Аллаха, сказал: «В День Светопредставления самым излюбленным среди людей (самым любимым для Аллаха) будет справедливый глава государства»¹⁷.

В день счастья того шаха

Не склонен он к насилию, а придерживается справедливости.

Своей честью он любим людьми,

¹⁵ Сургуч – пучок перьев, хохол, гребень, султан (украшение, надеваемое на чалму).

¹⁶ Azze men kana ve zelle men tamea.

¹⁷ İnne uhibbü'n-nas yevmü'l-Qiyame imam-i adil.

А в Судный День он будет справедливым шахом.

<С. 64> Да руководствовались в делах по необходимости сих слов.

Продолжение следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Demir U.* Tarih-i Mehmed Giray (Değerlendirme-çeviri metin): Yüksek Lisans Tezi / Uğur Demir. Danışman: Prof. Dr. Necdet Öztürk. İstanbul, 2006. 163 s.

2. *Tarih-i Mehmed Giray*. Mehmed Giray [VerfasserIn]; Hammer-Purgstall, Joseph von, 1774–1856 [Vorbesitzer] // Österreichische Nationalbibliothek [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://digital.onb.ac.at/RepViewer/viewer.faces?doc=DTL_8000142&order=1&view=SINGLE (дата обращения: 30.10.2024).

Сведения об авторе и переводчике: Абдуземилев Рефат Рустем оглы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культур этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); refatimus@gmail.com

Dervish Mehmed bin Mubarek Geray Genghisi. The Chronicle “Tarikh-i Mehmed Geray” (“Mehmed Geray’s History”) (part 5)*

Refat Abduzhemilev

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University;

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. The Chronicle “Tarikh-i Mehmed Geray” (1682–1703) by the Crimean Tatar historiographer Dervish Mehmed bin Mubarek Geray Genghisi is the narrative source reflecting the history of the Crimean Khanate and the Ottoman state in 1682–

* Continuation. See the beginning in: Abduzhemilev R. R. Dervish Mehmed bin Mubarek Geray Genghisi. The Chronicle “Tarikh-i Mehmed Geray” (“Mehmed Giray’s History”) (part 1–4). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 189–214. DOI: 10.22378/kio.2022.1.189-214; 2022, vol. 9, no. 2, pp. 176–192. DOI: 10.22378/kio.2022.2.176-192; 2023, vol. 10, no. 1, pp. 176–197. DOI: 10.22378/kio.2023.1.176-197; 2023, vol. 10, no. 2, pp. 181–189. DOI: 10.22378/kio.2023.2.181-189 (In Russian)

1703. The date of the work is 1703 (completed in the month of Rejeb 1115). A copy of the chronicle has been preserved in the funds of the Austrian National Library (Österreichische Nationalbibliothek) under the cipher (inventory number) No. 1080, Cod. H.O.86 HAN MAG. Volume (folio) – 125 sheets in taalik script, sheets are small. There are verses on 125 sheets. The manuscript is not marked with the title, but has an appraisal prescript: “Tarih-i Mehmed Geray Qara Mustafa Paşa cenklerin söyler üçüncü Sultan Mehmed Han vaqtlarından Sultan Ahmed Han biñ yüz on beş tarihınacak söyler bir maqbul tarihdır” / “Mehmed Tarikh-i Mehmed Geray narrating about the wars of Kara Mustafa Pasha, the acceptable story telling from the time of Sultan Mehmed Khan III to the period of Sultan Ahmed Khan, up to the year one thousand one hundred and fifteen”.

The Chronicle’s translation into Russian (the author of the translation is R.R. Abduzhemilev) was made from the text’s transliteration of the manuscript into Latin, presented in the Turkish edition of Ugur Demir’s master thesis “Tarikh-i Mehmed Giray” (assessment – text’s transcription)” (consultant: Prof. Dr. Nejdett Öztürk, Istanbul, 2006, 163 pages).

Keywords: Austrian National Library (Österreichische Nationalbibliothek), Dervish Mehmed bin Mubarek Geray Jengizi, Crimean Khanate, Crimean Tatar literature, narrative source, Tarikh-i Mehmed Geray, Ugur Demir, chronicle.

For citation: Abduzhemilev R.R. Dervish Mehmed bin Mubarek Geray Genghisi. The Chronicle “Tarikh-i Mehmed Geray” (“Mehmed Geray’s History”) (part 5). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 149–167. DOI: 10.22378/kio.2024.2.149-167 (In Russian)

REFERENCES

1. Demir U. Tarikh-i Mehmed Giray (Evaluation-transliteration text): Master Thesis] / Ugur Demir. Advisor: Prof. Dr. Nejdett Öztürk. Istanbul, 2006. 163 p. (In Turkish)
2. Tarih-i Mehmed Giray. Tarikh-i Mehmed Giray. Mehmed Giray [authors]; Hammer-Purgstall, Joseph von, 1774–1856 [previous owner] // Austrian National Library. [Electronic resource]. Access mode: https://digital.onb.ac.at/RepViewer/viewer.faces?doc=DTL_8000142&order=1&view=SINGLE (access date: 30.10.2024). (In Ottoman Turkish & Arabic Script)

About the author and translator: Refat R. Abduzhemilev – Cand. Sci (Philology), Senior Research Fellow of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebnyy lane, Simferopol 295015, Crimea, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); refatimus@gmail.com

**Крымское ханство и Польша-Литва.
Международная дипломатия на европейской
периферии (XV–XVIII века).
Исследование мирных договоров
с последующими аннотированными
документами. Османская империя
и ее наследие**

Дариуш Колодзейчик

Аннотация. Данная работа является переводом с английского главы 1 «Язык и сохранение документов» части 2 книги Дариуша Колодзейчика «*Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие*» (стр. 223–265). Это название серии книг известного историка, директора Института истории Варшавского университета, профессора Института истории Польской Академии наук Дариуша Колодзейчика. Его работа “*The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage*” была опубликована в 2011 году в Лейдене/Бостоне.

В первой главе «Язык и сохранение документов» части второй указанной работы профессор Д. Колодзейчик рассматривает вопросы, связанные с проблемами языка и сохранением документов в истории Крымского ханства, его взаимоотношениями с Речью Посполитой. Проводится анализ обширного корпуса исторических источников: дипломатических договоров, писем, хроник, путевых записок, карт и оригинальных документов, опубликованных в книге. Это официальные переводы, хранящиеся в королевских архивах, копии, внесенные в Королевский и Литовский реестры, и экземпляры документов, находящихся в различных коллекциях и написанных на языках, используемых как крымской канцелярией, так и литовской, и польской, – на тюркском (османском), крымскотатарском, польском, латинском, русинском, немецком и других языках. Рассматривая проблемы, связанные с переводом, транслитерацией, интерпретацией и аутентичностью этих документов, а также с их хранением, изданием и доступностью для исследователей, Д. Колодзейчик подчеркивает, что язык и сохранение документов играют важную роль в понимании истории Крымского ханства и его роли в международной дипломатии на европейской периферии.

Ключевые слова: Крымское ханство, польско-литовская дипломатия, крымскотатарская международная дипломатия, тюркский язык как язык степной дипломатии, канцелярия Золотой Орды, языковое разнообразие, источниковедение, архивы.

Для цитирования: Колодзейчик Д. Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие / Пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 168–213. DOI: 10.22378/kio.2024.2.168-213

ЧАСТЬ 2

ИССЛЕДОВАНИЕ КРЫМСКОЙ И ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Глава первая

Язык и сохранение документов

Тюркские языки, используемые крымской канцелярией

С периода основания империи Чингисидов в ее канцелярии преобладал монгольский язык, записанный уйгурским письмом. Однако на западных окраинах империи, известных как *улусы* Джучи и Чагатай по именам двух сыновей Чингисхана, в XIV веке он постепенно уступил место тюркскому канцелярскому языку¹.

Канцелярский язык, используемый в *улусе* Джучи (т. е. так называемой Золотой Орде), сегодня называется хорезмийским тюркским, поскольку он развился в Хорезме, принадлежавшем в тот период *улусу* Джучи, и произошел преимущественно от западных тюркских диалектов кыпчаков². После того как

¹ О постепенном исчезновении монгольского языка см. прим. 2 в части 1.

² См. Иштван Вашари «Договор крымского хана Менгли Герая и жителей Кырк-Ера от 1478/79 года», *Центрально-азиатский журнал* 26 (1982): 289–300, особенно с. 297. Хотя этот язык позднее повлиял на развитие литературных языков и татар, и узбеков, было бы анахронизмом считать его древнетатарским или древнеузбекским. Миркасым Усманов убедительно высказывается против названия языка, используемого в Золотой Орде, чагатайским (Хорезм, где он фактически развивался, не принадлежал *улусу* Чагатая). Усманов также решительно возражает против приписывания заслуг в развитии этого языка *Али Ширу Навои* (Алишер Навои. – *Прим. пер.*) (1441–1501), известному среднеазиатскому ученому, признанному сегодня отцом узбекской национальной поэзии. На самом деле этот язык использовался в Хорезме, на Волге и в Крыму задолго до рождения Навои; см. Усманов, *Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.*, с. 101–106. Лингви-

монгольский язык исчез, уйгурское письмо, изначально тоже использовавшееся для записи как монгольских, так и тюркских текстов, уступило место арабскому, почитаемому исламизированными правителями Золотой Орды из династии Чингизидов как письмо Корана. В результате хорезмийский тюркский язык, записанный арабской вязью, был также принят в качестве языка канцелярии в Крымском ханстве, основатели которого претендовали на родословную Чингизидов Золотой Орды.

Значение тюркского литературного языка(ов), основывающегося на кыпчакских диалектах, не ограничивалось татарскими канцеляриями. Эдвард Кинан (Keenan) подчеркивал важность тюркского языка как языка степной дипломатии, связывающего огромные территории, простирающиеся от Каира до Пекина и от Вильнюса до Дели, и сравнивал его с «*латынью мира сего*»³. Помимо использования в качестве разговорного и литературного языка при дворе у мамлюков в Каире⁴ в XVI веке кыпчакский тюркский достиг Индии, завоеватель которой, Бабур, написал свои знаменитые мемуары на стандартном канцелярском языке своей среднеазиатской родины⁵. Тюркский язык также широко использовался московской канцелярией не только в ее отношениях с татарами, но и с монголами, и даже – с Китаем⁶. До XVIII века в русской канцеля-

стический анализ ярлыка, адресованного Тохтамышем Ягайло в 1393 году, уже был предпринят выдающимся немецким русским тюркологом Василием Радловым [Friedrich Wilhelm Radloff]; см. его «Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга», в: *Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества*. Под ред. В. Розена, т. 3, выпуски 1–2 (Санкт-Петербург, 1888): 1–40, особенно с. 39. Хотя терминология, используемая автором, сегодня может считаться анахроничной (особенно использование термина «чагатайский»), его выводы убедительно указывают на сильное присутствие северных и западных тюркских диалектных элементов в литературном языке, используемом тогда канцелярией Золотой Орды.

³ Кинан. *Московия и Казань*. С. 550.

⁴ Чарльз Гальперин. Связь кыпчаков: Ильханы, Мамлюки и Айн Джалут. *Бюллетень школы восточных и африканских исследований*, 63 (2000): 229–245, с. 232.

⁵ По поводу тюркского языка XVI века, используемого в центральноазиатских канцеляриях, прилагательное «чагатайский» оправдано, и заслуга Али Ширы Навои за его усовершенствование является полностью заслуженной; см. прим. 2 выше.

⁶ Этот факт вскоре был забыт; рукописный каталог девятнадцатого века Крымского раздела (фонда), сохранившийся в российских архивах, содержал запись, относящуюся к письму на татарском языке, составленную неизвестным автором и не снабженную никаким переводом. Только в 1858 году выяснилось, что письмо было написано царем Михаилом Романовым (*okazalsja gramotoju pisannoju po tatarski êarja Mihaila Feodoroviča*) в 7128 г. (т. е. в 1620 г. нашей эры) и адресовалось Алтын-хану. Таким образом, ошибочная запись была зачеркнута и снабжена пометкой на полях, информирующей, что письмо передано в монгольский раздел; см. РГАДА, рукописный каталог, ф. 123, указ. 2; номер записи 71 (зачеркну-

рии работало много татарских писцов из Казани и Касимова⁷, а кыпчакский тюркский язык, обычно называемый «татарским» или «мусульманским» языком (*басурманский язык*), оставался лингва франка степи, облегчая контакты Санкт-Петербурга с казахами и коренными жителями Сибири, Средней Азии и Кавказа⁸.

Как ни парадоксально, но в российской переписке с крымскими татарами от «татарского» постепенно отказывались в пользу османского турецкого⁹. В этом аспекте русская канцелярия просто следовала за крымской, в которой процесс постепенного замещения кыпчакского языка огузским продолжался с конца XV до XVIII в.¹⁰ Поразительно, но кыпчакский тюркский язык сохранялся гораздо дольше в переписке между Бахчисараем и Москвой, чем в переписке между Бахчисараем и Стамбулом. В своих письмах к султанам ханы пе-

то). О роли Алтын-ханов (букв. «золотые ханы» – титул, относящийся к нескольким, следующим друг за другом, членам одной и той же монгольской династии) в начале русско-китайских отношений, См. также: В. С. Мяников, «Империя Цин и Российское государство в 17 веке», с. 64–71; Марк Мэнкелл (Marc Mancall), Россия и Китай. Их дипломатические отношения до 1728 года (Кембридж, Массачусетс), с. 39.

⁷ Касимов (*тат.* Ханкирмэн, Касыйм) – город в России, административный центр Касимовского района Рязанской области. В XV–XVI вв., наряду с Казанью, являлся одним из крупных татарских и мусульманских центров России, столица Касимовского ханства. Название города происходит от имени хана, выходца из Казани, – Касима.

⁸ Келлнер-Хейнкеле (Kelner Heinkele), «Санкт-Петербург и степные народы», стр. 229, 235–236; См. также: М. А. Усманов, «О документах русско-восточной переписки на тюркских языках в XV–XVIII вв. и их историковедаческом значении» // *Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины*. Т. 2 (Москва, 1994 г.). С. 123–138.

⁹ См. копию письма Екатерины II, отправленного в августе 1777 года новому хану Шахин-Гераю с поздравлениями по случаю его воцарения (которому фактически содействовали русские войска); письмо написано на османском турецком языке; Архив внешней политики Российской империи, ф. 123, оп. 3, № 2. К концу XVIII века даже ногайские подданные крымских ханов в своей переписке переняли османский турецкий язык; документы, изданные в 1772 г. ногайскими лидерами, которые вели переговоры о своем переходе из-под крымского сюзеренитета под российское покровительство, составлены на османском турецком, а не на кыпчакском тюркском языке; см. № 585 в части 1.

¹⁰ К концу XVIII века даже ногайские подданные крымских ханов переняли в своей переписке османский турецкий язык; документы, подписанные в 1772 году ногайскими лидерами, договаривавшимися о переходе их из-под крымского сюзеренитета под покровительство России, составлены на османском тюркском, а не кыпчакском тюркском, ср. № 585 в части 1.

ренимали османские формы и формулировки, тем самым представляя себя верными вассалами Порты¹¹.

В то время как политический прагматизм, продемонстрированный ханами в перенятых ими османских традициях вследствие их контактов со Стамбулом, очевиден, сохранение кыпчакских элементов в крымской переписке с Москвой в равной степени объяснимо. Для ханов оформление писем в древней форме ярлыков и сохранение традиционной формулировки этих ярлыков было безусловным напоминанием о преобладании их предков над московскими князьями. Что касается московской стороны, то декларируемый ею консерватизм не позволил бы принять документ, отступающий от некогда устоявшейся терминологии. Вышеприведенный тезис может быть подкреплён тем фактом, что термин «*şartname*» (шартнаме) сохранялся в крымско-московской переписке до конца XVII века, в то время как в крымско-польской он был заменён уже в конце XVI века термином «*ahdname*» (ахднаме), введенным под влиянием османской канцелярской традиции¹².

Кроме того, в качестве языка взаимной переписки Москва отдавала предпочтение кыпчакскому тюркскому, а не османскому турецкому языку, потому что переводчики первого из них были под рукой, они набирались среди царских подданных, многие из которых были крещеными волжскими татарами, пользовавшимися гораздо большим доверием, чем мусульмане. Таким образом, лингвистические особенности переписки ханов со Стамбулом и Москвой можно рассматривать как два крайних полюса: первый характеризуется сильнейшей османизацией, а второй – сохранением кыпчакских компонентов.

Тем не менее, трудно согласиться с Сагитом Фаизовым, утверждающим, что кыпчакская лексика и морфология все еще доминировали в крымском языке канцелярии вплоть до середины XVII века, хотя автор делает свои выводы, главным образом основываясь на крымской переписке с Москвой, по

¹¹ Менгли-Герай настолько далеко зашел в представлении себя как полностью «османизованного» вассала, что в письме к Мехмеду II принял «османизованную» форму своего имени: Бенгли, а не Менгли; см. Усманов, *Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.*, с. 108; факсимиле этого письма см. в *Le khanat de Crimée*, p. 78. Правнук Менгли, Гази Герай II, известный как талантливый поэт, писал стихи как на османском турецком языке, так и на кыпчакском тюркском [крымскотатарский язык, сложившийся под влиянием чагатайского и азербайджанского литературных языков, популяризированный поэзией Навои и Физули (Fizuli)], поэтому он мог сознательно выбирать, на каком языке вести переписку с разными адресатами; о языке (языках) его поэзии см. İsmail Hikmet Ertaylan, *Gâzi Geray Han: hayâtı ve eserleri* (İstanbul, 1958), pp. 31–32 и 61 [Исмаил Хикмет Эртаylan, *Гази Герай Хан: его жизнь и произведения* (Стамбул, 1958г.), с. 31–32 и 61].

¹² См. Глава 2 ниже; конечно, ни один из терминов не имеет кыпчакского происхождения, но в отличие от 'ахднаме, термин шартнаме использовался крымской канцелярией до ее османизации.

общему признанию, наиболее «кыпчакизированной»¹³. Многие слова, записанные арабской графикой и предварительно транскрибированные Фаизовым естественным для волжского татарина образом, в Крыму в XVII в. могли произноситься иначе, особенно в его южной части, подверженной огузскому языковому влиянию, как османскому, так и местному.

По степени и темпам *османизации* крымские письма, адресованные Речи Посполитой, занимают промежуточное положение между крымской перепиской со Стамбулом и перепиской с Москвой¹⁴. И только один документ, представленный в нашем томе, *шартнаме*, адресованное Мехмед Гераем Сигизмунду в 1520 г., сохранился на хорезмийском тюркском языке. Следующие крымские документы, сохранившиеся в оригиналах арабской графикой, являются гораздо более поздними и относятся к концу XVI века. Они уже содержат смешение кыпчакских (т. е. татарских) и огузских (т.е. османско-турецких) элементов. Если судить только по сохранившемуся польскому переводу, еще более сильное присутствие османско-турецких форм, заимствованных из османской канцелярии, фиксируется в документе Мехмеда III Герая 1624 г. Длительное сосуществование кыпчакских и огузских элементов все еще находит отражение и в «ахднаме», отправленных в 1640 г. из Бахчисарая Владиславу IV ханом Бахадыр Гераем и нуредином Кырым Гераем.

Хотя эти два документа составлены одной и той же канцелярией в одно и то же время и почти идентичны по содержанию, в языковом отношении эти два документа существенно различаются. В ханском документе встречаются кыпчакские формы *джибермек* (*cibermek*) и *такъы* (*taqı*), в то время как их огузские альтернативы *гёндюрмек* (*göndürmek*) и *дахы* (*dahi*) вообще отсутствуют; причем кыпчакское аблятивное окончание (-дин) встречается в четыре раза чаще, чем огузское (-ден). С другой стороны, в документе нуреддина кыпчакское аблятивное окончание встречается всего в два раза чаще, чем огузское, частота использования кыпчакских и огузских альтернативных глаголов *джибермек* (*cibermek*) / *гёндюрмек* (*göndürmek*) почти равна (11:9), а кыпчакская форма *такъы* (*taqı*) вообще отсутствует и заменена ее огузской альтернативой *дахы* (*dahi*). Кыпчакский оптативный суффикс -*гай*/

¹³ См. Сагит Фаизов, «Из переписки крымских ханов с русским царем и польским королем, 1654–1658 гг.» // В: *Русская и украинская дипломатия в международных отношениях против Европы середины XVII в.* (Москва, 2007): с. 438–478, особенно с. 443.

¹⁴ Усманов заключает, что переписка Бахчисарая с Москвией и Польшей-Литвой сохранила больше кыпчакских черт, чем переписка со Стамбулом, но он не делает различия между первыми двумя группами; *ср. то же: Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.*, с. 108. Также Фаизов, изучавший крымскую переписку с Москвой и Варшавой в середине XVII века, не комментировал о языковых различиях, а вместо этого склонялся к общим выводам о языке, используемом в крымской канцелярии; *см. там же: «Из переписки крымских ханов с русским царем и польским королем, 1654–1658 гг.»*, с. 443.

-geй (-ğay/-gey) девять раз *встречается* в ханском документе и только два раза в нуреддинском. В этом последнем аспекте оба документа уступают место одному, отправленному в том же году калгой Ислам Гераем и изданному не в Бахчисарае, а в *Farahkerman (Перекопе)*, который содержит целых тринадцать кыпчакских оптативных суффиксов¹⁵.

Пожалуй, первым документом в нашем исследовании, где огузские формы определенно преобладают над кыпчакскими, является *ахднаме*, отправленное в Польшу в 1646 году ханом Исламом III Гераем. Примечательно, что шестью годами ранее, когда он был еще калгой, Ислам Герай издал документ, имевший ярко выраженный кыпчакский стиль (см. выше). Процесс османизации был более или менее завершен в следующем десятилетии. В *ахднаме* Мехмеда Герая IV, изданном в 1654 году, встречается чисто огузская форма *хазретлерине олсун* (*hazretlerine olsun*), тогда как *ахднаме* Ислам Герая III 1646 года все еще имеет форму *хазретлериге болсун* (*hazretlerige bolsun*).

Документ Селамет Герая II, датированный 1742 годом, стоит особняком, поскольку это уникальный документ в нашем исследовании, относящийся к XVIII веку. Документ написан на чисто османском турецком языке, хотя о славном прошлом Чингисидов до сих пор напоминает тот факт, что документ упоминается как ярлык (*varlıq*).

Язык крымских документов XVII века, сохранившихся в различных европейских архивах, уже изучался несколькими тюркологами. Мария Иванич (Maria Ivanics), изучавшая крымские письма, адресованные князьям Трансильвании, отметила «смешение кыпчакских и огузских языковых элементов», но пришла к выводу, что эти письма с лингвистической точки зрения скорее «похожи на османско-турецкие, а не татарские». Тем не менее, она признала, что в крымских письмах, отправленных в Трансильванию, «доля огузских элементов гораздо больше, [...] в документах, написанных русским царям, преобладают кыпчакские элементы»¹⁶. Йозеф Матуз (Josef Matuz), изучавший язык крымских документов, адресованных датским королям, обнаружил заметные различия между отдельными документами, даже теми, которые были изданы в один и тот же период, что напоминает ранее указанные различия между документами, отправленными в Польшу в 1640 году. Матуз выделил три лингвистические категории: от почти сугубо османско-турецких писем (8), до тех, в которых «несколько больше» (*etwas mehr*) кыпчакских элементов (12), и, наконец, наиболее «кыпчакизированные» (3), хотя и признавал, что даже язык последних нельзя характеризовать как чисто

¹⁵ См. документы 55–57.

¹⁶ Мария [Мария] Иванич, «Формальные и лингвистические особенности крымскотатарских писем XVII века, адресованные князьям Трансильвании», АО АШН 29 (1975): 213–224, особ. с. 221 и 224.

кыпчакский или крымскотатарский¹⁷. Любопытно, что письмо, отправленное в 1661 году Мехмедом Гераем IV, описывается Матузом как *eher tatarisch* («скорее татарское») и включено в категорию наиболее «кыпчакизированных»¹⁸, тогда как в нашем исследовании документ того же хана, составленный в 1654 году, является наиболее «османизированным» (не считая гораздо более позднего документа 1742 г.). Помимо указания на уже упомянутые различия между отдельными документами, изданными в один и тот же период, этот кажущийся парадокс можно объяснить фактом, что имеющийся в нашей коллекции документ Мехмеда Герая IV является одним из самых поздних (второй из последних, сохранившихся арабской графикой), крымские же письма, сохранившиеся в датских архивах, датируются не позднее чем 1658 годом. Таким образом, документы Мехмед Герая IV в целом более «османские», чем его предшественников, но более «кыпчакизированные», чем документы последующих ханов. Язык крымской канцелярии изучала также Эльжбета Свенцицкая, проанализировавшая четыре сохранившихся в Стокгольме письма XVII века, отправленных женщинами династии Гераев.

В отличие от Иванич и Матуза, используя иной метод, она пришла к выводу, что соотношение между османским арабским/персидским и тюркскими словами в исследованных письмах составляло 135:40 и назывался их язык «татарско-османским»¹⁹.

Обратив внимание на постепенную османизацию языка *крымских документов*, адресованных польским королям, параллельно с сохранением кыпчакских элементов как минимум до середины XVII века, мы должны повременить с более глубокими выводами для проведения тщательного анализа, который включал бы все крымские письма, адресованные польско-литовским адресатам, а не только те немногие, которые можно классифицировать как формальные документы мира. Эта задача выходит за рамки настоящего исследования и ждет своего будущего исследователя.

Другие языки, используемые крымской канцелярией

Помимо хорезмийского тюркского языка, затем смешения татарского и османского языков, турецкого и, наконец, чисто османского турецкого, а также выполнения записей арабской графикой, крымская канцелярия использовала еще и другие языки.

¹⁷ Матуз, Крымскотатарские документы в Национальном архиве Копенгагена, с. 83–85.

¹⁸ Там же, с. 119; текст письма см. там же, с. 139–141 и таблицы IV–V (факсимиле).

¹⁹ Эльжбета Свенцицкая, «Дипломатические письма крымских дам из дома Гераев в Шведский королевский дом», *Восточный ежегодник* 55 (2002), №. 1, с. 57–90, особенно с. 60.

В 1894 году русский историк Михаил Бережков опубликовал статью, выдержанную в характерном для того времени имперском тоне. Автор утверждал, что крымские документы, касающиеся мира с Россией, на самом деле были составлены московской канцелярией на русском языке, а затем отправлены в Крым только для того, чтобы хан их заверил. По словам Бережкова: «ханской канцелярии надлежало только перевести русский проект на татарский язык, добавить заглавные титулы, да заключительные формулы и скрепить [составленные таким образом] документы печатью»²⁰.

Как бы утешая себя за незнание восточных языков, автор оптимистично заключил: «таким образом, русские тексты (рус. *gramoty*) по своему содержанию и значению не уступают татарским оригиналам; они даже превосходят их [sic-DK], потому что крымские *şartnames* (шартнаме) (рус. *шерти*) были просто переводами русских подлинников»²¹.

Пренебрежительное отношение Бережкова к татарской канцелярии впоследствии было справедливо высмеяно ведущим российским востоковедом Александром Самойловичем²². Возможно, в ответ на столь уничижительные взгляды на татарскую культуру, как и у Бережкова, в настоящее время мы встречаем противоположные взгляды, особенно среди татарских ученых, умаляющих или вовсе игнорирующих роль русского языка – и, по аналогии, любого нетатарского языка – в прошлом иностранной дипломатической переписки Бахчисарая. Сагит Фаизов утверждает, что документы о мире (шарт-/ *şart*- и ахднаме/ *'ahdnames*), имевшие хождение между Бахчисараем и Москвой, были составлены исключительно на татарском языке и выпускались ханской канцелярией в одностороннем порядке, по аналогии с *ярлыками*, некогда выдававшимися ханами Золотой Орды²³.

Утверждая, что ни один мирный договор XVII в. между Бахчисараем и Москвой не был составлен на русском языке, тот же автор заключает: «можно

²⁰ ...ханской канцелярии оставалось только перевести по-татарски этот русский список, прибавляя заглавные титулы да заключительные формулы и скрепить документы печатью; смотрите Бережков, *Крымские Шертные Грамоты* (Киев, 1894), с. 3. (...*hanskoj kancelarii ostavalos' tol'ko perevesti po-tatarski étot russkij spisok, pribavja zaglavnye tytuly da zaključitel'nyja formuly i skrepja dokumenty pečat'ju*; see Berežkov, *Krymskie šertnye gramoty* (Kiev, 1894), p. 3).

²¹ Таким образом русския грамоты по содержанию и по значению не уступают татарским подлинникам; они даже преимуществуют пред ними, ибо крымския шерти были простым переводом с русских образцовых записей; см. там же.

²² См. Александр Самойлович, «О «пайза» – «байса» в Джучиевом улусе (К вопросу о басме хана Ахмата)», *Известия Академии наук СССР* 20 (1926): с. 1107–1120, особенно с. 1108.

²³ Русско-крымские шерт-наме и гахед-наме существовали лишь как татароязычные документы, исходившие из канцелярии хана, подобно ярлыкам-пожалованиям золотоордынских ханов; Фаизов, «Из переписки крымских ханов с русским царем и польским королем, 1654–1658 гг.», с. 442.

предположить – за неимением источников [sic-DK] – что и крымско-польские договоры XVII века составлялись исключительно на крымскотатарском языке»²⁴. В значительной степени взвешенная точка зрения в отношении более раннего периода (XV–XVI вв.) предлагается Усмановым, который, тем не менее, настаивает, что почти все письма, отправленные Гераями в Москву, были составлены на татарском языке и переведены на русский язык только в московской канцелярии, а русские ответы были составлены на двух языках: русском оригинале и его татарской копии²⁵.

Современный исследователь сталкивается с тем фактом, что все самые ранние крымские документы о мире (*instruments of peace*), адресованные московским правителям в XV и XVI веках, сохранились только в копиях на русском языке.

Некоторые из этих копий упоминаются как переводы (по рус. *перевод*), поэтому мы можем с уверенностью предположить, что их оригиналы были выполнены арабской графикой и написаны на хорезмийском тюркском или татарском языке. Иногда мы находим дополнительные ссылки на ныне утраченные оригиналы. Например, в описи московских архивов конца XVI века мы читаем, что *шартнаме* Менгли Герая (по-русски *шертная грамота*), приведенная в 1508 году Константином Заболоцким и сохранившаяся сегодня только в русской копии, была написана «мусульманским шрифтом» (*бесерменским письмом*)²⁶. Некоторые из наиболее ранних крымских документов к 1626 году были все еще в сохранности, пережив великий московский пожар; в официальной описи, составленной после катастрофы, перечислены «шесть старинных крымских *шартнаме*, [полученных] во время правления Василия Ивановича [годы правления 1505–1533 гг.], великого князя всея Руси, присланные в разные годы, и одна из них адресована Ивану Васильевичу [годы правления 1533–1584 гг.], царю и великому князю всея Руси, написанные на листах бумаги татарской вязью, очень поврежденные и рваные, два [из них] с отсутствующими верхней и нижней частями»²⁷. Уже упоминавшийся факт, что московская канцелярия также издавала документы на тюркском языке, написанные

²⁴ Русскоязычные договоры XVII в. между Россией и Крымским юртом неизвестны. Можно предполагать – вследствие недостатка источников – что и крымско-польские договоры XVII в. исполнялись на крымскотатарском языке; см. там же.

²⁵ Усманов, *Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.*, с. 109.

²⁶ *Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. Под редакцией С. Шмидта* (Москва, 1960), с. 28.

²⁷ *Шесть грамот крымских шертных, старых, при великом князе Василье Ивановиче всея Руси, присланы в разные годы, и одна из них к царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, писаны на бумаге на листике, татарским письмом, ветхи гораздо и подраны, у дву[х] верхов и споду нет*; см. *Опись архива Посольского приказа 1626 г.* Под редакцией В. Галькова и С. Шмидта (Москва, 1977), часть 1, с. 79.

арабской графикой, подтверждается реестром, изданным в 1800 году Алексеем Малиновским, сотрудником и будущим директором архива МИД России. Запись в реестре относится к торжественному письму, отправленному Иваном III Менгли Гераю в 1481 году, в котором было «написано на татарском языке и заверено золотой печатью» (*писанная на татарском языке с приложением золотой печати* / *pisannaja na tatarskom jazyke s priloženiem zolotoj pečati*). Два других письма, составленные в том же году от имени Ивана III, также были написаны на татарском языке²⁸.

Утверждая о широком использовании тюркского языка и арабской графики в крымско-московской взаимной переписке, мы все еще можем задаться вопросом о роли русского языка и кириллицы. Несомненно, в Москве основным языком функционирования был русский.

Даже если некоторые документы, адресованные ханам и крымским сановникам, были составлены на татарском языке, московским посланникам одновременно предоставлялись их копии на русском языке. Кроме того, и входящая, и исходящая корреспонденция велись в реестрах московской канцелярии на русском языке²⁹. В Крыму ситуация была, по-видимому, аналогичной, с тюркским языком в качестве основного, но также – из практических соображений – допускалось использование других языков и письменностей для дипломатической переписки.

Изучив русские переводы татарских писем, отправленных в Москву, Эдвард Кинан определил тюркский синтаксис и лексику, которые часто проявляются в русском тексте³⁰. Его выводы могут быть полностью подтверждены автором настоящей статьи, обнаружившим многочисленные аналогии в русинском переводе татарских писем, отправленных в Вильнюс³¹. Тем не менее, наличие тюркских калек и заимствованных выражений в существующем в настоящее время тексте на восточнославянском языке не обязательно должно означать, что этот текст является переводом ныне утраченного тюркского оригинала. Можно предположить, что тюркские языковые элементы вставил но-

²⁸ См. «Реестр *шертным грамотам* крымских ханов, записям послов их и другим постановлениям», с крымскими татарами бывшими, соч. 1800 г. канц. сов. А. Малиновским», опубликовано в «Памятниках дипломатических сношений». Под редакцией Ф. Лашкова, с. 1–22, особенно с. 2.

²⁹ См. Хорошкевич, *Русь и Крым*, с. 207 и 276.

³⁰ Кинан, «Московия и Казань», с. 550.

³¹ Например, выражение *в головах*, часто встречающееся в русинских переводах ханских писем, не имеет особого смысла для славяноязычного носителя языка, но абсолютно понятно в тюркском контексте, поскольку оно эквивалентно термину *башилыг* (*başlığ*) («начинать с»); самым известным заимствованным выражением, конечно же, является термин *слово мое* («мое слово»), которое отражает тюркскую формулу *sözüm*, встречающуюся в заголовках татарских документов; дополнительные примеры см. в документе 20, текст которого, к счастью, сохранился в обоих вариантах: хорезмийском-тюркском и русинском.

ситель татарского языка или ассимилированный славянин на ханской службе, которому поручено было составить документ на русском или русинском языке. Тюркские выражения также вошли в язык московской канцелярии, стоит упомянуть такие важные термины как *ярлык* и *шерть*. Известно даже, что Иван III и Василий III применяли формулу *слово мое* (букв. «[это] мое слово», заимствованное слово от тюркского *sözüim*) – первоначально предназначавшуюся только для чингисидов – в их переписке с татарскими *мурзами* и беями, что было вызвано желанием поднять престиж московского правителя в глазах адресатов³².

Фактически существуют три варианта объяснения присутствия тюркских языковых элементов в дошедших до нас текстах на русском или русинском языках:

1) дошедшие до нас тексты, возможно, были переведены с ныне утраченных тюркских оригиналов переводчиками канцелярий-получателей – славянами или татарами на московской или литовской службах;

2) тексты могли быть подготовлены уже в Крыму переводчиками крымской канцелярии (татары, крымские христиане или московские и литовские «ренегаты» на ханской службе) и отправлены вместе с оригиналами документов на тюркском языке для облегчения получателю правильного понимания послания хана (многие татары на литовской и московской службах говорили на разговорном языке, но немногие из них умели читать арабскую графику);

3) дошедшие до нас тексты могут быть копиями оригинальных документов, изначально составленных крымской канцелярией на славянском языке и кириллице и скрепленных ханской печатью. Хотя приведенные выше мнения Усманова и Фаизова тяготеют в сторону первого варианта, несколько записей в московских канцелярских книгах, идентифицированных Ильей Зайцевым и автором настоящей статьи, доказывают, что, по крайней мере, некоторые крымские письма, адресованные Москве, первоначально были составлены на русском или русинском языке. Например, в 1492 году Менгли Герай обратился к Ивану III «*русским письмом*» (*in the Russian script*), а в 1502 году письмо хана, отправленное в Москву, снова упоминалось как написанное на кириллице (*a se careva gramota ruskim pismom – a se царева грамота русским письмом*). В 1528 году Саадет Герай в своем письме Василию III подчеркнул, что написал свое письмо на русском (*a se careva gramota – a цю эсми грамоту [...] по-русски написал*), и два года спустя тот же хан еще раз уведомил адресата: «Я отдал [свои] письма, написав их на твоём языке» (*по вашему языку написав грамоту [...] дал эсми*)³³.

³² Хорошкевич, *Русь и Крым*, с. 188 и 276.

³³ Цитаты 1492, 1528 и 1530 см.: Зайцев, *Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники* (Москва, 2009 г.), с. 19–20; любопытно, что тот же автор, кажется, недооценивает использование русского языка в ханской канцелярии и считает русский язык менее важ-

Стоит задаться вопросом, какой восточнославянский диалект преобладал в ханской канцелярии. Анна Хорошкевич приводит пример письма Менгли Герая, текст которого зафиксирован в Московской канцелярской книге, он содержит «старобелорусские» (т. е. русинские) языковые элементы.

Хотя допускаю возможность, что запись могла быть составлена недавним иммигрантом из Литвы, работавшим в московской канцелярии. Хорошкевич тем не менее предполагает, что текст был скорее составлен в Крыму уже на русинском языке³⁴.

Использование в крымской канцелярии восточнославянских языков наряду с тюркским однозначно подтверждается перепиской между Кырк Ером и Вильнюсом. Ведь, прежде чем взойти на крымский престол, Хаджи Герай долгое время жил в Литве и считался среди современников литовским жителем. Старейшим крымским документом в оригинале, сохранившимся в Польше, является письмо, отправленное сыном Хаджи, Менгли Гераем, Юрию Радзивиллу, воеводе киевскому, в марте 1512 года³⁵. Запечатанное ханским *нишаном* (*nişan*), составленное на русинском языке, оно начинается словами: *Великое Орды от великого царя Менгли Герая Царя слово* (*Великое wrды ѿ великого црѣ менли герена црѣ слово*). Конечно, это был не единственный документ на русинском языке, изданный Менгли Гераем, хотя, возможно, это единственный сохранившийся в настоящее время экземпляр. В 1514 году в письме Менгли Гераю Сигизмунд признал получение двух писем одинакового содержания, написанных на русинском и татарском (*листы свои в одно слово по руски и по татарски к нам прислал еси*)³⁶. К сожалению, ни одно из этих писем не сохранилось в настоящее время в оригинале, хотя письма Менгли с 1514 года мы находим в многочисленных русинских копиях.

В 1562 году, когда внук Менгли, Девлет Герай, призвал Сигизмунда Августа присоединиться к его походу на Московию, ханское письмо, написанное в военном городке на реке Самара, было вновь написано на русинском. Поскольку в этот период ханы, очевидно, не брали с собой важных печатей (*nişans*), письмо было заверено лишь печатью Девлета. Помимо запечатанного оригинала, сохранившегося сегодня в польских архивах, копия ханского пись-

ным, чем латынь. Цитату 1502. см. в «Памятниках дипломатических сношений», т. 1, с. 377; правда, аналогичная запись на с. 390, со ссылкой на письмо османского принца, проживающего в Каффе, предполагает, что перевод был сделан уже в Москве сотрудником крымского посольства, которого называют *бахши* (*bahşi*) (*a se грамота руским письмом; а имяни салтанова бакшей в ней не перевел*); о термине *бахши*, ср. Документ 35, № 21.

³⁴ Хорошкевич, Русь и Крым, с. 19; Письмо Менгли зафиксировано среди бумаг татарского посольства за 1509 год.

³⁵ См. № 123 в части 1.

³⁶ Пуласки, *Отношения Польши с Татарским краем*, с. 445.

ма была внесена в книги Реестра (регистровые книги) Литвы³⁷. Если бы оригинал не сохранился, вероятно, некоторые ученые в настоящее время утверждали бы, что копия, хранящаяся в Литовском реестре, видимо, являлась переводом утраченного тюркского оригинала!

Есть и дополнительные сведения, указывающие на наличие более чем одного языка выбора в выдаче ханского документа. В его *шартнаме* (*присяжный лист*), отправленном Казимиру в 1480 году и сохранившемся в настоящее время в русинской копии, Менгли Герай ссылается на свою клятву, «произнесенную на [своем] родном языке» (*rekusy swoim yazykom*) в присутствии королевского посланника, как будто клятву можно было произнести и на другом языке³⁸. Иногда именно христианская сторона настаивала на написании документа на родном языке хана арабской графикой. В 1514 году Сигизмунд запросил у Менгли Герая документ мира, «написанный мусульманскими словами» (*pysany musulmanskymy slovy*), видимо, в надежде на то, что хан не нарушит обещания, написанного на арабском языке – священном письме Корана³⁹.

Помимо русинского, крымская канцелярия использовала языки и других «*неверных*». Использование греческого языка подтверждается письмом Менгли Герая, адресованным в 1481 году посланникам Генуи, сохранившимся в оригинале с печатью хана *нишан*⁴⁰. Что касается западных языков, документ

³⁷ См. № 292 в части 1; для аналогичной ситуации, когда хан подтвердил свой документ кольцом с печаткой, так как во время предвыборной кампании в Венгрии у него не было *нишана*, см. № 270 ниже.

³⁸ См. документ 6.

³⁹ См. № 148 в части 1; четырьмя годами ранее Сигизмунд связался с главным муллой при ханском дворе с просьбой о посредничестве и обращался к религиозным авторитетам среди членов династии Герай; см. №. 116 в части 1.

⁴⁰ Ободренная смертью Мехмеда II в 1481 году, Генуя возобновила дипломатическую деятельность в Причерноморье и пыталась заручиться поддержкой местных правителей, в том числе Менгли Герая, за восстановление сюзеренитета в Каффе. В сентябре 1481 года два генуэзских посла – Бартоломео да Кампофрегосо и Лодисιο Фиеско (Bartolomeo da Campofregoso and Ladicio Fiesco) прибыли в Киев (форма *Манкреман* – *Mancreman*), встречающаяся в генуэзских источниках, происходит от турецкого названия Киева: Манкерман) и с согласия короля Казимира начали переписку с Менгли Гераем, пригласившим их явиться инкогнито к его двору и обсудить секретный проект антиосманского союза. Генуэзско-крымские переговоры продолжались еще два года, но не принесли никакого результата; см. Джакомо Грассо, *Документы об учреждении союза против турок в 1481 г.* [extratto dal Giornale ligustica – отрывок из газеты (журнала) *Лигустика*] (Генуя, 1880), с. 21–22, 89–96 и 162–174; ср. Шербан Папакостя (Şerban Papacostea),

«Каффа и Молдавия перед лицом османской экспансии (1453–1484 гг.)» в *Коллоквиуме, Румынско-итальянский «Генуэзцы на Черном море в XIII–XIV веках»*. Бухарест, 27–28. Март 1975 г. Под редакцией Ш. Паску (Ş. Pascu) (Бухарест,

Нур Девлета, адресованный в 1467 году Казимиру, сохранившийся в латинской копии XV века, содержит поразительно точные *данные*, со ссылкой на мусульманский календарь (*в мусульманский восемьсот семьдесят второй месяц Зафер*).

Более того, два письма Менгли Герая, адресованные в 1472 году королям Польши и Богемии, сохранились также в латинских копиях, записанных в польских книгах Королевского реестра⁴¹. И, наконец, рукопись начала XVI века, хранящаяся в настоящее время в Загребе, содержит латинскую копию письма, адресованного Менгли Гераем королю Польши Иоанну Альберту. Оно написано в Кырк Ере и датировано 10 февраля 1500 года (*Ex Cherche millesimo quingentesimo die decimal Februarii*) (*От Шершера десятого февраля тысяча пятьсот*) и даже содержит стандартную формулу *sözüm* (*Menlicherei verbum teum*)⁴². Поскольку ни одно из названных писем не сохранилось в оригинале, мы не можем быть полностью уверенными, что они изначально были выполнены на латыни, но, по крайней мере, использование итальянского языка, именно его северного диалекта, на котором говорят в генуэзской Каффе, в крымской канцелярии было бесспорно доказано. После османского завоевания Каффы и других черноморских колоний на ханскую службу поступило множество итальянцев, назовем только Виченцо де Гвидульфиса (Visenzo de Guidulphis), сына генуэзского правителя Матреги (Тамань), и Августино де Гарибальди, генуэзца из Каффы, братья которого жили в Испании. Эти персонажи, истинные представители генуэзской диаспоры, затем рассеялись между Каспием и испанским Новым Светом⁴³. Самый ранний документ, опубликованный в настоящем томе и сохранившийся в оригинале, это документ Менгли Герая 1514 года, заверенный ханским золотым *nişan* и написанный на итальян-

1977): с. 131–153, особенно с. 152–153. Греческий текст приглашения Менгли, адресованный генуэзским посланникам и датированный 30 декабря [1481 г.], опубликован в книге Франца Миклошича и Йозефа Мюллера (Franz Miklosich and Joseph Müller) (ред.), *Законы и дипломы греческого языка средневековья священного и светского, том 3: Законы и дипломы по греческим делам. Греческие и итальянские иллюстрации* (Вена, 1865), с. 292–293, и снова вместе латинская версия, в Грассо, *Документы*, с. 168–169; факсимиле оригинала документа на греческом языке, хранящееся в Государственном архиве Генуи, см. *Книга путешествий Эвлии Челеби*. Под редакцией З. Абрахамовича (Варшава, 1969), с. 325.

⁴¹ Документ 1467 г. см. в документе 2. О двух письмах 1472 г. см. AGAD, Метрика Коронна, Книга Надписей, №. 12, л. 79а–79б; они опубликованы в Пуласки, *Стосунки Польски из Татарщины*, с. 199; о крымском посольстве с 1472 г., ср. № 53 в части 1.

⁴² Опубликовано в книге Йозефа Гарбачика (Jozef Garbaciak) (ред.), *Материалы для дипломатии польской лат. 1486–1516 (Kodeks zagrzebski)* (Вроцлав-Варшава-Краков, 1966), с. 89–91.

⁴³ О Виченцо де Гвидульфисе и Августино де Гарибальди см. документ 16, примечания 10 и 18.

ском языке. Он был отправлен королю Сигизмунду в ответ на его документ на латыни, изданный от имени Польской Короны. Задача составить ханский документ была поручена Августино де Гарибальди. Крымская канцелярия не видела особой разницы между итальянским и латынью и в своей переписке на русинском языке называла оба языка «Frankish» (*frjazskyi*) («франкскими»). Вероятно, было легче найти служащего, свободно говорящего по-итальянски, чем на латыни, поскольку знание и уровень владения латынью среди членов итальянской диаспоры сокращались⁴⁴.

Хотя итальянцы оставались на дипломатической службе ханства и в XVII веке, нет никаких свидетельств того, что крымская канцелярия использовала итальянский язык после смерти Менгли Герая.

В результате аккультурации итальянцы сами постепенно забыли свой разговорный язык, тем не менее, они часто сохраняли генуэзские фамилии наряду с татарскими или татаризированные имена и титулы⁴⁵.

Хотя многие ученые описывали и часто осуждали османизацию крымской канцелярии, параллельно с этим незаметно протекал еще один примечательный процесс. Мы бы назвали это... при *сохранении пропорции* – полонизация крымской канцелярии XVII века. В конце XVII века польский язык широко применялся в повседневной жизни, использовался литовской и русинской знатью и заменил русинский как официальный язык Великого княжества Литовского. Это также получило широкое распространение среди высших слоев украинского казачества, армянских купцов, живущих в Речи Посполитой, и даже молдавских бояр. Конечно, использование польского языка как средства общения не означало лояльности по отношению к польскому королю и его учреждениям; приведу лишь один пример: когда в 1653 году Богдан Хмельницкий, предводитель казацкого восстания против польского владычества, направил письмо великому визирю Османской империи, то письмо было составлено на польском и заверено подписью Хмельницкого на польском языке⁴⁶.

Многие татары, захваченные после неудачных набегов, пережили плен в Польше. В то время как простой люд обычно оставлялся в качестве рабов и со временем ассимилировался, интегрируясь в местное общество, дворяне надеялись быть выкупленными или получить шанс освободиться во время ближай-

⁴⁴ Похожий процесс можно наблюдать в османской канцелярии: тогда как в XV веке письма, отправленные из Стамбула в Краков, были написаны на османском турецком или латыни, в XVI веке итальянский заменил латынь как второй язык.

⁴⁵ О генуэзцах на ханской службе, ср. документ 45, № 8.

⁴⁶ Оригинал письма, сохранившийся в Архивах Топкапы, см. Нигяр Анафорта, *Об отношениях между Османской империей и Польшей / Исторические документы, касающиеся отношений между Османской империей и Лехистаном (Польша)* [(Стамбул, 1979) г.], вып. 19 (с. 17 и 15–16 турецкой и английской версий соответственно; см. также рисунок 5 для факсимиле).

шего перемирия, хотя иногда приходилось ждать довольно долго. В 1629–1634 годы такая судьба выпала на долю будущего хана Ислама Герая III, заключенного в тюрьму в Раве, где он имел возможность свободно встречаться с польскими сановниками и изучать польский язык. В 1649–1653 годах татары под предводительством Ислама Герая III оказывали помощь казацкому восстанию и принимали участие в многочисленных боях с польскими войсками, а в 1654–1666 годы татары и поляки бок о бок сражались против русских и шведов. Либо на войне, либо в союзе было множество возможностей изучить обычаи друг друга, а иногда даже язык.

Кроме того, крымское общество было далеко не однородным и существовало множество польских «ренегатов» как простого, так и дворянского происхождения, сделавших карьеру при ханском дворе. Некоторые из них были похищены, особенно в молодом возрасте, что способствовало их аккультурации. Другие могли прийти к этому по своей воле⁴⁷. В 1660-х годах заметную роль в ханской канцелярии играл некий Ислам Бей, наряду с новой польской дворянской фамилией сохранявший мусульманскую идентичность, подписывал свои письма польским высокопоставленным лицам как Ислам-бей Цегельский (Islam Bey Cegielski)⁴⁸.

Видный татарский дипломат и посредник этого же периода Дедеш-ага, говоривший по-польски, возглавлял многочисленные посольства в Польшу и даже позировал королевскому придворному живописцу Даниэлю Шульцу, выполнившему его портрет в польском наряде (мусульманин с непокрытой головой!), изобразившему его с сыновьями и слугами в модной обстановке того периода, состоящей из охотничьей собаки, ястреба и обезьяны⁴⁹.

Учитывая вышеизложенное, нам не следует удивляться, что многочисленные письма, отправленные крымскими ханами и сановниками и сохранившиеся

⁴⁷ По разным причинам, это мотивировало так называемых ренегатов, продолжавших прибывать из христианской Европы в исламские страны; ср. Бартоломе и Люсиль Беннассар, *Ле Кретьен д'Аллах. Экстраординарная история ренегатов XVI–XVII веков* (Париж, 1989).

⁴⁸ См. его письмо канцлеру Николаю Празмовскому (Mikolaj Prazmowski) от 15 мая 1663 г. в АГАД, Дз. тат., к. 61, т. 1. 57, № 199.

⁴⁹ Картина маслом Даниэля Шульца, одного из лучших живописцев польского барокко (родился в немецкой семье в Данциге), выполнена в 1664 году и хранится в музее Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Она была написана во время пребывания посланника в Варшаве; портрет, очевидно, был подарком короля Дедешу и увезен им в Крым. Вероятно, картина была захвачена русской армией во время вторжения Миниха в ханство в 1736 году. О полной риска истории картины и идентификации изображенной фигуры см. Гдзье, *Там, где Восток встречается с Западом. Портрет пожилого человека. Речь Посполитая 1576–1763 гг. Каталог выставки под руководством Ежи Малиновского* (Варшава, 1993), с. 353–354 (примечание Яцека Гаевского), и Божена Штайнборн, *Маларз Дэниел Шульц. Гражданин Гданьска на службе у польских королей* (Варшава, 2004), с. 136–139.

ся в польских архивах, были составлены на польском языке. Два документа в настоящем томе, сохранные в подлинниках и изданные *калгой* (вместе с девятью другими сановниками) и ханом в 1667, 1672 годы соответственно, составлены на польском языке и подтверждены печатями, выгравированными арабской вязью⁵⁰. Более того, в XVII в. польский язык стал служить средством крымской переписки с другими европейскими дворами, а именно Стокгольмом и Копенгагеном.

В 1661 году Мехмед Герай IV предоставил своему посольству в Стокгольме письмо на татарском языке, сопровождаемое польским переводом (возможно, выполненным вышеупомянутым Ислам-беєм Цегельским), и пояснительную записку, тоже на польском: «теперь, написав наше письмо по-татарски, мы посылаем его Вам; однако, если с вами нет никого, кто мог бы его прочитать, мы посылаем вам его польский перевод [тоже]»⁵¹.

Крымские письма, отправленные в Копенгаген, тоже часто сопровождались польскими переводами, на основе которых датская королевская канцелярия, не имевшая переводчиков с восточных языков, могла подготовить переводы на немецкий язык⁵². Кроме того, Йозеф Матуз, изучавший крымские документы, сохранившиеся в датских архивах, обнаружил ряд польских переводов, как утверждает автор, с турецких оригиналов, которые «пока не удалось идентифицировать» (*bisher unauffindbar – до сих пор не отслеживается*)⁵³. Матуз провел свое оригинальное исследование, объяснявшее, что для крымского хана или сановника было немисливо выдать документ на другом языке, кроме как на турецком⁵⁴. Возможно, его собственное убеждение помешало ему заметить, что турецких оригиналов никогда не существовало, потому что

⁵⁰ См. документы 66 и 70; об использовании польского языка в Крыму XVII в., переписку, см. также Барановский, *Познание Востока в древней Польше до 18 века* (Лодзь, 1950), с. 128.

⁵¹ *Teraz list nasz po tatarsku napisawszy Wam posylamy; luboby tez u Was takich ludzi nie bylo przeczytania onego, na polski przetlomaczywszy Wam posylamy* (Теперь мы посылаем вам наше письмо по-татарски; а если таких не нашлось, чтобы его прочитать, мы высылаем вам польский перевод); см. Карл Зеттерстен (Karl Zetterstén), *Турецкие, татарские и персидские документы в Шведском императорском архиве* (Uppsala, 1945), с. VI и 98, № 1; ср. также Эльжбета Свенцицкая (Swiecicka), «Дипломатические письма крымских дам из рода Гераев шведскому королевскому дому», с. 64, № 11.

⁵² Матуз, *Крымскотатарские документы в Рейхсархиве в Копенгагене*, с. 122.

⁵³ См. там же, с. 279–280.

⁵⁴ Прежде чем мы перейдем к вопросу о языке крымскотатарских документов в Копенгагене, следует отметить, что крымские ханы и другие высокие крымскотатарские сановники в своей переписке с Данией использовали только турецкий язык. Письма крымскотатарских ханов не удалось найти ни на одном другом языке ислама (арабском или персидском), ни на одном европейском языке; см. там же, с. 82.

польские «переводы» и *были* настоящими оригиналами. Посещение Датского государственного архива в марте 2009 года позволило автору настоящей статьи установить, что большинство предполагаемых «переводов» подтверждены подлинными печатями крымских сановников (например, крымского визиря Сефера Гази-аги) с выгравированными на них словами арабской вязью. Письма были сложены и запечатаны воском (следы складок и воск все еще видны) согласно европейским, а не восточным традициям. После складывания торжественные обращения на их обратной стороне были написаны на латыни, например: *Serenissimo et Potentissimo Domino Friderico ex gratia Dei Daniae Regi etc.etc.etc. Amico Nostro honorato.* (*Светлейшему и могущественному господину Фредерику милостью Божьей королю Дании и т.д. и т.д. и т.д. Нашему уважаемому другу*). Если быть кратким, то это, несомненно, оригиналы, а не переводы или копии⁵⁵.

В своей переписке с Габсбургами Гераям не было необходимости использовать польский язык, так как переводчиков с турецкого в Вене было много. Тем не менее, к татарским посольствам, следующим в Германию и Австрию через Польшу, обычно присоединялись *commissioners*, выступавшие в роли проводников, переводчиков и даже посредников, точно так же, как и в случае контактов Бахчисарая со скандинавскими королевствами⁵⁶.

В целом, использование такого большого разнообразия графического письма (арабского, кириллицы, греческого, латиницы) и языков (хорезмийско-тюркский, крымскотатарский, османский турецкий, русинский, греческий, итальянский, польский, возможно, московский русский, а также латынь) демонстрирует политический прагматизм крымского двора и свободное владение крымской канцелярией различными языками и письмом⁵⁷.

⁵⁵ Копенгаген, Национальный архив, Канцелярия Германии, Департамент иностранных дел, Тартария AI 1/2/41–47 (46 отсутствует). Примечательно, что в этот же период крымские письма, написанные на турецком языке и адресованные датскому королю, были вложены в атласные мешочки с адресами, написанными на прикрепленных бумажных листах, известных как «кулак» (букв. «ухо»), так что в крымской канцелярии сосуществовали восточные и европейские традиции.

⁵⁶ Для примера, информацию о поездках крымских посольств через Польшу в Стокгольм, Копенгаген и Вену, сохранившуюся в польском архиве и библиотеке см. Аугусевич (Augusiewicz), «Два сообщения от Мариуша Станислава Яскульского в Крым в 1654 г.», с. 60, № 83; Библия Корн., мс. 991, л. 4986 и 505а.

⁵⁷ В письме, отправленном в 1686 году из Бахчисарая правителю Трансильвании Михая Апафи, хан Селим-Герай с гордостью заявлял, что при его дворе было много людей, свободно владеющих различными языками и письмом, хотя и признавал, что в данном случае никто не смог перевести письмо Апафи, которое, вероятно, было написано на венгерском: *egerçe bu tarafda her dili bilir ve her yazuyi oqur adamlar var idi lakin sizden gelen kağıdi oquyup içinde olan ahvali tercümeğe qadir olamadılar* («хотя у нас были люди, которые знают все языки и читают все тексты, однако, прочитав письмо, которое пришло от тебя, они не смогли пере-

Ученым, которые скептически воспринимают османизацию крымской культуры как явный признак ее упадка, следует также принять во внимание ее впечатляющую адаптивность и открытость к новым веяниям, касающимся различных сфер. Возможно, здесь и следует искать корни будущего развития, вследствие которого крымскотатарским общественным деятелям XIX века и реформаторам, таким как Исмаил-бей Гаспралы, удалось добиться успешных преобразований.

Языки, используемые литовской и польской канцелярией

Что касается момента начала польско-литовских отношений с татарами, Краков мог бы претендовать на первенство перед Вильнюсом, поскольку уже в 1241 г. польский князь погиб от рук вторгшихся монголо-татар. Однако, поскольку вследствие влияния географических факторов XIV века отношения Золотой Орды, а затем и Крымского ханства, с Вильнюсом развивались более интенсивно, чем с Краковом, следовательно, описание начнем с Литвы.

В эпоху раннего Нового времени литовский язык не был полностью забыт литовской элитой. Известно, что Ягайло и Витаутас (Витовт) разговаривали на этом языке, особенно когда не хотели быть подслушанными. Тем не менее, официальный язык литовской канцелярии был русинский, иногда называемый «общая речь» (*простая мова*), чтобы отличить его от церковнославянского. Однако это был не разговорный язык, а литературный, произошедший от различных восточнославянских диалектов, используемых населением территорий современной Беларуси и Украины⁵⁸, но и содержащий немного церковнославянского языка и все большее число польских элементов. Русинский отличался от московского русского, но два языка канцелярии были взаимопонятны, поскольку они объединяли церковнославянский язык с местными восточнославянскими диалектами.

Помимо лексического влияния русинского языка, польский язык также непосредственно вошел в использование канцелярии в Великом княжестве Литовском и постепенно заменил русинский язык как официальное средство общения. Процесс начался в XVI веке и завершился к 1697 году, когда польско-литовский сейм принял закон, согласно которому польский язык должен

вести его содержание»; см. Бухарест, Управление Центрального национального исторического архива, Документы Турецкий, № 2349. Благодарю Михала Васюченека (Michał Wasiucionek) за то, что обратил мое внимание на последний и представил мне его копию.

⁵⁸ Часто встречающийся термин «старо-» или «средне-» белорусский настолько неточен, что скрывает влияние вольнского диалекта, заметного еще со времен проживания Витовта в Луцке; см. Андрей Даниленко, «Об имени(ах) *Простая Мова* в Речи Посполитой», *Studia Slavica Hungarica* 51 (2006): с. 97–121, особенно с. 98; ср. также классическая монография Кристиана Станга, *Западнорусская канцелярия – язык Великого княжества Литовского* (Осло, 1935), с. 163.

был стать официальным языком в обеих частях Содружества. К этому времени большинство русской знати стали католиками и полонизировались, вследствие этого предпочли использовать польский язык, ссылаясь на неумение читать кириллицу, тем не менее, все еще звучали голоса тех немногих, выступавших за сохранение русинского языка⁵⁹.

С момента создания литовская канцелярия тоже использовала латынь и немецкий язык, особенно во взаимоотношениях с Тевтонским орденом. Вероятность использования татарского языка во времена Витаутаса также была весьма высока⁶⁰. В XV–XVI веках на великокняжеской службе в канцелярии работало множество татар, и по крайней мере некоторые из них, должно быть, владели письменной речью помимо народной⁶¹. Например, основателем целой династии татарских посланников и переводчиков был Ибрагим Тимирчин, участвовавший в нескольких посольствах в Великую Орду и в Крым, а в более преклонном возрасте служивший в литовской канцелярии. Поскольку его высокое положение было поставлено под сомнение татарами-иммигрантами, переселившимися в Литву намного раньше, ему удалось получить письма от обоих, Менгли Герая и заклятого врага последнего Сейит Ахмеда, в которых

⁵⁹ О проникновении польского языка в литовские учреждения ср. Антуан Мартель, *Польский язык в русинских странах: Украина и Белоруссия, 1569–1667 гг.* (Лилль, 1938), с. 54–66; Богдан Струминский, «Языковой вопрос в украинских землях до девятнадцатого века», в: *Аспекты славянского языкового вопроса*, том. II: *Восточнославянский*. Под редакцией Р. Пиккио (R. Picchio) и Х. Голдблатта (H. Goldblatt) (New Haven, 1984): с. 9–47, особенно с. 21–24; о законе 1697 года, известном как *Равенство прав* и содержащем знаменитое положение о государственном языке см. Ежи Малец (Jerzy Malec), *Очерки из истории федерализма и федералистской мысли в новейшее время* (Краков, 1999), с. 38–50; закон опубликован в (томах) законодательных актов: переиздания сборника законов благодаря стараниям пиаристов XX в. в Варшаве, изданные с 1732 по 1782 год, том. V (Санкт-Петербург, 1860), с. 418; в научной литературе его иногда ошибочно датируют 1696 годом.

⁶⁰ См. Марсели Косман (Marceli Kosman), «Канцелярия великого князя Витольда» *Studia Zródloznawcze* 14 (1969 г.), с. 19–117; Zwan, «Литовско-татарские отношения», с. 598; Банионис, *Посольская служба Великого княжества Литовского*, с. 146–147. Гилберт де Ланнуа, совершивший в 1421 году путешествие в Константинополь через Литву, вспоминал, что великий князь Витовт вручил ему охранные грамоты, написанные на татарском, русинском и латыни (*И упомянутый герцог, уходя, дал мне такие письма, с которыми мне нужно было пройти через Турцию, написаны на татарском, русском и латыни*); смотрите Жильбер де Ланнуа и его путешествия, с. 68.

⁶¹ Список татарских переводчиков за 1492–1506 гг., имена которых известны, см. Кишиштоф Петкевич, *Великое княжество Литовское при Александре Ягеллончике (Александр Ягеллон). Исследования по истории государства и общества на рубеже XV и XVI веков* (Познань, 1995), с. 29.

подтверждалось высокое положение его семьи в татарском обществе⁶². Неоспоримое доказательство использования татарского языка в литовской канцелярии представлено письмом Сигизмунда I от июля 1511 года. Уведомляя двух своих посланников, отправленных ранее в Крым и все еще остающихся при дворе Менгли Герая, об отправке нового королевского посольства во главе со Станиславом Скиндер, король информировал, что посланнику были вручены два письма: «одно на русинском языке, о содержании которого Станислав должен был сообщить хану устно, а другое на татарском, которое он должен отдать хану, чтобы тот мог прочитать его сам»⁶³.

Тем не менее, даже если бы некоторые письма, адресованные ханам, могли быть написаны на татарском или, вернее, в двух языковых вариантах: русинском и татарском, большая часть переписки велась на русинском языке, поскольку этот язык также использовался крымской канцелярией. С течением времени роль *литовских татар* в дипломатическом обмене снизилась, отчасти из-за ослабления их навыков разговорной речи и особенностей письменности в Крыму⁶⁴. Хотя они ценились как кавалеристы и им разрешили сохранить свою религию, однако они уже играли ограниченную роль в качестве политических или культурных посредников. Их важное возвращение на ранее утраченные передние позиции, прежде всего вызванное коллективным дезертирством в 1672 г., накануне османского вторжения в Польшу, способствовало обновлению их культурных связей с мусульманским миром, но не сослужило хорошей службы их имиджу в Польше. Несмотря на то, что многие из них после настояний Яна III Собеского вернулись, разочарованные суровыми османскими реалиями, им снова отводилась лишь роль солдат, но не дипломатов.

⁶² Об Ибрагиме Тимирчине, а также о его двух братьях и трех сыновьях, также служивших в литовской дипломатии, см. документ 8, № 40.

⁶³ *Один список по русски, содержание которого Станислав может (устно) царю передать, и второй список по-татарски должен царю дать, чтобы царь сам себе вычел (odyn spysook po rusky, z ktoroho maet Stanyslav slovom carju movyty, a druhuj spysook po tatarsky maete carju daty, yzbu car sam sobe vičel; см. Пуласки, «Отношения Польши с Татарским краем» (Stosunki polski z tatarszczyzna), с. 382.*

⁶⁴ Мария Иванич утверждает, что польские *commissioners*, сопровождавшие крымское посольство, направлявшееся в Вену через Польшу, набирались из числа польских (вернее, литовских) татар; см. Эдем, «Посольства крымских татар при Венском дворе в 1598–1682 гг.», с. 233. Тем не менее, изучение финансовых документов Габсбургов, цитируемых М. Иванич, выявляет факт, что эти *commissioners* были записаны своими христианскими именами, доказывая, что они были польскими армянами, а не татарами: в 1660 г. татарское посольство в Вену сопровождал *польский комиссар* Лукаш Абазель, и в 1669 году Криштоф (Кристоф) Доминикович; см. Вена, австрийские государственные архивы, общие административные архивы, архивы финансовых и судебных палат, императорские архивы, Факс. 187а, л. 557а–558б, Факс. 189а, л. 290а–291б.

Подводя итог, можно сказать, что в переписке с Кырк Ером (Qırq Yer) Вильнюс преимущественно использовал русинский как в своих собственных документах, так и для записи копий входящих крымских документов, даже если некоторые из последних (крымских), возможно, первоначально были написаны на хорезмийско-тюркском языке (выше было показано, что как хорезмийско-тюркский, так и русинский использовались в Кырк Ере). Полонизация языка литовской канцелярии еще только начиналась к 1569 году, когда роль Вильнюса в отношениях Речи Посполитой с Крымом перешла к Кракову. Поэтому польский язык не успел оказать своего лингвистического влияния. Даже если эти крымские документы, адресованные ягеллонским правителям (т. е. до 1572 года), дошедшие до нас в польских копиях, по-видимому, были впервые составлены или переведены с тюркского на русинский язык и только затем записаны латиницей на польском языке⁶⁵.

Что же касается польской канцелярии, ее официальным языком с периода средневековья была латынь, но в XVI веке начался постепенный процесс полонизации.

Русинский язык также использовался, хотя и гораздо реже, чем в Вильнюсе. Ведь многие королевские подданные были русинами, и их число резко возросло в 1569 году, когда южная половина Великого княжества, включая Волынь и Киев, была присоединена к Польской Короне. В своей зарубежной переписке с европейскими правителями, в том числе османскими султанами, королевская канцелярия использовала латынь вплоть до XVIII века, но это правило не распространялось на их отношения с Москвой и Бахчисараем⁶⁶. В переписке с первой преобладал русинский язык, при этом в случае с последним русинский язык постепенно заменялся польским. В любом случае, конечно, в Бахчисарае легче было найти переводчика с русинского или польского языка, чем с латинского.

По всей видимости, во времена Сигизмунда III торжественные королевские документы, обращенные к ханам, составлялись уже на польском языке, так как их тексты сохранились до настоящего времени только в польских копиях. Тем не менее, русинский все еще использовался наряду с польским. Неслучайно два королевских дипломата, назначенные в Крым в правление Сигизмунда, Лаврин Пясечинский и Флориан Олешко, происходили из волынской знати и оба служили в королевской канцелярии нотариусами (с русинского *писарь*), ответственными за ведение отдельной серии книг, написанных на русинском языке, вследствие этого их свободное владение кириллицей было

⁶⁵ Это документы 1, 4, 28, 31 и 33 ок. 1462, ок. 1473, 1539, 1542 и 1560 гг.

⁶⁶ Следует признать, что письма Августа II, отправленные в Бахчисарай, были составлены на латыни; ср. № 80 ниже.

несомненным. В 1601 году Пясечинский вез с собой серию писем на русинском языке, адресованных хану, калге и другим татарским чиновникам⁶⁷.

Иногда польская канцелярия могла предоставить королевский документ с турецким переводом арабской графикой, о чем свидетельствует дневник Пясечинского 1602 г.⁶⁸

Однако качество таких переводов зависело от уровня знаний (квалификации) переводчиков, работавших в данный момент в королевской канцелярии, который варьировался от отличного⁶⁹ до очень плохого.

⁶⁷ *Письма Его Величества Короля, написанные на русинском языке...* см. Пуласки, «Три послания Пясечиньского», с. 247. О карьере Пясечиньского и Олешко, как нотариусов, отвечающих за ведение русинских книг Королевского регистра соответственно в 1569–1591 и 1583–1619 годы, см. Патриция Кеннеди Гримстед, «Русинская (Волинская) Метрика: Записи польской королевской канцелярии по украинским землям, 1569–1569 гг. 1673 год», *Гарвардско-украинские исследования* 14 (1990): с. 7–83, особенно с. 23–26 и с. 62–63; Петро Кулаковский, *Канцелярия Русской (Волинской) метрики 1569–1673 гг. Студия из истории украинского регионализма в Речи Посполитой* (Острог–Львов, 2002), с. 140–152. Пясечиньский (Ruth. Lavryn Hnivošovyc̣ Piscoŭyns'kyi) (Русин. – Лаврин Гнивошович Писочиньский), в юности привлеченный идеями Реформации, стал католиком, а Олешко (Руфь Флориан Семенович Олешко) родился в православной семье, принял католицизм где-то между 1588 и 1599 гг.

⁶⁸ См. № 347 в части 1. Два письма в оригинале, изданные польской канцелярией XVII века на османском турецком языке, хранятся в Библиотеке Чарторийских (Czartoryski Library) в Кракове. Они были составлены в 1653 году и переданы Касперу Шиманскому, королевскому посланцу, отправленному к калмыкам. Издано от имени короля Иоанна Казимира и Коронного Канцлера Стефана Корицынского, адресованы «Его Превосходительству султану, нашему процветающему и могущественному другу, правителю земли калмыков» (*Qalmaq vilayetiniñ hakimî olan sa'adetli ve şevketli dostumuza sultan hazretleri*). Письма, написанные графикой *дивани*, сохранились в запечатанных оригиналах; см. Библ. Чарт., мс. 609, № 37–38, с. 293–308 (Барановский, писавший о миссии Шиманского, был знаком только с их современными польскими переводами, хранящимися в AGAD, Книги дипломатических миссий, № 33, л. 846–85а; ср. то же, *Познание Востока в древней Польше*, с. 217–218). Они так и не дошли до адресата, поскольку миссия Шиманского, вероятно, была отменена; см. *История Польской дипломатии*, том 2, с. 275 и 285. Остается неизвестным, кто составил эти письма, написанные на приличном османском турецком языке; возможно, это был Войцех Бечинский, королевский переводчик восточных языков того времени.

⁶⁹ Самуэль Отвиновский и Францишек Менинский (урожденный Франсуа Месньен – François à Mesgnien), назначенные в Королевскую канцелярию в XVII веке, были одними из лучших европейских переводчиков того времени. Переводы документов на османский и крымский языки, выполненные Отвиновским, сохранившиеся в различных рукописных коллекциях, до сих пор вызывают восхищение своей точностью. Менинский более десяти лет провел в Польше, где был удостоен

В XVII веке польский язык стал использоваться в крымской канцелярии, а также часто во взаимных переговорах между польскими и татарскими *представителями*. Однако к XVIII веку он утратил большую часть своей привлекательности для восточноевропейской элиты. В это время сюда прибыли несколько иностранцев, типично левантийского происхождения, и поступили на польскую службу в качестве дипломатов и переводчиков⁷⁰. Несмотря на то, что рано или поздно они осваивали польский язык, все же часто предпочитали переводить написанные арабской графикой документы, поступающие из мусульманских столиц, на латынь или французский язык, поэтому эти языки приобрели важное значение в отношениях между Бахчисараем и Варшавой.

Оригинальные документы, опубликованные в настоящем сборнике

Все документы, опубликованные в данном томе и сохранившиеся в оригинале, в настоящее время хранятся в Центральном архиве древних актов (*Archiwum Głównie Akt Dawnych*) в Варшаве, в разделе под названием «Коронный варшавский архив». Польские коронные архивы были созданы в XIV веке и первоначально находились в Кракове.

После переезда королевского двора в Варшаву в конце XVI века королевские архивы были разделены на два отделения: Краковское и Варшавское, но в 1765 году они были объединены в один архив в Варшаве. После разделов Речи Посполитой в 1795 году польские коронные архивы были вывезены в Петербург, а в 1828 году переведены в Москву и включены в состав Московского Главного Архива Министерства иностранных дел (*Московский Главный Архив Министерства [Коллегии до 1834 г.] Иностранных Дел*). В результате возрождения Польши после Первой мировой войны и победоносной польско-советской войны, завершившейся Рижским договором (1921 г.), в 1923 году польские коронные архивы вернулись в Варшаву, где и пребывают по сей день, к счастью, сумев уцелеть в период нацистской оккупации во время Второй мировой войны⁷¹.

Два наиболее ранних документа о мире, изданные крымскими ханами и сохранные в оригинале в королевских архивах, это 1514 года (на итальянском языке) и 1520 года (на хорезмийско-тюркском языке)⁷². Безусловно, с

дворянства (следовательно, он взял польскую фамилию), но успешную карьеру лингвиста он сделал после того, как поступил на службу к Габсбургам в Вене.

⁷⁰ По крайней мере двое из них заслуживают упоминания, а именно Франциск Джулиани и Антони Крутта (последний родился в Албании).

⁷¹ О восстановлении Архивов Польской Короны, обусловленном Договором в Риге, см. Юзеф Семенский, «Возрождение Королевских архивов», *Архейон* 1 (1927): с. 33–60.

⁷² О татарских документах, хранящихся в польских архивах, в том числе *ярык* Тохтамыша от 1393 г., ср. Зигмунт Абрахамович, «Документы татарские и турецкие в польских коллекциях», с. 141–148. Самый древний крымский доку-

сожалением необходимо признать, что более ранние оригиналы не сохранились, но стоит подчеркнуть, что наиболее ранний крымский документ о мире, в настоящее время хранящийся в Москве, издан более столетия спустя и исходит от 1630⁷³.

Из пятнадцати крымских документов в оригинале, опубликованных в настоящем томе⁷⁴, одиннадцать уже были опубликованы, выполненные в арабской графике, на страницах фундаментального труда «Материалы для истории Крымского ханства», изданного в 1864 году Владимиром Вельяминов-Зерновым и Хусаином Фаизхановым⁷⁵.

Указанная работа содержит 378 крымских документов, адресованных российскому и польскому дворам, хранившихся в XIX веке в Москве, но в насто-

мент, сохранившийся в оригинале (на русинском языке), – письмо Менгли Герая от 1512 года; ср. № 34 выше и № 123 в части 1.

⁷³ Немного более ранний документ 1624 года сохранился в современной копии арабской вязью; ср. № 394 в части 1. О древнейших документах о мире в оригинале, адресованных русским царям и сохранившихся в Москве, ср. № 192 ниже. По общему признанию, можно найти более старые крымские документы, сохранившиеся в российских коллекциях, но это не документы мира.

⁷⁴ Не считая текста присяги татарских полномочных представителей от 1667 г., заверен польским гетманом Яном Собеским собственноручной подписью.

⁷⁵ *Материалы для истории Крымского ханства извлеченные, по распоряжению Императорской Академии наук из Московского Главного архива Министерства иностранных дел.* Под редакцией В. Вельяминова-Зернова и Х. Фаизханова [Fejzhanov] (Санкт-Петербург, 1864). О ключевой роли Фаизханова, затмеваемой в научной литературе его более видным российским коллегой, по сбору и копированию татарских документов, см. Сагит Фаизов, «Значение наследия Хусаина Фаизханова в области крымскотатарской археографии для изучения истории Крымского юрта и русско-крымских отношений» в: *Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие. Историко-документальный сборник.* Отредактировано Д. Мухетдиновым (Нижний Новгород, 2008): с. 145–149. Сборник Вельяминова-Зернова и Фаизханова недавно был переиздан с новым предисловием. А. Мелек Озетгин и Ильяс Камалов; см. *Ярлыки и письма, относящиеся к Крымской родине и соседним регионам. Источники по истории Крымского ханства.* (*Kirim yurtına ve ol tarafılarına dair bolgan yalılar ve hatlar, Kirim tarihine kaynaklar*), [Отредактировано] В. В. Вельяминов-Зернов (Санкт-Петербург, 1864). Вступление-*Факсимиле*. Подготовлено к публикации А. М. Озетгин и И. Камалов (Анкара, 2009). Увы, новое введение ненадежно с точки зрения исторического контекста. Например, авторы приняли Сигизмунда I из Польши за Василия III Московского и Фридриха Августа Саксонского (т. е. Август III Польский) за Фридриха II Прусского, таким образом неверно атрибутируя (определяя) как старейшие, так и новейшие документы, опубликованные в сборнике; ср. *там же*, с. XI.

ящее время вновь разделенных между Москвой и Варшавой⁷⁶. Редакторы исключили документ *Договора в Зборове* (1649 г.) – видимо, по небрежности, как и все крымские документы, не написанные арабской графикой (хотя они были проштампованы печатями с арабской вязью), включая итальянский документ 1514 года и документы на польском языке 1667 и 1672 годов, которые опубликованы в настоящем томе.

К сожалению, нет никаких татарских документов, адресованных великим князьям Литвы: Витовту, Свидригайло и Сигизмунду, правившим автономно под сюзеренитетом польских королей в 1392–1440 гг. Они, как известно, вели переписку с ханами, однако эти документы не сохранились либо в оригинале, либо в копии. Ряд более поздних документов, адресованных королям Казимиру и Сигизмунду, написанных именно по-литовски, а не по-польски, сохранились в копиях. Примечательно, что хотя в 1514 и в 1520 г. ханы издали отдельные документы для Литвы и для Польши, в настоящее время в оригинале сохранились только выпущенные для Польши, а выпущенные для Литвы сохранились лишь в копиях. Можно предположить, что документы, касающиеся Литвы, содержались в Великокняжеском архиве, хранившемся первоначально в Тракае, а с начала XVI века в Вильнюсе⁷⁷.

Большинство из них, вероятно, погибло в великом пожаре Вильнюсского Нижнего замка во время российского вторжения в 1655 г., если они не были уничтожены временем еще раньше. Часть Великокняжеского архива уцелела после катастрофы (см. ниже в Литовском реестре). Кроме того, некоторые документы вновь появились в частных архивах, особенно в архивах семьи Радзивиллов, потому что литовские канцлеры, среди которых можно найти множество Радзивиллов, печально известны привычкой хранить государственные документы в своих частных архивах⁷⁸. Тем не менее, ни одного крымского

⁷⁶ Из 378 крымских документов, опубликованных в *Материалах*, 67 принадлежат польским *Королевским архивам*; ср. Абрахамович, «Документы татарские и турецкие в польских коллекциях», с. 147.

⁷⁷ См. Патрисия Кеннеди Гримстед, «Архивное наследие Великого Герцогства Литовского: судьба ранних исторических архивов в Вильнюсе». *Славянский и восточный Европейский обзор* 57 (1979): с. 552–571, особенно с. 553–554; ср. Эдем, при сотрудничестве Ирены Сулковской-Курасёвой, «*Литовская метрика*» в *Москве и Варшаве: Реконструкция архивов Великого княжества Литовского. Включая аннотированное издание Описи 1887 года, составленное Станиславом Пташицким* (Кембридж, Массачусетс, 1984), с. 11.

⁷⁸ Пост литовского канцлера занимали члены семьи Радзивиллов в 1492–1521, 1550–1579, 1623–1656 и 1690–1719 годы; кроме того, пост вице-канцлера (*podkandderzy*) принадлежал членам этой семьи в 1579–1585, 1619–1623 и 1668–1690; итого в 1492–1521, 1550–1585 гг. В 1619–1656 и 1668–1719 годах канцлером или вице-канцлером был Радзивилл; см. *Основные чиновники и сановники Великого княжества Литовского, XIV–XVIII вв. Спайси* (Spisy) Под редакцией Х. Лулевича и А. Рачубы (Корник, 1994), с. 51–53 и с. 146–149; о государственных документах

ярлыка в оригинале, адресованного литовскому правителю, как известно, не сохранилось ни в государственных, ни в частных архивах.

Печальная судьба литовских архивов в настоящее время лишь частично влияет на настоящее исследование, поскольку после 1569 г. ведение крымских дел перешло к польской канцелярии и поступающие документы ханов хранились уже не в Вильнюсе, а в Кракове или Варшаве. Более серьезным недостатком, оказывающим влияние на баланс настоящего исследования, является полное отсутствие оригиналов польско-литовских документов, отправленных в Кырк Ер или Бахчисарай, которые, вероятно, когда-то хранились в ханских архивах. Единственный сохранившийся документ, который, вероятно, можно было считать оригиналом, – это присяга польских полномочных представителей, принятая в 1667 году в Подгайцах, заверенная гетманом Яном Собеским его собственноручной подписью и отправленная в Варшаву для хранения в Королевском архиве. Этот документ сохранился, потому что он не был отправлен в Крым и хранится сегодня в польском, а не крымском архиве. Последние, как известно, погибли в великом пожаре ханского дворца в Бахчисарае во время российского вторжения 1736 года.

Как и в случае с Литовской катастрофой 1655 года, крымские архивы не были полностью уничтожены в 1736 году. Например, после падения Крымского ханства последний казначей (*hazinedar*) Мехмед-ага представил российским властям более 100 реестров, большинство из которых содержали протоколы дел, рассмотренных в центральном крымском суде⁷⁹. Самые старые реестры датируются первой половиной XVII века и, очевидно, не пострадали от вторжения Миниха в 1736 году. Доставленные из Симферополя в Санкт-Петербург в 1905 году, в настоящее время эти реестры составляют раздел (*фонд*) по имени *Kazy-askerskie knigi Krymskiego hanstva* (*Кадиаскерские книги Крымского ханства*) в Российской национальной библиотеке⁸⁰. Более того, в Российском

Литвы, хранящихся в семейном архиве Радзивиллов, см. Кеннеди Гримстед, «Архивное наследие Великого княжества Литовского», с. 567 и более недавно Вальдемар Микульский, «Документы из архива Великого Княжества Литовского в Варшавском архиве Радзивиллов», в: *Разное историко-архивистское*, том VII (Варшава, 1997): с. 71–83, особенно с. 73. После Первой мировой войны эти архивы были переданы из резиденции Радзивиллов в Несвиже (польск. *Nieswiez*) в Варшаву, а после Второй мировой войны они были национализированы и включены в состав Главного Архива древних актов.

⁷⁹ См. Федор Лашков, «Исторический очерк крымскотатарского землевладения», в: *Известия Таврической ученой архивной комиссии*, том 21 (Симферополь, 1894): с. 59–89, особенно с. 65.

⁸⁰ См. Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, фонд 917. Об их переезде из Симферополя см. *Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1905 год* (СПб., 1912), с. 38–39. Помимо дел, рассматриваемых судом, в этих реестрах также содержались многочисленные ярлыки; тем не менее, все эти ярлыки касались внутренних вопросов, в то время как никаких документов, касающихся

Государственном Архиве Ранних Актов в Москве найдены четыре оригинала писем, адресованных хану Каплан Гераю, отправленных в 1714 г. польским королем Августом II, его соперником Станиславом Лещинским и польским великим гетманом Адамом Николаем Сенявским, все сохранились в конвертах с оригинальными печатями. Вопрос, как эти письма нашли свой путь в Москву и почему они были включены в российскую переписку со Стамбулом, а не с Бахчисараем, по сути, нуждается в отдельном исследовании⁸¹.

Историки любят мифологизировать отдельные драматические события – как символические моменты разрушения «национального наследия», так и даты русского вторжения в Вильнюс (1655 г.) и Бахчисарай (1736 г.). В русской историографии подобное наблюдается и в вопросе со вторжениями в Москву, соответственно, татар (1571 г.), поляков (1610–1612 гг.) и французов (1812 г.). Правда бывает иногда менее ясна и более сложна. Приведем пример: татарское и польское нашествие на Москву, по общему признанию, принесло огромные потери российским архивам, о чем свидетельствуют описи, выполненные сразу после этих событий по заказу российских властей. Однако значительный ущерб приносился и природными силами, особенно великим пожаром 1626 года, и, тем не менее, после всех этих событий в России в XVII веке сохранялось множество древних крымских документов, хранившихся в Москве⁸². Если сегодня их уже нет, то это, вероятно, по менее глобальным причинам, чем вражеские вторжения или пожары, а банально – влага, черви, человеческое пренебрежение и – даже в наши дни – отсутствие денег на их надлежащее содержание и восстановление.

иностранных дел, там найдено не было (кроме ряда дел, касающихся османских подданных, прибывших в ханство); о кратком содержании *ярлыков*, записанных в этих реестрах до 1774 г., см. Наталия Круликовская, «Право и разделение власти в Крымском ханстве. Исследование правления Мурада Герая (1678–1683)». Неопубликованная докторская диссертация. Варшава, 2010, с. 234–251 (Приложение I).

⁸¹ См. РГАДА, ф. 89 «Сношения России с Турцией», ор. 4, № 4. Я хочу поблагодарить Наталью Круликовскую за то, что обратила мое внимание на эту коллекцию. Два письма Августа II (на латыни) датированы 20 августа и 7 сентября 1714 года в Рыздине (*Rydzyna*), и письмо гетмана Сенявского (на польском языке) от 25 сентября в Сатанове (польск. *Satanow*). Все они имеют в виду вернувшееся крымское посольство Сефер-шах-бея, который успешно вел переговоры о перемирии между королем и ханом. Письмо Станислава Лещинского (на польском языке) датировано июлем 1714 года в Цвайбрюккене [*Zweibruken (Deux-Ponts – Два Моста)*], выражает разочарование автора сближением его заклятого врага и Каплан Герая. Станислав сослался на свою давнюю дружбу с ханом и посоветовал ему не доверять Августу II, пока последний был на стороне Московии; на политическом фоне эту переписку см. 555 в части I.

⁸² Об описях московских архивов, заказанных и оформленных в 1570-е годы (без даты), 1614 и 1626 годы, см. примечания 25–26 выше.

Как бы старательно не были упакованы эти документы, им все равно угрожали различные опасные факторы еще до достижения относительной безопасности, обеспечиваемой архивным хранилищем. Некоторые документы перевозились туда и обратно между соответствующими столицами с целью внесения «поправок» или в качестве образцов для составления новых документов. В Королевском реестре хранится письмо Менгли Герая, адресованное королю Богемии. Оно было переписано в 1472 году. Имеется пояснительная записка писца на польском языке. Хотя текст письма написан на латыни, примечание писца на полях на польском языке объясняет прискорбное состояние ханского документа. Читая фразу «и остальное растерзали свиньи» (*a ostatek swyniue wuguly*), мы легко можем себе представить обветшалый постоянный двор с сараем для скота, в котором, должно быть, жили крымские посланники, проводившие там ту злосчастную ночь, когда произошел упомянутый инцидент⁸³.

Конечно, толпа пьяных солдат может причинить большой ущерб, а победоносные полководцы, охваченные славой и другими более насущными делами, часто остаются глухи к судьбе захваченных бумаг и книг. Но столь же вероятно, что завоеватели сохранили бы их в порядке, дабы эффективно управлять захваченными землями, взимать налоги с завоеванного населения и, что не менее важно, узаконить свое завоевание.

Даже в тех редких случаях, когда завоеватели действительно хотят уничтожить культурное наследие побежденных, как нацисты в Варшаве после подавленного восстания 1944 года, они часто не выполняют свою работу «должным образом», потому что им мешает это сделать побежденный народ, наблюдатели (вроде вышеупомянутого крымского казначея Мехмеда-аги или недостаточная мотивация собственных подчиненных).

Десять лет назад в международном научном сообществе существовала твердая убежденность, что советские власти наряду с изгнанием татар из Крыма в 1944 году, сознательно и беспощадно уничтожили их культурное наследие, хранившееся в советских архивах и библиотеках⁸⁴. В настоящее время мы знаем, что, по крайней мере, часть этого наследия сохранилась, хотя тяжелые потери, понесенные татарской культурой в 1930–1940-е годы, несоизмеримы. Остается надеяться, что когда-нибудь еще больше крымских документов всплывут на поверхность из крымских архивов в какой-нибудь чрезвычайно богатой русской коллекции.

⁸³ АГАД, *Metryka Koronna*, Книги надписей, вып. 12, л. 79б; опубликовано в Пуласки, *Отношения Польши с Татарским краем*, с. 199; об этом посольстве см. № 53 в части 1.

⁸⁴ См. Халил Иналджик, «*Znahidka kadijskih sudziliv (sudovyh kny) Krymskogo hanatu*», в: Матта Мунди (*Карта мира*): *Сборник научных трудов в честь 70-летия Ярослава Дашкевича (Львов-Киев-Нью-Йорк, 1996)*, с. 308–329, особенно с. 308–310, автор, заявивший об обнаружении нескольких десятков микрофильмированных судебных реестров крымского суда, сохранившихся в местном крымском архиве, не знал о судьбе их оригиналов, сохранившихся в СПб., см. № 79 выше.

Официальные переводы, хранящиеся в королевских архивах

Крымские письма, написанные арабской вязью и адресованные христианским дворам, иногда являлись переводами, выполненными в ханской канцелярии. Чаще всего буквы арабской графики переводились во дворах адресатов-получателей официальными переводчиками, работавшими во всех канцеляриях, поддерживавшими регулярные контакты с мусульманскими государствами. Такие переводы сохранялись в архиве адресата вместе с полученными оригиналами, носили официальный характер и рассматривались, конечно же, получателем, не обязательно отправителем – как равный оригиналу, выполненному арабским письмом.

В польских королевских архивах сохранились официальные переводы на отдельных листах или же написанные на турецком на обратной стороне оригиналов документов. Их юридическое значение было аналогично действующим официальным документам, внесенным в Королевский реестр (см. ниже). Фактически, последний обычно основывался на официальных переводах, а их тексты часто идентичны. В настоящее время дошедшие до нас переводы особенно ценны в тех случаях, когда оригинальные письма не сохранились.

Например, четыре крымских документа: Гази Герая II от 1599 г., посланника последнего Джан Темир-аги того же года, Мехмед Герая III от 1624 года и Инает Герая 1635 года, в оригинале уже не сохранились, но их официальные переводы на польский язык хранятся в королевских архивах. Переводы документов 1624 и 1635 годов были выполнены королевским переводчиком Самуэлем Отвиновским (*Samuel Otwinowski*) с ныне утраченных турецких оригиналов. В переводе документа 1624 г. есть даже примечания и пояснения Отвиновского, данные в скобках, и мы можем получить более глубокое представление о его знании османско-турецкого языка⁸⁵. Что касается ханского документа 1599 года, то его турецкий оригинал был утрачен уже во времена Отвиновского. Обвиненный в 1641 г. в сборе древних крымских документов, королевский переводчик записал, что не смог найти его (этот перевод) в королевских архивах, поэтому он просто скопировал более ранний польский перевод. Оригиналу документа Джана Темира-аги 1599 года также исчез к 1785 году или, вероятно, еще намного раньше. Он сохранился в переводе, который выполнил королевский переводчик канцелярии *Machin Chir* (Мачин Чир)⁸⁶.

⁸⁵ См. документ 48, примечания 3 и 5–6.

⁸⁶ О двух документах 1599 года и их переводах см. документ 37, № 1 и документ 38, № 1.

Официальные копии, внесенные в Королевский и Литовский реестры

Несмотря на постепенное объединение Польской Короны и Великого княжества Литовского, длившееся с небольшими перерывами с 1386 по 1795 год, два государства сохраняли отдельные канцелярии до распада Речи Посполитой. Ни Краков, ни Вильнюс формально не отказались от поддержания многосторонних дипломатических отношений, хотя порой они признавали недостаточный опыт в определенных сферах и вопросах, оставляя их решение за союзником⁸⁷.

Поскольку Польша с 966 года являлась частью латинской христианской Европы, ее канцелярия имела давнюю традицию дипломатических контактов со Священной Римской империей, папством, а также другими дворами Западной и Южной Европы. Краков также поддерживал интенсивные дипломатические отношения со Стамбулом, поскольку политические интересы Польши и Османской империи пересекались в Венгрии и Молдавии.

С другой стороны, Вильнюс имел больше опыта в переписке с Москвой и татарским ханством, которая обычно велась кириллицей. Некоторые направления дипломатии имели равное значение как для Кракова, так и для Вильнюса, например, отношения с Тевтонским орденом или Молдавией. В таких случаях состав иностранного посольства мог быть разделен в зависимости от их значимости для обоих: Кракова или Вильнюса, и документы включались соответственно в польские или литовские канцелярские книги⁸⁸. С начала XVI века возrastавшая финансовая доля участия Польской Короны в защите литовских восточных границ и в подготовке подарков ханам привели к повышению интереса Кракова к участию в московских и крымских делах. Присоединив южные провинции Литвы в 1569 году, Польша одновременно получила общую границу с Московией и территориально отрезала Литву от Крымского ханства. В результате после 1569 года вопросы, связанные с Крымом, почти полностью перешли в ведение Кракова, в то время как московские дела Вильнюс и Краков вели совместно.

Подводя итог, к 1569 году переписка с Крымом поддерживалась как Вильнюсом, так и Краковом, хотя связи с Вильнюсом были гораздо интенсивнее, особенно до 1514 года. После 1569 года роль Вильнюса в значительной мере сократилась, что было отражением сокращения роли Великого княжества Литовского в южной политике союзного государства. Официальные копии бумаг, касающихся дипломатического обмена с Крымом, можно найти в собраниях как польских, так и литовских государственных документов, хотя доля последних резко снижается после 1569 года.

⁸⁷ См. № 143 в части 1.

⁸⁸ О таком разделении бумаг, исходящих из одного молдавского посольства, ср. Банионис, «К вопросу о генезисе посольских книг (1480–1486г.)», с. 70–71.

В Польской Короне содержание официальной переписки, полученной и отправленной в иностранные дворы, обычно⁸⁹ фиксировалось в Королевском реестре (*Lat. Metrica Regni Poloniae, Pol. Metryca Koronna*). Первоначально, вопросы, касающиеся внутренних и внешних дел, рассматривались все без исключения и записывались в Книгах надписей (*Lat. Libri Inscriptionum*). Тем не менее, во всяком случае с 1501 года, иностранная корреспонденция стала вноситься в Посольские книги (*Lat. Libri Legationum*), которые изначально были частью Книг надписей, но затем стали отдельными сводами документов.

Однако иногда случалось так, что документы, касающиеся иностранных дел, были скопированы в *Книги надписей*⁹⁰. Судьба Посольских книг была не менее примечательной, чем оригиналов документов, хранившихся в королевском архиве. Вывезенные в Швецию в 1655 году и возвращенные в Польшу после *Оливского договора* (*The Treaty of Oliva*) (1660 г.), они с 1795 по 1923 гг. хранились в России вместе с королевским архивом⁹¹. В разные времена некоторые книги были отделены от основного корпуса документов. Например, книга дипломатической миссии, содержащая перевод ханского документа 1607 года, в настоящее время хранится в библиотеке Варшавского университета⁹².

Частые поездки ягеллонских правителей в Литву не нарушали деятельности королевской канцелярии. Зачастую короля в Литве сопровождал королевский канцлер или вице-канцлер (*Pol. podkanclerzy*), имея возможность и в Вильнюсе выдавать документ от имени Польши, с последующей записью в Королевском реестре⁹³.

⁸⁹ И в польском, и в литовском случае известна только часть документов, отправленных или полученных соответствующими канцеляриями, записанная в дошедших до нас реестрах. Так, из 2106 документов, о которых нам известно, что они были выданы, в дошедших до нас книгах 1492–1506 годов зафиксировано лишь 934 (т. е. 44%) в Литовском реестре. Разницу можно объяснить двумя факторами: а) не все документы были зарегистрированы; б) не все тома реестра сохранились; ср. Pietkiewicz, *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka*, с. 37.

⁹⁰ Например, документы умиротворения 1667 г. (ср. документы 66–69) записаны в Книге надписей № 206, этот раздел охватывает л. 618а–752б и целиком посвящен зарубежной переписке.

⁹¹ Книги надписей вернулись в Варшаву уже в 1799 году (до этого времени находились в Пруссии).

⁹² См. документ 43; О дипломатических книгах см. Ирена Сулковская-Курасёва и Янина Вейхертова (Janina Wejchertowa), «Księgi poselskie (*Libri Legationum* – Посольские книги) *Metryki Koronnej*», *Archion* 48 (1968), с. 61–73.

⁹³ Об организации польской канцелярии, особенно в XV в., см. Ирена Сулковская-Курасёва, *Польская королевская канцелярия в 1447–1506 гг.* (Вроцлав-Варшава-Краков, 1967); Вальдемар Хоронжичевский (Waldemar Chorzyczewski), *Организационные изменения польской королевской канцелярии на пороге современности* (Торунь, 2007); *Księga Metryki Koronnej podkanclerzgo Andrzeja*

В Великом княжестве Литовском аналогичную Королевскому реестру роль играл Литовский реестр (лат. *Metrica Magni* – Метрика Великого княжества Литовского). Его латинское название появилось по аналогии с польским и, как и в случае с Королевским реестром, относится к первой половине XV века. У литовских историков есть много причин не воспринимать идею польской *цивилизаторской миссии*, транслируемую некоторыми их польскими коллегами, особенно в недалеком прошлом⁹⁴. Тем не менее, *взаимные заимствования* в практике работы канцелярий в Кракове и Вильнюсе были неизбежны, учитывая перемещение людей и опыт сосуществования при одной династии. Хотя литовская канцелярия имела свои древние корни и использовала преимущественно русинский, а не латинский язык, многие разработки в Кракове и Вильнюсе были параллельны.

Эгидиус Банионис (*Egidijus Banionis*) убедительно продемонстрировал, что в Литве так же, как и в Польше, Книги дипломатических миссий выделились в отдельную категорию только в XVI веке, хотя уже в XV веке вопросы, связанные с иностранными делами, обычно фиксировались в виде отдельных сборников, которые затем объединились в более объемные собрания различного содержания⁹⁵.

Лишь немногие из самых ранних томов Литовского реестра сохранились в оригинале⁹⁶. Большинство сохранившихся томов представляют собой копии, выполненные в 1594–1607 гг. по приказу Льва Сапеги (*Lew Sapieha* – *Lev Sapieha*), канцлера великого литовского, поскольку уже при нем оригиналы были в плохом состоянии. После изготовления копий оригиналы были либо сознательно уничтожены литовскими властями, либо погибли во время большого пожара в Вильнюсском Нижнем замке, вызванного русским вторжением 1655 года⁹⁷.

Oporowskiego z lat 1479–1483 ze spuscizny Antoniego Prochaski, Из наследия Антони Прочаска. Под редакцией Г. Рутковской (Варшава, 2005).

⁹⁴ Представление об этой школе см. у Витольда Каменецкого, *Литовское общество в XV веке* (Варшава, 1947).

⁹⁵ Банионис, «К вопросу о генезисе посольских книг (1480–1486 г.)», с. 64–84.

⁹⁶ Вот такой редкий пример: книга, охватывающая 1511–1516 гг. и составленная около 1516 г., сохранилась в оригинале, см. Криштоф Петкевич (*Krzysztof Pietkiewicz*) «Книга из 9 учётных документов (учётный документ) Литовской метрики, оформление и содержание, и дополнение до 1518 г. из Архива Радзивилловского» (*Archiwum Radziwillowskiego*), в: «Летувос Метрика» 1991–1996 metų tyguėjimai – годы исследований (Вильнюс, 1998): с. 11–35; книга отредактирована вместе с приложением, охватывающим 1516–1518 гг., в: *Литовские метрики. Номер книги 9 (1511–1518 гг.). Письменная книга 9.* Отредактировано К. Петкевичем (Вильнюс, 2002).

⁹⁷ Криштоф Петкевич изначально разделял традиционную точку зрения, согласно которой оригиналы книг погибли во время русского вторжения 1655 г.; ср. *то же самое*, «Новая школа Литовские Метрики», *Литовско-Славянская Позна-*

Приблизительно к 1735 году Литовский реестр был перевезен из Вильнюса в Варшаву и интегрирован в Королевский реестр⁹⁸. В 1777 году было принято решение переписать старейшие сборники документов на кириллице из Литовского реестра на латиницу, так как знание кириллицы постепенно сокращалось. Работой руководил Адам Нарушевич (Adam Naruszewicz), доверенный королевский секретарь, католический епископ и бывший иезуит, также известный как выдающийся историк и ведущий деятель польского просвещения. В конечном итоге содержание наиболее ранних шестидесяти шести книг было скопировано в двадцать девять новых книг, написанных латиницей.

После распада Содружества в 1795 году все книги Литовского и Королевского реестров были перевезены в Петербург, но в 1799 году содержимое королевских реестров (кроме дипломатических книг) было передано прусским властям и вернулось в Варшаву (тогда находившуюся под властью Пруссии). Наряду с Королевским реестром двадцать девять книг на латинице Литовского реестра также вернулись в Варшаву и в настоящее время находятся там.

Большая часть томов Литовского реестра, доставленная в Петербург в 1795 году, в 1887 году была передана в Московский архив Министерства юстиции. Ряд томов, отнесенных к категории *дипломатических книг* (*Legation Books*), еще в 1828 году были перевезены в Москву для хранения в Главном архиве МИД наряду с бывшим *Архивом Польской Короны* (*Polish Crown Archives*) и *Королевским реестром* (*Crown Register*). В 1923 году во время переговоров по завершении польско-советской войны и вскоре после подписания Рижского договора Москва отказалась восстанавливать Литовский реестр в Варшаве, но согласилась восстановить королевские архивы и Королевский реестр. Отказ был обоснован тем, что Литовский реестр был частью скорее литовского и белорусского, чем польского культурного наследия. С другой стороны, независимая Литва, восстановившаяся после Первой мировой войны и имеющая право в первую очередь на свое архивное наследие, находилась тогда в остром конфликте с Польшей из-за города Вильнюса, древней столицы Литвы, но на тот момент населенного в основном поляками и евреями. Уже находившееся в военном конфликте с Варшавой правительство в Каунасе не решалось затрагивать весьма неоднозначный вопрос исторического наследия, что было чревато ухудшением отношений с Москвой. Хотя восстановление культурных ценностей обсуждалось Каунасом и Москвой в 1920-е годы, про-

ния. *Студия Историка* 7 (1997 г.): с. 133–153, особенно с. 134; однако совсем недавно тот же автор заявил, что оригиналы книг были уничтожены после завершения изготовления копий, чтобы избежать будущих споров, которые могли возникнуть в результате существования двух параллельных версий; к сожалению, он не подкрепил этот тезис никакой ссылкой; ср. его введение в *Литовские Метрики. Книга № 9 (1511–1518 гг.). Письменная книга 9*, (Тетрадь, записная книжка), с. 11.

⁹⁸ См. Петкевич, «Новое издание Литовской Метрики», с. 135; более ранние авторы датировали этот перевод 1740-ми годами.

блема осталась нерешенной до 1940 года, когда Литва была присоединена к Советскому Союзу. Тем временем, в результате последующих реорганизаций в Москве в 1925, 1940 и 1952 годы, сохранившиеся тома Литовского реестра (*Lithuanian Register*), ранее находившиеся в Московском архиве Минюста, были перегруппированы в раздел (фонд) № 389 (*Литовская Метрика*) (*Litovskaja Metrika*), принадлежащий Центральному Государственному Архиву Ранних Деяний (ЦГАДА), хотя все это время они оставались под одной крышей. Тома, ранее хранившиеся в Главном архиве МИД, были переданы в это же здание уже в 1925 году, но только в 1954 году были включены в основной корпус реестра (поэтому они сегодня обозначаются большими цифрами: от 587 до 601)⁹⁹.

После распада Советского Союза в 1992 году CGADA была переименована в РГАДА (Российский Государственный Архив Актов), но расположение и структура принадлежащих ему фондов остались неизменными. Как и после первого в 1918 году, так и после второго возрождения независимой Литвы в 1990 году не состоялось передачи Литовского реестра Москвой Вильнюсу, но еще в советское время микрофильмы книг реестра, хранившиеся в Москве, были переданы в Литовский государственный исторический архив в Вильнюсе.

Десять документов, опубликованных в настоящем сборнике, сохранились в копиях в Королевском реестре (*Crown Register*) (шесть в *Посольских книгах* и четыре в *Книгах надписей*). В два раза больше, а именно двадцать четыре, хранятся в *Литовском реестре*. Из девяти томов, в которые скопированы эти документы, четыре можно отнести к категории *Посольских книг*. Самая ценная из них, книга № 7, содержащая 1298 пронумерованных страниц, заполненных зарубежной корреспонденцией с периода между началом правления Сигизмунда (1506 г.) и 1530-ми гг.¹⁰⁰ Четырнадцать документов периода 1506–

⁹⁹ Краткую историю Литовского реестра см. Ирена Сулковска-Курасева, «Литовская метрика – характеристика и история», *Архив* 65 (1977): с. 91–118; введение Эгидия Баниониса в *Литовские Метрики (1427–1506 гг.)*. Книга № 5. *Примечания книга 5*, с. 5–10; Петкевич, «Новое издание Литовской метрики», с. 133–135; на дипломатические книги Литовского реестра, см. особенно Кеннеди Гримстед, в сотрудничестве Сулковской-Курасёвой, «*Литовская метрика*» в *Москве и Варшаве*, с. 61–70.

¹⁰⁰ РГАДА, ф. 389, № 7 (латинскую транскрипцию XVIII века см. в AGAD, Литовская метрика, № 193); список его содержания опубликован в *Описание документов и бумаг, хранящиеся в Московском архиве Министерства Юстиции. Книга 21: Книги Литовской Метрики* (Москва, 1915), с. 85–146. Опись Литовского реестра Станислава Пташицкого, составленная в Петербурге в 1887 году и переизданная Кеннеди Гримстед, вводит в заблуждение, поскольку повторяет заголовок с первой страницы, согласно которой том охватывает только 1506–1513 годы. Возможно, из-за своего огромного объема, он остался неопубликованным до сих пор, в отличие от других томов того же периода. Его история и содержание, безуслов-

1527 гг. внесены в эту книгу, включая русинский перевод ханского документа 1520 г., который также сохранился и в хорезмийско-тюркском оригинале. Также книга № 524, где скопирован документ 1541 года, полностью заполнена зарубежной корреспонденцией. Любопытно, что ни одна из двух вышеупомянутых книг не была классифицирована как *Посольская книга* (*Legation Book*), тогда как тома, привезенные в Петербург в 1795 году, были разделены между российским Министерством юстиции и иностранных дел, и в результате они остались в основном корпусе реестра¹⁰¹.

Из числа *Посольских книг*, тогда переданных Министерству иностранных дел и включенных в основной корпус в 1954 году, книги № 591 и № 595 содержат зарубежную корреспонденцию 1545–1572 гг. и 1506–1507 гг., в том числе несколько документов о мире, опубликованных в настоящем томе¹⁰². Остальные документы, содержащиеся в Литовском реестре и опубликованные в настоящем томе, были разбросаны по книгам, посвященным также внутренним вопросам.

Несмотря на колоссальную работу, проведенную в течение последних двух десятилетий, особенно литовскими и белорусскими учеными, по последовательной публикации очередных книг Литовского реестра, еще многое предстоит исследовать в отношении их внутреннего содержания и взаимосвязи между отдельными томами. К сожалению, проведение любого научного анализа чрезвычайно осложняется вследствие того, что большинство из дошедших до нас экземпляров датируются не ранее, чем XVI веком, и их содержание может отличаться от текста утраченных оригиналов. Примечательно, что три документа, опубликованные в настоящем томе и датированные 1506–1507 годами, зафиксированы трижды в трех разных книгах Литовского реестра: книга № 8, из корпуса документов, классифицированного как *Книги надписей*, охватывающая 1506–1514 годы (хотя содержит и несколько более старых документов); книга № 595 из корпуса *Посольские книги*, охватывающая 1506–1507 годы; и, наконец, книга № 7, также одна из *Посольских книг*, но охватывающая более длительный период между 1506 и 1530-ми годами. Текстовые различия между тремя версиями в основном незначительны, но складывается впечатление, что экземпляр Б, размещенный в книге № 8, немного лучше, чем два дру-

но, заслуживают дальнейшего изучения; возможно, неслучайно его хронологические рамки совпадают с так называемым «*Актом Томициана*» (*Acta Tomiciana*) (о последней коллекции см. ниже).

¹⁰¹ С другой стороны, не все книги, переданные Министерству иностранных дел, были *Legation Books* (*Посольские книги*).

¹⁰² Обе книги были уже опубликованы в XIX веке Михаилом Оболенским, директором Главного архива МИД, опубликовавшим также *ярлык Тохтамыша* от 1393 г.; см. *Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год)*. Под редакцией М. Оболенского и И. Даниловича (Москва, 1843) и *Сборник князя Оболенского* (Москва, 1838).

гих. Можно предварительно предположить, что тексты трех документов первоначально были записаны в нынешней *Книге надписей* среди других записей преимущественно бытового характера. Потом их скопировали в отдельную *Посольскую книгу*, содержащую текущую переписку с татарами и, по-видимому, составленную в 1507 году или вскоре после этого. Наконец, в 1530-х годах была составлена новая *Посольская книга*, в которой освещены отношения с татарами со времен воцарения Сигизмунда I. В нее включены три документа на основании более ранних копий.

Подводя итоги, можно сказать, что значение обширного корпуса документов, зарегистрированных в Короне (*Crown*) и особенно в книгах *Литовского реестра* (*Lithuanian Register*), сложно переоценить с точки зрения изучения переписки Вильнюса и Кракова с Крымом. Эти копии позволяют нам реконструировать форму и содержание оригиналов документов, особенно наиболее ранних из них, большинство из которых в настоящее время утрачены. С юридической и практической точки зрения в Вильнюсе и Кракове эти копии считались равными оригиналам, поскольку в них была зафиксирована формулировка королевских документов, оригиналы которых были отправлены в Крым. Кроме того, благодаря им стали понятными ханские документы, написанные арабской графикой, становившиеся доступными их получателям только после того, как были переведены и записаны в канцелярских книгах на русинском языке, латыни или польском. Тем не менее, следует помнить, что эти копии были иногда записаны в сокращенной или весьма небрежной форме. В таком случае они уступают не только оригиналам, но даже другим копиям, носившим статус официального документа¹⁰³.

Другие экземпляры, сохранившиеся в различных коллекциях

В 1535 году после смерти Петра Томицкого (Piotr Tomicki), польского вице-канцлера, его бывший секретарь Станислав Горский начал собирать все документы, относящиеся ко времени восшествия на престол Сигизмунда I. Первоначально коллекция состояла из двадцати девяти папок с документами в оригиналах или копиях, но позже несколько раз дополнялась и переделывалась. К концу XVI века объемная коллекция, позже названная «*Акта Томициана*», уже существовала в нескольких версиях и экземплярах. Являясь неоценимым образцом ведения канцелярии, она приобрела характер полуофициального руководства для составления документов и попала в библиотеки польских и литовских государственных деятелей, которые заказывали ее покупку или копирование. Текст латинского документа Сигизмунда I 1513 года, опубликованного в настоящем томе, можно найти в двух рукописных собраниях «*Акта Томициана*», которые когда-то принадлежали Анджею Опалиньскому (*Andrzej*

¹⁰³ См. документ 59, № 1 и документ 37, *passim*.

Opalinski) (1540–1593), маршалку великому коронному, и Станиславу Карнковскому (1520–1603), примасу Польскому¹⁰⁴.

В 1852 году Тит Дзялыньский (*Tytus Działyński*), польский вельможа, инициировал и спонсировал публикацию очередных томов «*Акта Томициана*», сохранившихся в *Курницкой библиотеке* (*Körník*), а также другие коллекции. К сожалению, редакторы самых ранних томов не сравнивали разные экземпляры с целью установления оригинального и наиболее достоверного текста опубликованных документов¹⁰⁵. Кроме того, они включали ряд документов, которые не принадлежали к первоначальному корпусу «*Акта Томициана*», не аннотируя их происхождение. Так, четыре татарских документа 1507–1520 годов, сохранившиеся в современных польских переводах, попали в печатную версию «*Акта Томициана*» несмотря на то, что они никогда не входили в первоначальный свод. Их общим источником происхождения является рукопись XVI века, хранящаяся в *Курницкой библиотеке* под нынешним номером 222. В нее входит отдельный блок, написанный одной и той же рукой на польском языке и насчитывающий 38 страниц, озаглавленных как «Договоры или соглашения, заключенные польскими королями с татарскими ханами Крымской Орды [букв. 'Перекопская Орда']» (*Pakta albo dokonczenia królów polskich z czarmi tatarskimi Ordy Prekopskiej stanowione*). В сборнике содержатся девять документов о мире, изданных крымскими ханами в период между 1462 и 1560 гг., а также письмо Мехмед Герая, которое не является документом о мире¹⁰⁶. Мы не знаем, кто заказал оформление сборника, были ли вошедшие тексты основаны на оригиналах, копиях или более ранних переводах и было ли это сделано официально, либо просто с целью коллекционирования. Четыре документа на польском языке, найденные в печатной версии «*Акта Томициана*», сохранились и в русинских вариантах, содержащихся в Литовском реестре¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Об «*Акта Томициана*» и их различных коллекциях, одна из которых была уничтожена в Варшаве в сентябре 1939 года, см. Ричард Марциняк (*Ryszard Marciniak*), «Из исследований коллекции *Acta Tomiciana* – «*Акта Томициана*». История Сапежинского-Радзивилловского периода в эпоху Просвещения», в: *Мемуарах Курницкой библиотеки*, вып. 16 (1980): с. 5–16; то же самое, «*Акта Томициана*» в культуре политической Польши эпохи Возрождения (Варшава-Познань, 1983); среди документов 1513, см. документ 11.

¹⁰⁵ См. Елена Хлопоцкая (*Helena Chłopocka*), «Научное редактирование Титуса Дзялыньского», в труде: *Дневник Курницкой библиотеки*, в: № 12 (1976): с. 65–91.

¹⁰⁶ Об этой рукописи см. *Каталог статей старопольских библиотек Корницкой XVI–XVIII вв.*, том 2. Под редакцией Р. Марчиняка, М. Мушинского, Я. Везио-ловского (Вроцлав и др., 1985), с. 90–92. О письме Мехмеда Герая от 1516 г. см. № 153 в части 1.

¹⁰⁷ Это документы 8, 12, 15 и 19; в настоящем томе они опубликованы на основе их русинских, более надежных вариантов, хотя варианты, встречающиеся в их польских версиях, также аннотированы.

Иногда русинская и польская версии существенно различаются¹⁰⁸, но они, по-видимому, происходят от одного и того же, ныне утраченного, оригинала или от более полных ранних копий.

Остальные пять документов, найденные в рукописи, в настоящее время сохранились только в польской версии, хотя эти версии, по-видимому, являются переводами с русинского¹⁰⁹. Наиболее ценным среди них является сохранившийся экземпляр старейшего крымского документа о мире, выданного Хаджи Гераем.

Еще одна ценная коллекция крымской переписки, сохранившаяся на сегодня в библиотеке Оссолинеума (Ossolineum) во Вроцлаве, была завершена в 1642 году Самюэлем Отвиновским, королевским переводчиком, упоминавшимся ранее. Рукопись, заказанная Королевской канцелярией, состоявшая из польских переводов многочисленных османских и крымских документов, хранится в королевских архивах и до сих пор считается актуальной для использования в политической жизни, диспутах, особенно в отношении оценивания количества подарков, надлежащих к отправке хану. Сохранившийся оригинал рукописи снабжен посвящением Отвиновского Петру Гембицкому, коронному канцлеру того периода¹¹⁰. Семь документов о мире, опубликованных в настоящем томе, также зафиксированы в польских переводах данной рукописи¹¹¹.

Последней крупной коллекцией, в которой были обнаружены копии переписки с Крымом, являются так называемые *папки Нарушевича*, большая часть которых в настоящее время хранится в Библиотеке Чарторыйских в Кракове. В 1781 году последний польский король Станислав Август (Станислав Понятовский) поручил своему доверенному приближенному Адаму Нарушевичу¹¹² собрать материалы, которые должны были послужить основой для составления объемного труда – «*Истории польского народа*». В результате кропотливой работы целой группы помощников, проведенной в многочисленных архивах и библиотеках как внутри страны, так и за ее пределами под руководством Нарушевича при финансовой поддержке короля в течение следующего десяти-

¹⁰⁸ Это особенно верно для двух документов 1513–1514 годов; ср. документ 12, № 1 и документ 15, № 2.

¹⁰⁹ Это документы 1, 4, 28, 31 и 33.

¹¹⁰ О рукописи и обстоятельствах ее исполнения ср. № 440 в части 1.

¹¹¹ Это документы 16, 20, 37, 50, 52, 53 и 54. В рукописи Отвиновский не записал все свои переводы восточных документов. Например, его переводы крымских документов 1624 и 1635 годов, сохранившиеся в отдельных экземплярах в Королевских архивах, не вошли в рукопись библиотеки Оссолинеума (Ossolineum).

¹¹² О контроле (наблюдении) Нарушевича за транскрипцией латинской графики Литовского реестра, см. выше.

тилетия были выполнены копии более чем 38 000 документов и размещены в более чем 200 папках¹¹³.

Поскольку оригиналы документов или их современные копии сохранились, то более поздние копии конца XVIII века из собрания Нарушевича менее важны. Однако, некоторые из последних были сделаны на основе более старых рукописей, в настоящее время уже отсутствующих. Например, три документа с 1637 года, опубликованные в данном томе, в настоящее время можно найти только в папках Нарушевича. Они снабжены соответствующими примечаниями *Ex ms. Bibl. Zalusciae № 425*, которые указывают, что эти копии были выполнены с более старой рукописи из библиотеки Залуских (Zaluski), уничтоженной во время Второй мировой войны (см. ниже)¹¹⁴. Некоторые другие копии также заслуживают нашего внимания. Например, семь крымских документов (ок. 1462, ок. 1473, 1513, октябрь 1514, 1539, 1542 и 1560 гг.) сохранились в польских переводах всего в двух сборниках: рукопись XVI века *Курницкой библиотеки* (№ 222), описанная выше, и папки Нарушевича. Два из этих документов (1513 и октябрь 1514 г.) также сохранились в более достоверных русинских версиях, поэтому их польские переводы представляют меньшую ценность, но остальные пять документов, включая самый старый, *ярлыки* XV века, памятники Хаджи и Менгли Гераю, уникальным образом сохранились в вышеупомянутых двух сборниках. К сожалению, копии, записанные в папках Нарушевича, не снабжаются никакими примечаниями, указывавшими бы на их происхождение. На самом деле весьма вероятно, что они взяты из собрания Курника (Курницкой библиотеки) и поэтому не представляют собой оригинальной научной ценности: из десяти крымских документов, зафиксированных в рукописях Курника (девять документов о мире и одно «обычное» письмо Мехмеда I Герая от 1516 г.), восемь можно также найти в папках Нарушевича. Некоторые экземпляры двух коллекций содержат одинаковые ошибки, особенно в отношении их данных. Более того, некоторые фрагменты,

¹¹³ О методах сбора материалов и командных поисках коллекций см. Станислава Гржибовского (Grzybowski), *Портфолио Нарушевича «Acta regum et populi Poloni» «Деяния королей и народа Польши»*. (Вроцлав, 1960); см. также критическую рецензию на эту книгу Ежи Михальского в *Источниковедение* 9 (1964), с. 180–183. После третьего раздела Польши и Литвы заботу о папках принял Тадеуш Чацкий, видный польский историк, а после его смерти они были приобретены семьей Чарторийских. Во время польского восстания 1830–1831 гг. коллекция была перевезена в Париж, а в 1876 году обрела свое нынешнее местонахождение в недавно основанной Библиотеке Чарторийских в Кракове. Ряд томов, конфискованных российскими властями в 1831 году, были вывезены в Петербург и возвращены Польше в 1930 году. Девять из этих томов пережили Вторую мировую войну и сегодня хранятся в Государственном архиве в Варшаве (AGAD).

¹¹⁴ О наиболее типичных замечках, касающихся происхождения текстов, вошедших в папки Нарушевича (например: *ex orig. Arch. Regni* для оригиналов от Коронных Архивов), см. Гжибовский, *Teki Naruszewicza*, с. 27–32.

написанные правильно в рукописи *Курницкой библиотеки*, выполнены с ошибками или не включены в папки Нарушевича, так как их составителям в XVIII веке, по-видимому, уже не были знакомы такие термины, как *koń potni* («лошадь вспотела»), *kupcy ordobazarcy* («купцы из ханского военного лагеря»), *Frasy* («Франки»), или *drzwi* (букв. «дверь», здесь конкретно имеют в виду ханскую «Порту»). И сходство, и упомянутые выше различия позволяют предположить, что рукопись в *Курницкой библиотеке* послужила основой ряда экземпляров, внесенных в папки Нарушевича.

Тем не менее мы не можем полностью отрицать тот факт, что по крайней мере некоторые из этих копий создавались на основе других источников. Стоит отметить, что *ярлык* Менгли Герая правильно датирован в папках Нарушевича (878 год хиджры), тогда как в рукописи в *Курницкой библиотеке* ошибочно указана дата 978 г. х. Кроме того, по имеющемуся свидетельству, *ярлык* Хаджи Герая – в оригинале или копию – видели в Библиотеке Залуских (*Zaluski*) в Варшаве в 1772 году¹¹⁵. Так как составители папок Нарушевича имели доступ к папкам Библиотеки Залуских, трудно объяснить, почему они не воспользовались коллекцией, имевшейся у них под рукой, а вместо этого использовали доступную для них на тот момент копию *Курницкой библиотеки*.

Библиотека Залуских, основанная двумя братьями-епископами Юзефом Анджеем Залуским и Анджеем Станиславом Залуским, была открыта в 1747 году как первая публичная библиотека в Польше. Вывезенная в Петербург в 1795 году, она стала ядром Императорской Публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека), основанной в том же году Екатериной II. Согласно положениям Рижского договора (1921 г.), она вернулась в Варшаву, отправленная частями в 1923–1934 годах, и была включена в состав Польской национальной библиотеки. К сожалению, после Варшавского восстания 1944 г. Национальная библиотека была сожжена нацистами, и большая часть ее коллекции была уничтожена. Лишь небольшая часть рукописей, ранее принадлежавших Библиотеке Залуских, чудом уцелела. По счастливой случайности среди них оказался обширный дневник Лаврина Пясечиньского, в котором рассказывается о трех его посольствах к татарам в 1601–1603 годах. Рукопись также содержит ряд документов в польских копиях, в том числе два документа Гази Герая II 1599 и 1601 годов, и документ Сигизмунда III 1601 года¹¹⁶.

¹¹⁵ См. № 34 в части 1.

¹¹⁶ Варшава, *Библиотека Народова (Национальная библиотека)*, ms. III. 3086 «Книга дипломатических миссий Лаврина Пясечиньского»; об этой рукописи см. № 345 в части 1, и Национальная библиотека. *Каталог рукописей*, серия 2, том 2: *Знак. 3006–3300 Рукописи из Библиотеки Залуских и другие польские коллекции, возвращенные из Ленинграда в 1923–1934 гг.* Под редакцией В. Kupse и К. Muszynska (Варшава, 1980), с. 123–129.

Отдельные *документы о мире*, которыми обменивались ханы и цари, сохранились также в копиях, разбросанных по различным рукописям, хранящимся в нескольких польских библиотеках. Их местонахождение можно узнать в библиографии и описаниях соответствующих документов.

Помимо больших коллекций рукописей, сохранившихся в странах, когда-то входивших в состав Речи Посполитой, а именно Польше, Литве (Вильнюс), Беларуси (Минск) и Украине (Львов и Киев), копии мирных документов, которыми обменивались Варшава и Бахчисарай, могут находиться, возможно, в Стамбуле, Москве и других городах, древних столицах государств раннего Нового времени, правители которых внимательно следили за международной ситуацией, развивающейся в непосредственной близости от их собственной границы. Пока таких копий обнаружено не было, но они могут быть выявлены в ходе будущих комплексных исследований.

Например, известно, что существовал регулярный обмен информацией между Стамбулом и Бахчисараем. В 1623 году султан Мурад IV отправил Мехмед Гераю III копию своего *ахднаме*, адресованного Польше-Литве, и потребовал, чтобы хан также уважал его положения¹¹⁷. Поэтому не исключено, что и копии крымских документов, которыми обменивались с Варшавой, были отправлены из Бахчисарая в Стамбул с целью держать Порту в курсе политических событий. Точно так же, во время крымско-русских переговоров, проходивших в Бахчисарае в 1680–1681 годах, Мурад Герай регулярно сообщал Порте об их успехах. Правда, ни один из двух случаев, описанных выше, нельзя рассматривать как достаточное доказательство того, что копии крымско-польских документов о мире были отправлены в Стамбул. Учитывая неравные отношения между Стамбулом и Бахчисараем, от хана ожидали уважения обязательств, взятых на себя перед султаном, но не наоборот, поэтому султану не нужно было подробно знать, что обещал хан польскому королю. Более того, порой Порта открыто отговаривала польский двор от прямых переговоров с ханом, намекая на квазисуверенный статус последнего¹¹⁸. Таким образом, отправка в Стамбул копий, написанных высокопарным слогом *ярлыков*, в которых ханы часто облакались в помпезные титулы, которые Порта считала предназначенными для османского султана, не был бы разумным шагом со стороны крымской канцелярии. Вышеупомянутые крымско-русские переговоры в Бахчисарае в 1680–1681 гг. были нетипичными, поскольку Мурад Герай был официально уполномочен заключить мир от имени Порты и соглашение, заключенное в январе 1681 г. между ханом и русским посланником, требовало еще подтверждения со стороны Османской империи, великого визиря и, наконец, султана.

¹¹⁷ См. Ян Рыпка (Yan Rycka), «Переписка Блистательной Порты с крымскими ханами во II томе “Мюншеата” Феридуна», с. 262 и 269.

¹¹⁸ См. № 218 в части 1.

Следовательно, хоть и вполне вероятно, что сообщения о крымско-польских посольствах и достигнутых договоренностях Стамбула необязательно означают, что тексты этих соглашений *были на самом деле* отправлены и в деталях отражены в османских архивах.

Еще одной столицей, где крымские отношения с Польшей-Литвой наблюдались с живым интересом, была Москва. Конечно, маловероятно, что копии документов, которыми обменивались короли и ханы достигали Москвы законными путями. Ни Варшава, ни Бахчисарай не были заинтересованы в посвящении царя в содержание своих соглашений, поскольку эти соглашения обычно были направлены против последнего. По аналогии, если ханы заключали соглашения с царями, они, как правило, были направлены против Польши-Литвы. В условиях традиционного недоверия в треугольнике Варшава – Бахчисарай – Москва в 1670 году произошло необычное событие. Царь не только заключил мир с ханом, в котором участвовал также и польский король, но русская канцелярия еще и поделилась с польской стороной содержанием документа, провела переговоры в Москве с татарскими посланниками, отправив его копию и в Варшаву¹¹⁹. Уникальность этого события связана не только с краткосрочным сближением Варшавы и Москвы, но и с тем необычным фактом, что это сближение отсрочило проведение совместной военной кампании против Крыма, которая свела бы на нет результаты любых трехсторонних переговоров, и о них не могло бы быть и речи.

Такие трехсторонние переговоры и добровольный обмен информацией были тогда крайне редки. Обычно сближение двух дворов приводило к отдалению третьего. Тем не менее, Москва все еще могла получать копии документов о мире, которыми обменивались между собой Бахчисарай и Варшава, через шпионов или «добрые услуги» членов соответствующих дворов, имена которых будут внесены в платежную ведомость Московии. Однако таких копий в российских архивах пока обнаружено не было.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dariusz Kołodziejczyk*. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. BRILL, LEIDEN/BOSTON, 2011. Режим доступа: https://shron1.chtyvo.org.ua/Kolodzeichyk_Dariush/The_Crimean_Khanate_and_Poland-Lithuania_international_diplomacy_on_the_European_periphery_15th_en.pdf (дата обращения: 13.11.2024)

¹¹⁹ См. № 515 в части 1.

Сведения об авторе: Дариуш Колодзейчик – профессор, директор Института истории Варшавского университета; профессор Института истории Польской академии наук; darkol@uw.edu.pl

Сведения о переводчиках:

Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Алиева Арзы Юсуфовна – внештатный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); arzy.aliyeva.1985@mail.ru

**The Crimean Khanate and Poland-Lithuania.
International Diplomacy on the European Periphery
(15th–18th Century).
A Study of Peace Treaties Followed by Annotated
Documents. Ottoman Empire and its Heritage**

Dariusz Kołodziejczyk

Abstract. This work is a translation from English of the first chapter “The language and preservation of documents” from the second part “A Study in the Crimean and Polish-Lithuanian diplomatics and diplomacy” of the scientific work “The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage” (pp. 223–265). The author of the work is a famous historian, director of the Institute of History of the University of Warsaw, professor of the Institute of History of the Polish Academy of Sciences Dariusz Kołodziejczyk.

In his work Dariusz Kołodziejczyk examines issues related to the language and preservation of documents concerning the history of the Crimean Khanate and its relations with Poland-Lithuania. He analyzes various sources, such as diplomatic treaties, letters, chronicles, travel notes, maps and other original documents published in different collections: official translations kept in the Royal Archives, official copies entered in the Royal and Lithuanian Registers, and copies kept in various collections and written in the languages used by the Crimean chancellery, the Lithuanian and Polish chancelleries – Ottoman Turkic, Crimean Tatar, Polish, German, Latin, Russian, etc. Discussing the problems associated with the translation, transliteration, interpretation and authenticity of these documents, as well as their storage, publication and accessibility to researchers, Dariusz Kołodziejczyk also emphasizes that language and the preservation of documents play an important role in understanding the history of the Crimean Khanate and its international diplomacy on the European periphery.

Keywords: Crimean Tatar Khanate, Poland-Lithuania, international diplomacy, diplomatic treaties, linguistic diversity, translation and transliteration, source study, archives and libraries.

For citation: Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. Trans. from English Seitkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* = *Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 168–213. DOI: 10.22378/kio.2024.2.168-213

REFERENCES

1. Dariusz Kołodziejczyk. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. BRILL, LEIDEN/BOSTON, 2011. URL: https://shron1.chtyvo.org.ua/Kolodzeichyk_Dariiush/The_Crimean_Khanate_and_Poland-Lithuania_international_diplomacy_on_the_European_periphery_15th_en.pdf (access date: 13.11.2024)

About the author: Dariusz Kołodziejczyk – Professor, Director of the Institute of History at the University of Warsaw; Professor of the Institute of History of the Polish Academy of Sciences; darkol@uw.edu.pl

About the translators:

Leilya S. Seitkhalilova – laboratory assistant researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Arzy Yu. Alieva – freelance employee of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); arzy.aliyeva.1985@mail.ru

ХРОНИКА

Научно-практическая конференция «Самоназвание крымских татар: история и современность» (г. Симферополь, 1 июля 2024 г.)

1 июля 2024 г. состоялась Научно-практическая конференция «Самоназвание крымских татар: история и современность»¹. Организаторами мероприятия выступили Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, редакция научного журнала «Крымское историческое обозрение», газеты «Голос Крыма new», газеты «Янъы дюнъя», журнала «Йылдыз».

С приветственным словом от имени директора Института истории им. Шигабутдина Марджани АН РТ Р. Р. Салихова конференцию открыл к. и. н., заведующий КНЦ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Э.Х. Сейдаметов. Отметив, что за последние годы в обществе активизировались вопросы, связанные с дискуссией о необходимости изменения национального самоназвания крымских татар, он напомнил, о важности проведения такого рода научных мероприятий, направленных на распространение знаний об истории, культуре, языке и самоидентичности крымских татар.

На научно-практической конференции с докладами выступили преподаватели и сотрудники Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник, представители национальных СМИ Республики Крым.

С докладом об аргументации автоэтнонима «крымские татары» индигенными и иностранными историческими источниками выступил Абдужемилев Р. Р. Этнониму «крымские татары» в документах периода советской истории и на современном этапе были посвящены исследования Г. Н. Кондратюка,

¹ См. программу и тезисы докладов конференции: http://вики.татаровед.рф/data/pdf/program_tezisi.pdf

Н. В. Бекирова. Терминам «татары» в крымскотатарской литературе и публицистике, а так же в трудах известных ученых, были посвящены доклады Н. Р. Абдульвапова, Ш. Э. Юнусова, С. А. Сулеймана, А. Р. Эмирова, С. А. Сеитмететовой, Э. Э. Абибуллаевой, Э. К. Аблязова, Э. Х. Сейдаметова, Э. А. Сеитбекирова, Л. С. Сейтхалиловой.

Несколько докладов были посвящены дискуссии об этнониме «крымские татары / кырымлы» в современном этническом контексте, упоминанию самоназвания крымских татар в песенном фольклоре народов Крыма, топониму «Крым» в контексте историко-археологических исследований и пр.

Большинство докладов конференции публикуются в настоящем номере журнала «Крымское историческое обозрение».

По итогам работы конференции была принята резолюция, текст которой опубликован ниже.

*Информация подготовлена
младшим научным сотрудником КНЦ
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Сеитмететовой С. А.*

**Резолюция
научно-практической конференции
«Самоназвание крымских татар:
история и современность»**

1 июля 2024 г. в г. Симферополе под эгидой Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ в соорганизации с редакциями газет «Голос Крыма new», «Янъы дюнъя», журнала «Йылдыз» была проведена научно-практическая конференция «Самоназвание крымских татар: история и современность». Мероприятие явилось откликом на многолетние дискуссии по вопросу названия (самоназвания) крымских татар, став первым научно-практическим форумом по соответствующей проблематике. Ранее этот вопрос обсуждался в формате круглых столов, семинаров и дискуссий в медийном пространстве. В конференции приняли участие более двадцати специалистов в области истории, филологии, политологии, философии, международного права, журналистики, поставивших цель рассмотреть как саму проблему названия (самоназвания) крымских татар, так и наиболее часто излагаемые аргументы сторонников изменения этого названия.

Выслушав доклады, представленные на конференции, проведя их всестороннее обсуждение и приняв во внимание все приведенные в них исторические, этногенетические, филологические, культурные, политические, правовые аргументы, участники конференции приняли следующую резолюцию:

1. Самоназвание «крымские татары», как и самоназвание любого народа, складывалось и закрепилось в его собственном национальном сознании на

протяжении длительного исторического времени и под влиянием множества географических, этнических, политических, культурных и генетических факторов. Оно является кратким выражением и обозначением как генетической памяти многих поколений наиболее многочисленного коренного народа Крыма, символом собственной национальной самоидентификации, так и этнокультурным «лицом» народа во взаимоотношениях со всеми иными субъектами окружающей его социальной действительности.

2. Самоназвание «крымские татары» является не следствием чьих-либо произвольных устремлений или внешних воздействий на предков современных крымских татар в их комплексной совокупности, а результатом многовекового совместного проживания на одной территории, общих национальных интересов, бесчисленного множества взаимодействий между этническими сообществами и отдельными людьми, выработки общепринятых и общепризнанных принципов, морали и ценностей, культуры, языка, образа жизни.

3. Навязываемая крымским татарам, международному сообществу, отдельным научным деятелям, общественности не крымскотатарского происхождения дискуссия о якобы необходимости изменения национального самоназвания является неприемлемой. Все призывы изменить используемое самоназвание «крымские татары» на выдуманные, не имеющие ни исторических, ни научных, ни социально-культурных оснований псевдоэтнонимы «кырымлы», «крымы», «крымцы» являются пропагандой, основывающейся не на заботе о подлинных интересах крымскотатарского народа, а вызванной факторами, которые в настоящее время все еще трудно точно определить, но, очевидно, имеющей своими целями подрыв национальной консолидации, разрыв крымскотатарской нации как единого организма на некие антагонистические фрагменты и, в конечном счете, неизбежное уничтожение крымских татар как этноса, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

4. Названия (самоназвания) «крымские татары», «крымскотатарский народ», «крымскотатарская нация» являются единственно возможными с точки зрения национальных интересов крымских татар как в среде самих крымских татар, так и в их отношениях с внешним миром.

5. Процесс консолидации и укрепления национальной идентичности крымских татар, несмотря на трагические события в жизни народа в течение XX века, продолжается в настоящее время.

6. Участники конференции согласились с необходимостью издания материалов конференции для всеобщего сведения на крымскотатарском, русском, украинском, турецком и английском, а по возможности и на других языках, а также распространения их доступными способами через СМИ и Интернет. Помимо этого, была отмечена важность проведения систематической работы по распространению знаний об истории, культуре, языке и самоидентичности крымских татар.

Научно-практическая конференция
«Самоназвание крымских татар: история и современность»
(г. Симферополь, 1 июля 2024 г.)

Торжественное мероприятие, посвященное 70-летию юбилею
известного искусствоведа, общественного деятеля,
ведущего научного сотрудника Крымского научного центра
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Исмета Аблятифовича Заатова
(Симферополь, 5 августа 2024 г.)

II Солхатские чтения
«Причерноморье в эпоху глобализации:
Восток и Запад в культуре Крыма»
(г. Старый Крым, 12 сентября 2024 г.)

III Всероссийская научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы истории крымских татар»,
посвященная, десятилетию Крымского научного центра
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
(пгт Форос, 19–20 октября 2024 г.)

Участники конференции:

1. Абдужемилев Рефат – кандидат филологических наук.
2. Абдульвапов Нариман – кандидат филологических наук.
3. Абдураманова Шефика – методист I категории по научно-просветительской деятельности ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия» (г. Симферополь).
4. Абибуллаева Эльмира – младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань).
5. Аблаева Наджие – руководитель медиаплатформы «Джанлы».
6. Аблязов Эмир – специальный корреспондент газеты «Голос Крыма new».
7. Апселямова Алиме – кандидат политических наук.
8. Бекиров Надир – кандидат философских наук.
9. Заатов Исмэт – кандидат искусствоведения.
10. Иззетов Рефат – краевед.
11. Кемал Эльвира – историк, краевед.
12. Киримов Таир – кандидат филологических наук.
13. Комурджи Рустем – кандидат педагогических наук.
14. Кондратюк Григорий – доктор исторических наук.
15. Куртсеитов Рефик – кандидат социологических наук.
16. Османов Дявер – главный редактор журнала «Йылдыз».
17. Сейдаметов Эльдар – кандидат исторических наук.
18. Сеитбекиров Эльдар – главный редактор газеты «Голос Крыма new».
19. Сеитваниева Гульнара – литературовед.
20. Сейт-Маметов Шукри – историк, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.
21. Сеитмететова Сельвина – старший научный сотрудник ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (г. Симферополь); младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.
22. Сейтхалилова Лейля – переводчик, языковед.
23. Сулейман Сейран – главный редактор газеты «Янны дюнья».
24. Усеинов Мемедула – историк, эпиграфист.
25. Эмиров Айдер – редактор альманаха «Страна Крым».
26. Юнусов Шекет – кандидат филологических наук.

70-летний юбилей Исмета Аблятифовича Заатова (г. Симферополь, 5 августа 2024 г.)

5 августа 2024 г. в стенах ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия» состоялось торжественное мероприятие, посвященное 70-летию юбилею известного искусствоведа, общественного деятеля, ведущего научного сотрудника Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан И. А. Заатова. В рамках мероприятия состоялось дарение его личной библиотеки в фонды научной библиотеки музея.

С приветственным словом и поздравлениями выступили: Манежина Т. А. – министр культуры Республики Крым; Меметова Л. Э. и Терещенко А. Н. – заместители министра культуры Республики Крым; Лобов О. В. – председатель Государственного комитета по делам архивов Республики Крым; Абибуллаева Э. Э. – заведующая Мемориальным комплексом И. Гаспринского; Кадырова Л. З. – заместитель директора ГБУК РК «Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского».

От имени директора Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Салихова Р. Р. выступил Сейдаметов Э. Х. – руководитель Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани. В своем выступлении Эльдар Халилович отметил вклад И. А. Заатова в изучение истории и культуры крымских татар, как ведущего научного сотрудника Крымского научного центра и подарил в научную библиотеку музея издания Института истории им. Ш. Марджани.

За многолетний добросовестный труд, высокое профессиональное мастерство, весомый личный вклад в развитие культуры Крыма юбиляр был награжден министром Республики Крым Т. А. Манежиной знаком отличия «За вклад в развитие культуры Республики Крым».

И. А. Заатов работает в сфере культуры с 1969 г. Является создателем и председателем первой крымскотатарской организации «Координационный центр по возрождению крымскотатарской культуры» (1989 г., Симферополь). При его непосредственном участии созданы Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского (ГБУК РК «Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского»), Республиканский крымскотатарский музей искусств (ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия»), был воссоздан Крымскотатарский музыкально-драматический театр.

*Информация подготовлена
младшим научным сотрудником КНЦ
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Сеитметовой С. А.*

II Солхатские чтения «Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма» (г. Старый Крым, 12 сентября 2024 г.)

12 сентября в Старом Крыму состоялась Всероссийская научная конференция «II Солхатские чтения. Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма». Организаторами конференции выступили ГБУ Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия, ГБОУ ВО РК Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, ФГБУН Институт археологии Крыма РАН и ГБУК РФ Государственный Эрмитаж.

В работе чтений приняли участие представители научного сообщества, музейных и образовательных учреждений Крыма, средств массовой информации. Тематика докладов была посвящена актуальным проблемам истории, археологии, этнологии Крыма, народов Причерноморья в период Средневековья и Нового времени, вопросам сохранения культурного наследия, реставрации предметов археологии, а также презентации и экспонирования музейных ценностей.

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ на конференции представили сотрудники Крымского научного центра. С приветственными словами и докладом об экономическом развитии Добруджи в XIX – в первой половине XX вв. выступил руководитель Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук Эльдар Сейдаметов. Новейшим археологическим исследованиям мечети Куршун-Джами в Солхате был посвящен совместный доклад старшего научного сотрудника Крымского научного центра, кандидата исторических наук Эмиля Сейдалиева и ведущего научного сотрудника Отдела Востока Государственного Эрмитажа, руководителя Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции, доктора исторических наук Марка Крамаровского.

Эпистолярному наследию, как источнику по повседневной жизни периода Крымского ханства, был посвящен доклад младшего научного сотрудника Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Эльмиры Абибуллаевой. Медресе Инджи-бек хатун как первый крымский университет было освещено в докладе ведущего научного сотрудника Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, доктора филологических наук Исмаила Керимова.

На конференцию также был представлен доклад «Османо-крымскотатарская политика тюркизации и исламизации населения Татского иля XV–XVII вв.» ведущего научного сотрудника Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, доктора философии в арткритицизме,

кандидата искусствоведения Исмета Заатова. О наследии педагогов тюрко-мусульманского мира в книжном собрании Исмаила Гаспринского рассказала младший научный сотрудник Сельвина Сеитмететовой.

С докладом о типологии форм восьмигранных надмогильных памятников города Солхат/Кырым выступил лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Мемедулла Усеинов. Значимость и актуальность его исследований была неоднократно отмечена на открытии выставки «Каменная летопись Солхата» в Музее истории и археологии г. Старый Крым, состоявшейся после завершения конференции.

*Информация подготовлена
младшим научным сотрудником КНЦ
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Сеитмететовой С. А.*

**III Всероссийская
научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы истории крымских татар»,
посвященная десятилетию
Крымского научного центра
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
(пгт Форос, 19–20 октября 2024 г.)**

19–20 октября 2024 г. в пгт Форос состоялась III Всероссийская научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы истории крымских татар»²**, организованная Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

В конференции приняло участие около 80 участников из Республики Крым, Казани, Ростова-на-Дону, Москвы и Санкт-Петербурга.

С приветствиями к участникам конференции выступили: Тимерханов Айнура, вице-президент Академии наук РТ; Салихов Радик, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; Исмаилов Айдер, заместитель муфтия ДУМ Республики Крым и г. Севастополь; Мухетдинов Дамир, первый заместитель председателя ДУМ РФ, ректор Московского исламского института; представители Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,

² См. программу конференции: http://вики.татаровед.рф/data/pdf/programma_foros2024.pdf

Института археологии Крыма РАН, Крымского инженерно-педагогического университета им. Ф. Якубова.

19 октября 2024 г. состоялись пленарное заседание конференции и работа трех секций:

- Крымские татары в эпоху средневековья;
 - Крымские татары в новое и новейшее время;
 - Этнокультурные и лингвистические вопросы крымскотатарского народа.
- 20 октября 2024 г. конференция прошла в формате трех круглых столов:

- Теоретические и методологические аспекты подготовки V тома «Истории крымских татар»;
- Благотворительность в Крыму: исторический опыт и перспективы развития;
- Изучение и сохранение памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар.

В ходе конференции выступающие неоднократно отметили особую роль Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, который в этом году празднует свой десятилетний юбилей.

Крымский научный центр был создан в 2014 г. с целью проведения системных фундаментальных и прикладных исследований в области истории и культуры крымских татар и народов Крыма, изучения вклада татарского и крымскотатарского народов в общую тюркскую цивилизацию на территории современной России.

С 2014 г. КНЦ издает научное периодическое издание «Крымское историческое обозрение».

При поддержке Раиса Республики Татарстан Р. Н. Минниханова ведется подготовка и издание научных изданий. Главным результатом деятельности научного центра стала работа над созданием пятитомной «Истории крымских татар». В 2022 г. вышел первый из томов издания «История крымских татар. Том III», посвященный Крымскому ханству. В 2024 г. завершается работа над рукописью IV тома «Крым в составе Российской империи. 1783–1920 гг.».

Кроме этого, важным результатом исследований стали серийные издания по историко-культурному наследию крымских татар: «Полное собрание сочинений И. Гаспринского» (3 тома), «Свод памятников истории и культуры крымских татар» (изданы 4 тома, подготовлена рукопись 5 тома), «Собрание сочинений У. Боданинского» (3 тома).

Всего с 2014 г. сотрудниками КНЦ издано более 30 монографий и других работ, опубликовано 300 статей в научных журналах.

*Информация подготовлена по материалам сайта
Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
<http://татаровед.рф>*

Правила для авторов см. на сайте crimeanreview.ru
<https://crimeanreview.ru/pravila-publikatsii/>
<https://crimeanreview.ru/trebovaniya-k-statyam/>

Instructions to authors look at the website crimeanreview.ru
<https://crimeanreview.ru/en/rules-of-publication/>
<https://crimeanreview.ru/en/requirements-for-articles/>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons
“Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials are available under the Creative Commons License
“Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2024. Т. 11, № 2

CRIMEAN HISTORICAL REVIEW
2024, vol. 11, no. 2

Компьютерная верстка – *А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 17.12.2024 г. Дата выхода в свет 24.12.2024 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆ Печ. л. 14,25 Тираж 200 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru